

Индекс П8643

4
2024

РОССИЯ XXI 2024 4

РОССИЯ XXI

4. 2024 октябрь-декабрь

Национальная доктрина

Андрей Богданов

Хронограф Великой России _____ 6

Геоглобалистика

Ольга Заиченко

«Как вы могли поверить, что мне нет дела до Польши!..» Польское восстание 1830–31 гг., его место в европейской «войне главных антагонистических принципов» и реакция либеральной части немецкого общества _____ 56

Страницы истории

Олег Буранок, Александр Буранок

Первый переводчик Сервантеса
на русский язык – Никанор Иванович
Ознобишин и его родословная.
Часть 2. Родословная _____ 84

Любовь Мельникова

Православные обители и монашество
Крыма во время Крымской войны
1853–1856 гг. _____ 112

Ярлыки и мифы

Вартан Эйриян, Алексей Юрченко

«Не могу понять, как генералы
могли так заблуждаться»: эволюция
военного вопроса в 1917 г. _____ 150

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

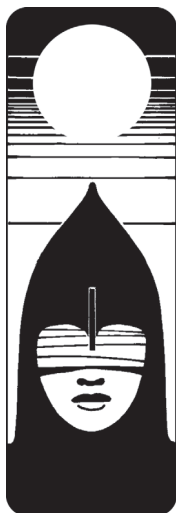
Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

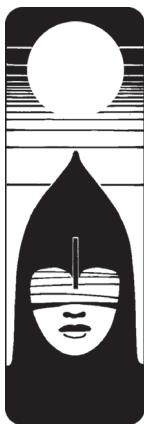
Общение с книгой – высшая
и незаменимая форма
интеллектуального развития
человека.

Александр Твардовский

Либо напишите книгу,
стоящую чтения, либо
сделайте что-то, стоящее
написания книги.

Бенджамин Франклин

Андрей Богданов

ХРОНОГРАФ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

94 (47) 04

Статья посвящена силе русского слова, воплощенной в великолепном, два века подряд захватывавшем читателей литературном произведении. Хронографу Русскому, созданному в 1516–1522 гг. Досифеем Топорковым, заслуженно повезло с любовью читателей и талантом редакторов, развивавших его текст применительно к идеям и реалиям XVII в. в крайне популярных II-й и III-й редакциях и оригинальных авторских переложениях. Литературные достоинства и прекрасно выраженные в Хронографе идеи сделали сочинение неоспоримой исторической библиотекой, формировавшей взгляд русских людей на мир, себя самих и свою державу, Великую Россию. В те времена под влиянием Хронографа Русского сложились главные представления о российском народе и государстве и нашем месте в мире.

The article is dedicated to the power of the Russian word, embodied in a magnificent literary work that captivated readers for two centuries in a row. The Russian Chronograph, created in 1516–1522 by Dosifey Toporkov, was deservedly lucky with the love of readers and the talent of editors who developed its text in relation to the ideas and realities of the 17th century in the extremely popular 2nd and 3rd editions and original author's retellings. Literary merits and ideas beautifully expressed in the Chronograph made the work an indisputable historical library that shaped the Russian people's view of the world, themselves and their state, Great Russia. At that time, under the influence of the Russian Chronograph, the main ideas about the Russian people and state and our place in the world were formed.

Ключевые слова: Хронограф Русский; Досифей Топорков; II редакция; III редакция; Пахомий Астраханский; Арсений Сухано; Симон Азар'ин; Словен и Рус.

Key words: Russian Chronograph; Dosifey Toporkov; 2nd edition; 3rd edition; Pakhomiyy Astrakhansky; Arseniy Sukhano, Simon Azar'in; Slovenian and Russian.

E-mail: bogdanovap@mail.ru

Отец Великой России

Кто из нас читал Хронограф Русский? – Да никто, кроме кучки специалистов, для которых памятник был издан в Полном собрании русских летописей, и то довольно поздно, в 1911 г. [67]. Правда, русские статьи, выдернутые из Хронографа всех трех редакций, были опубликованы выдающимся археографом Александром Николаевичем Поповым в 1860-х гг. Он тщательно собрал рукописи Хронографа и разделил их на три редакции, из которых первая авторская XVI в., а вторая и третья были созданы и обрели огромную популярность в XVII столетии. Попов первым, и на целое столетие последним, изучал их списки и издавал имевшиеся в них летописные продолжения [71; 70]. Для первой редакции этот фундамент был неприкосновенным до работ Олега Викторовича Творогова в 1970-х гг. [82], а для редакций XVII в. – до последнего времени, когда нам пришлось возобновить изучение Хронографа, отыскивая рукописи, использованные Поповым, выявляя неизвестные ему кодексы и давая название всем спискам, число которых увеличилось вдвое [32; 39; 43].

Вы можете усомниться, что эти научные работы хоть в малой мере повлияли на формирование российского национального самосознания, хотя бы на позиции трудящейся интеллигенции¹. И будете совершенно правы. Исследуя рукописную традицию Хронографа Русского в XVI и XVII столетиях, историки-энтузиасты разбираются в том, каким образом этот памятник повлиял на российское самосознание в те времена, когда оно в основных чертах сформировалось. Мы недаром употребили здесь совершенный вид глагола «формировать». Покажем это на примере основных понятий из гимна России 2000 г.:

Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава –
Твое достоянье на все времена! <...>

¹ В отличие от т. н. «творческой» интеллигенции, на которую заметно влияет только леньность мысли и АНБ США, что давно вызывает у мыслителей реально творческих немалое омерзение. «Боже меня сохрани! – говорил Л. Н. Гумилев. – Нынешняя интеллигенция – это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия»; «ну, какой же я интеллигент – у меня профессия есть, и я Родину люблю». Для Гумилева это банальность, поскольку различие между русскими образованными людьми, трудящимися на благо России, и интеллигентами по самоназванию была хорошо понято еще в начале XX в. Достаточно вспомнить статью П. Б. Струве в «Слове» от 16 ноября 1908 [р. 1] и написанную в ответ работу Н. А. Бердяева «К вопросу об интеллигенции и нации» [7, с. 129–137].

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!

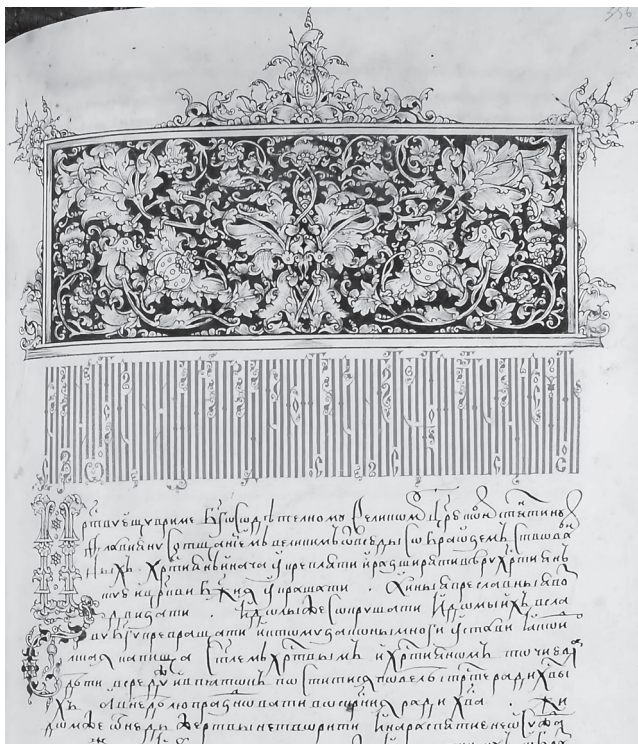
Мы видим, что всю правду написал Сергей Владимирович Михалков, все так и есть. Из перечисленных понятий только любовь к Родине трудно отнести к определенному времени, похоже, что испокон веков

Нам силу дает наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!

Остальное, разумеется, не на пустом месте, сформулировал автор Хронографа Русского Досифей Топорков в трудные и славные времена великого княжения Василия Ивановича III (1505–1533). Монах Иосифо-Волоколамского монастыря в то время, когда русские полки, с огромным трудом взяв Смоленск (1514), собирали по кусочкам раздробленную Русь и отражали Крымскую орду от стен Москвы (1521), предсказал, что стране нашей суждено стать наследницей великих держав прошлого, главной и единственной священной державой будущего. Хронограф Русский Досифей писал с 1516 г., завершив в 1522 г., когда великий князь московский стоял с войском на Оке, ожидая нового нашествия хана Мехмед-Гирея крымского, которого в прошлом году воевода Иван Васильевич Хабар-Симский Образцов-Добрынский пушками со стен Переяславля Рязанского побил, да не добил.

В этих условиях старец Досифей написал фундаментальный труд по всемирной истории, включив в нее историю русскую наравне со всеми великими «царствами», которые от Сотворения мира существовали. Он назвал нашу страну Россией и более того – Великой Россией. Он уверил читателя, что могучая воля и великая слава, в сравнении с иными державами, были достоянием России с древнейших времен. Что наша просвещенная православием страна во все времена хранима Богом. А после падения православного царства греков в 1453 г. Россия – единственная священная держава в мире, которую ждет процветание и великое будущее.

Складывается ощущение, что Досифей лично продиктовал идеи гимна Михалкову. Но, будучи в свое время знакомым с Сергеем Владимировичем, могу вас уверить, что это не так. Советский и русский писатель и поэт не обращался к сочинению Досифея. Просто идеи Хронографа

Заставка и букваца в Хронографе РГБ. Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №456. Л.356

Русского вошли в национальное самосознание настолько прочно, что воспроизвести их в гимне было совершенно естественно. Нас интересует, как и почему это получилось.

Государство наше при Досифее представляло собой крохотную, уязвляемую со всех сторон врагами часть современной России и называлось Московским: до 1547 г. великим княжеством, а до 1612 г. царством. В документах даже в 1612 г., направляя стопы на очищение столицы от изменников и интервентов, командиры Всенародного ополчения писали: Московского государства бояре и воеводы. Только 17 апреля 1612 г. Совет всей земли [89, с. 179–186] в Ярославле объявил о создании новой державы: Великой России [8, с. 3]², – которая одна могла противостоять нравственно павшему и отданному своими боярами под власть иновер-

² Грамоты с этим решением Совета были разосланы по городам разоренного Смутой Московского государства [1, №203].

цев-поляков Московскому государству. Собственно, главной в решении Совета была идея, что одна Москва не может навязывать свою волю всей стране, поэтому и пришлось формулировать новое определение нашей державы.

Идейное сопротивление, которое Совету всей земли пришлось преодолеть, было громадным. Ведь наша держава была собрана воедино Москвой. В те годы даже твердостоятельный патриарх Гермоген, которого нельзя упрекнуть в недостатке патриотизма, утверждал, что «дотоле Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков, и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам» [33, с. 201–302]. Сами земские воеводы, которые весной 1612 г. освобождали от изменников, интервентов и просто бандитов один уезд за другим, а в октябре вышли правительство из Кремля³, имели московские дворянские чины. Поэтому полководцы Совета именовали себя «Великороссийского Московского государства бояр и воевод и всей земли воеводами». В челобитных писали: «Великой России державы Московского государства боярам и всей земле». В платежных документах значилось: «По наказу Великой Российской державы Московского государства бояр... и по совету всей земли» [47].

То есть Московское государство пало, все его структуры испарились с дымом московского пожара еще в марте 1611 г., подчиняться приказам из Кремля всей стране было зазорно, а во главе Ополчения стояли московские воеводы! Совету пришлось этот москвоцентризм радикально преодолеть, опираясь на авторитет Хронографа Русского, оторвавшего представление о державе от одной Москвы. Отцы-основатели Великой России, а в то время – организаторы «незаконного вооруженного формирования» против правительства в Москве, начали не с книжного текста, а с понятия «вся земля», волю которой выражал Совет всей земли. От древнего термина «земля Русская» был еще один важный шаг к досифеевой Великой России, которая, по замыслу К. Минина, князя Д. М. Пожарского и их товарищей, представляла волеизъявление подданных единой державы, независимо от их веры и национальности, через выборных представителей всех 50 уездов страны, вместо одних лишь властей Москвы.

Повторим, словом «Россия» выборные люди обозначили единство всех городов и народов страны, а термином «Великая» подчеркнули, что выражают волеизъявление равных между собой подданных всего обшир-

³ По этому поводу и учрежден ныне День национального единства 4 ноября по новому стилю.

ного государства, без различия социального статуса, национальности, языка и вероисповедания. Это общее государство было, как полагал еще Досифей, православным. Само Всенародное ополчение собиралось, чтобы спасти православную веру и избрать «всею землею» православного царя. Но непременно в интересах всех народов страны, какая бы вера у них ни была. Недаром в числе первых, раньше многих русских городов и воевод, примкнули к Всенародному ополчению и прислали представителей в Совет всей земли татары, мордва и коми-пермяки.

Земский староста Козьма Минин-Сухорук, в силу своей неграмотности, не мог читать (хотя мог слушать чтение, как делали многие) Хронограф Русский Досифея Топоркова, в отличие от князей Дмитрия Михайловича Пожарского и Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Но почему мы думаем, что мысли наших отцов-основателей направляла именно эта книга? В конце концов Россией (с одним «с») греки в Византии называли Русь еще с IX в., заменяя в слове «у» на «о» и добавляя окончание по своим правилам. Кстати, и написание слова «Россия» с двумя «с» окончательно утвердилось у нас, как показал Б.М.Клосс, лишь с середины XVII в. в изданиях Государева Печатного двора [54]. Мы здесь адаптируем цитаты из Хронографа и документов потому, что слово с одним «с» сильно режет глаз.

Из греческих православных книг слово «Россия» постепенно проникало на Русь. В XVI в. им время от времени торжественно обозначали Русь в пределах Московского государства, в ведении Московского митрополита, а затем патриарха. Так называл нашу страну первый патриарх Иов в «Повести о честном житии» царя Федора Ивановича, явно апеллируя к Хронографу Русскому: «Итак, было время, было, говорю вам, такое время, когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России сияла ярче солнца и своими светозарными лучами освещала всю вселенную». Далее в тексте, наряду с упоминаниями «богохранимой державы великого Российского государства», речь идет о «всей Руси». Единственная редакция этой повести сохранилась в составе позднего произведения, Нового летописца, завершавшего Никоновскую летопись в списке второй половины XVII в.⁴, на полстолетия позже грамоты Собора всей земли 1612 г. Если текст Иова не отредактирован здесь по новым представлениям о державе, то и сколько-нибудь известным книжникам времен Смуты его не сочтешь, в отличие от популярнейшего Хронографа Русского, который читали все.

⁴Продолжавшего в рукописи Никоновскую летопись: БАН. 17.2.5. Т.2. Л.280об. – 308об.; опубл. [65, с. 1–22].

Разумеется, у нас нет прямых свидетельств, что наша Великая Россия, день рождения которой россияне должны всенародно праздновать 17 апреля по старому или 20 апреля по новому стилю, сошла прямо со страниц книги Досифея Топоркова. Ни князя Трубецкой с Пожарским, ни еще три десятка образованных дворян Совета всей земли не оставили рассказов о том, как все происходило на самом деле. Конечно, было бы замечательно, если бы Дмитрий Михайлович написал, как он, израненный в сече с поляками и немцами у храма Введения на Лубянке 17 марта 1612 г., был вынесен холопами из пылающей Москвы в Троице-Сергиев монастырь, где иноки, заставляя беспокойного князя соблюдать постельный режим, увлекли его чтением Хронографа Русского (который у них точно был). И что, одолив книгу⁵, князь в родовом имении Мугреево (между Шуей и Нижним Новгородом) понял из Хронографа, как спасти державу и создать Россию, еще до приезда за ним Минина с предложением возглавить Всенародное ополчение⁶. О такого рода источниках мы не мечтаем, но представление о влиянии книжного слова на людей получить можем, изучая жизнь сочинения и его место в обществе. У Хронографа Русского жизнь рукописей была фантастически успешной.

Образцовая книга XVI в.

Место Руси в мировой истории искали все наши историки, в меру творческих сил и богатства источниковой базы, начиная с Никона

Великого в 1070-х гг. [59]. Но фундаментальным для мировоззрения авторов и читателей Новой России стал Хронограф Русский. Он прочно соединил русское летописание и хронографию – летописание по всемирной истории на греческом, сербском и болгарском языках, вошедшее в русскую книжность с того же XI в., когда на Руси появилось свое летописание.

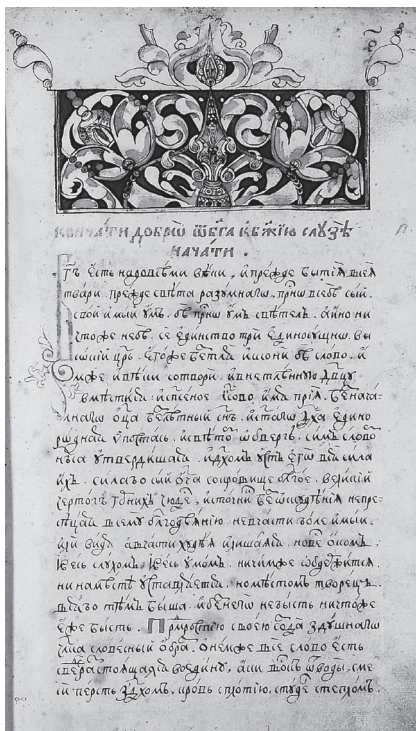
К слову, термин «хронограф» (от греч. *chronos* – время, и *grapho* – пишу) не столь однозначно переводился на древнерусский язык понятием «летопись», как делаем мы для простоты картины. Сущностное понятие «время» было важнее формы изложения по «летам». Начальная летопись Никона Великого 1070-х гг. озаглавлена «Временник, еще есть

⁵ *Одолживание книг для чтения было обычным делом в XVII в. [14].*

⁶ *Соответствует биографии Д.М.Пожарского [8, с. 278–349].*

нарицается летописание»⁷, а сочинение иноков Киево-Печерского монастыря 1120-х гг.: «Повесть временных лет»⁸.

Термин «Временник» благополучно дожил до XVII в. Дьяк Иван Тимофеев назвал так свое сочинение 1610–1617 гг. [48]. Оригинальный «Сокращенный временник» из Хронографа Русского, Синописа, Чудовского летописного свода 1680-х г. и «Летописца выбором» сохранился в сочинении иноков Спасо-Ярославского монастыря (между 1691 и 1692): «Временник, сиречь летопись, о бытии всего мира вкратце, избрано от пространного летописания»: РНБ, Q.IV.149. [19]. С другой стороны, сокращение летописей с большой хронографической частью о всемирной истории книжники XVII в. могли называть и «хронографцем»⁹, и «Летописцем от Адама»¹⁰, игрой терминами вводя нас во искушение разделить сочинения одной жанровой группы и спутать их с краткими общерусскими летописцами, начинавшимися «от Адама» чисто формально, как, например, Краткой Московский летописец [16; 29].

Вводная статья Хронографа Порфирия Семенникова: РГБ. Ф.310. Собр. В.М.Ундольского №723. Л.10

⁷ Предисловие к Начальной летописи с ее названием сохранилось в Комиссионном списке Новгородской I летописи: «Временник, еже есть нарицается летописание князей и земля Руския, и како избра Бог страну нашу в последнее время, и грады почаша ставити по месту, прежде Новгородская волость и потом киевская» [60, с. 17].

⁸ По Ипатьевскому списку: «Повесть временных лет», по Лаврентьевскому – «Се повести временных лет» [60, с. 18].

⁹ «Краткое собрание сего хронографца, яко скоротечныя колесницы достигающа до браго пристанища»: РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1963 г. № 65.1. Л. 1–44; ГЛМ. Инв. № 50909/38. 2°. Л. 135–155 [40]; сравни: РГАДА. Ф. 196. Собр. Ф. Ф. Мазурина. № 659. Л. 308–329 [41].

¹⁰ РНБ. Ф. 536. Собр. ОЛДП. Ф. 476. Л. 291–305 об.; и др.

Разделение текста на хронографический (о событиях иностранных) и летописный (об истории Руси) произвели ученые, опиравшиеся на Хронограф Русский, четко показавший особенность хронографии [67]. Эта книга была создана в 1516–1522 гг. ученым книголюбом, знатоком греческого языка, иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Досифеем Топорковым [82, с. 31–43, 160–194, 205–207; 56, с. 157–169]. Блестяще соединив труды многих летописцев и переводчиков, он воссоздал картину главных событий всемирной и русской истории от Сотворения мира до завоевания Константинополя турками (1453) и предложил множество идей, воспринятых обществом благодаря высокой популярности его сочинения.

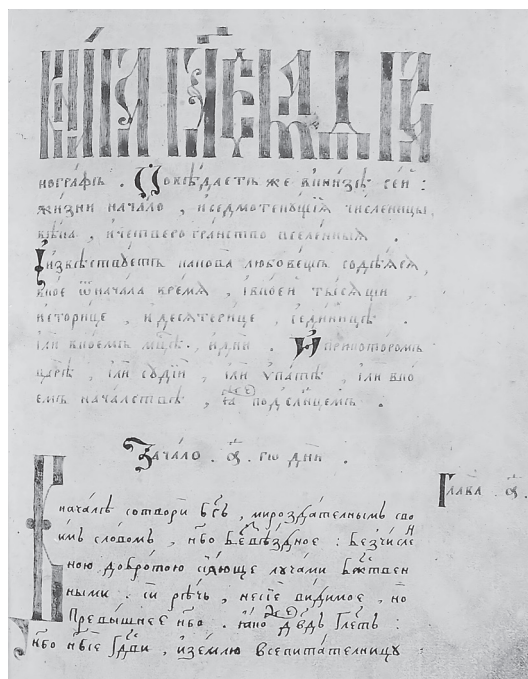
Именованье Руси Россией и даже Великой Россией запомнилось читателям потому, что оно отражало идею более глубокую. История мира от Адама в книге Досифея включила Россию в череду сменявших друг друга великих держав, «царств». Вначале – в качестве эпизодов, вкрапленных в рассказ о событиях в Империи ромеев. Затем события в России становились все более значительными и весомыми. А к концу книги, когда на ее страницах Константинополь, столица единственного в мире православного царства, предал веру и пал под ноги турок, не оставалось сомнений в том, какая именно держава становится священным мировым царством. Все великие царства пали, констатировал своим рассказом Досифей, «Наша же Росиская земля Божию милостию и молитвами пречистыя Богородицы и всех святых чудотворцев растет и младает, и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младаети и разширятся и до скончания века!»

Созданный в бурные времена Василия III Хронограф Русский не просто увлекательно рассказал о Египетском, Ассирийском, Вавилонском и Израильском царствах, о деяниях и походах Александра Македонского, истории Рима и Византии, Болгарии и Сербии, завершив историю мира великим княжением Московским. Досифей, с одной стороны, сохранил констатирующий, фактографический стиль предшествующего летописания, излагая события по годам и лишь объединив погодное изложение в 208 кратких главах¹¹. С другой – тщательно переработал все свои источники в соответствии с концепцией, что мировая история есть история царей и смены мировых монархий, на место которых ныне пришло царство Русское, ставшее центром мира вместо православных некогда Рима и Константинополя.

¹¹ *Такую разбивку первым в русской историографии предложил составитель второй редакции Летописца еллинского и римского [53, с. 370–379].*

Мира, в котором московский самодержец, «царь», как глава Русской церкви, является, по логичному выводу последующих авторов из текста Хронографа, главой мирового православия¹².

Отбор и изложение «фактов» в Хронографе Русском преследовали одну цель, сверх декларированного знакомства читателей с историей человечества от Адама: доказать величие миссии Русского государства в мировой истории и прославить его Богом данных самодержцев как защитников и хранителей избранного, центрального царства новейшего, наилучшего мира. Опираясь на сильных предшественников, Досифей создал увлекательнейшую хронографически-летописную книгу, которая формировала русское национальное самосознание в большей мере, чем самые яркие памятники публицистики. Те вдохновляли и призывали, воспламеняя людей на какое-то время.

Заглавие Хронографа в кодексе Алексея Ермилова:
РГБ. Ф.299. Собр. Н.С.Тихонравова №570. Л.13

¹² О работе с источниками и концепции составителя Хронографа Русского [26, с. 291–297]. Утверждение этих идей в общественной мысли и державной концепции прослежено [26, с. 307–360].

Досифей старался предложить (не всегда, но в целом успешно) художественные рассказы, которые входили в голову читателя частью его собственного опыта.

Нельзя сказать, что концепция Хронографа Русского была целиком оригинальной. История древних «царств» служила для летописцев обоснованием идеи величия Руси и первенства Москвы за 100 лет до Досифея, с начала XV в., с Летописца еллинского и римского [57], хорошо изученного ныне хронографа, именуемого с древних времен и в современной науке «летописцем» [53; 83; 82, с. 24–32, 111–159, 274–304]. Строго говоря, если неизвестный составитель Летописца еллинского и римского начал последовательно показывать Русь в мировой истории наравне с Византией, то это имели в виду и более ранние летописцы. Они не предлагали читателю столь же богатый хронографический материал, но были знакомы с ним как по переводным греческим хронографам, так и по созданному в 1090-х гг., как раз между Начальным сводом и Повестью временных лет, русскому Хронографу по великому изложению¹³, а позже и по Хронографическому своду XIII в.¹⁴, реконструируемому по Архивскому и Виленскому хронографам [85]. Если углубляться *ab ovo*, то и составитель Начального свода Никон Великий в 1070-х гг. почерпнул свою форму «временника, который нарицается летописание», из выполненного к середине XI в. славянского перевода «Избранной Хронографии» Георгия Синкелла, продолженной Феофаном Исповедником¹⁵; она прочно вошла в русскую историографию XV – начала XVI в. [61]. А также, возможно, из известного на Руси с начала 1070-х гг. и весьма популярного [62] краткого хронологического свода: «Летописца вскоре» патриарха Никифора¹⁶. Если, как полагают коллеги, существовал более ранний памятник русского летописания, он все равно восходил по форме к ромейско-греческой и хорошо известной на Руси болгарской хро-

¹³ *Рукопись его не найдена: текст реконструируется по Палее Хронографической, Хронографу Троицкому и второй редакции «Летописца Еллинского и Римского»* [82, с. 20–24, 46–73, 107–109, 141–144].

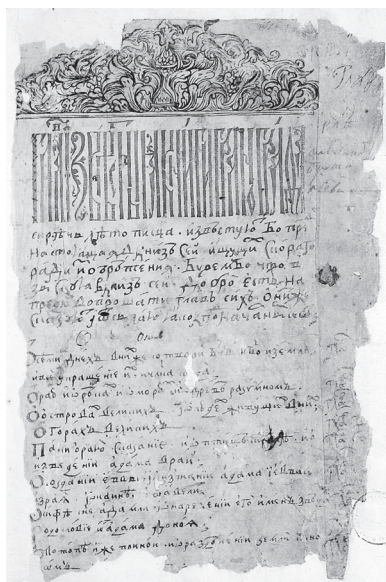
¹⁴ *Хронографический свод XIII в. принято называть также Иудейским хронографом. В него вошли 6–10 книги Хроники Иоанна Малалы, фрагменты из библейских книг, «Александрии» и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия* [51].

¹⁵ *Славянский текст Хроники опубл. [87]. Два самых ранних списка этого древнего перевода относятся к XV в. [52; 84].*

¹⁶ *См. публикации [63, с. 248–252; 64, т. 9, с. XVI–X; 68, с. 165–172, 301–307]. О памятнике [90].*

нографии IX–X вв. Говоря на одном языке, русские и болгары переводили греческое слово «хронография» одинаково точно: летописание¹⁷.

Досифей, не будучи первооткрывателем и опираясь на богатую книжную традицию, оказался лучшим литератором, чем его предшественники, сделав текст максимально привлекательным и убедительным для читателя. Обширнейший Хронограф Русский завоевал невероятную популярность среди книжников и сотни раз переписывался – как отдельная книга и часть более крупных летописных сводов. Если сами эти своды дошли до нас в единичных списках, то Хронограф Досифея, несмотря на огромные потери рукописей в пожарах и Смуте, только в столетие его создания дошел до нас в десятках экземпляров. Переписчики в XVI и XVII вв. временами сокращали, дополняли и исправляли его, превращаясь в редакторов. Известны редакции второй половины и конца XVI в., 1617 г., до 1618 г. и более поздние, о которых мы расскажем далее,

Оглавление Румянцевского II-го Хронографа: РГБ. Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №458. Л.1

¹⁷ «Не са били наши болгарски царево и патриарси... без летописни книги», – справедливо утверждали древние болгары [49, с. 27]. «Хронограф, – справедливо пишет здесь Л.В. Горина, приступая к исследованию несохранившегося болгарского памятника по русским источникам: Архивскому хронографу, Еллинскому летописцу первой редакции и Галицко-Вольнской летописи, – это сочинение, в котором автор, излагая события всемирной истории, старается отыскать место и своей, отечественной, истории в этой многообразной панораме».

предупредив здесь, что все они имели целью улучшить и продолжить труд Досифея, а не заменить его собственным сочинением.

Хронограф Досифея Топоркова не только тиражировался сам, но стал одним из краеугольных камней официального летописания XVI в. Он прямо повлиял на созданную к началу 1530-х гг. Никоновскую летопись [64]: и своим текстом, и методами обращения с источниками и «фактами», и тем, что эта крупнейшая летопись XVI в., вобрав в себя немалую хронографическую часть, развивала его концепцию изложения русской истории в контексте мировой¹⁸. На рубеже 1560–70-х гг. Хронограф Русский, вместе с Летописцем еллинским и римским и Никоновской летописью по списку Оболенского (РГАДА. Ф.201. Собр. М.А.Оболенского. №163) был включен в Царственную книгу – Лицевой летописный свод, представлявший собой колоссальную иллюстрированную энциклопедию исторических знаний: 9745 листов, 17744 миниатюр, при том, что один том не сохранился. Это «самое крупное летописно-хронографическое произведение средневековой Руси» (по определению Б.М.Клосса) с изложением всемирной и русской истории не было завершено [55; 2]; оно еще при царе Федоре Алексеевиче (1676–1682), взявшем его с Печатного двора в царскую библиотеку, хранилось в листах [45; 46], вследствие чего и пропал возвращенный нами том Жития Николы [44]. Но огромные летописные памятники, даже Никоновская летопись, ставшая основой одной из ветвей официального летописания следующего столетия [56, с.266–295], меньше способствовали популярности сочинения Досифея, чем сама его книга, ставшая в сознании писцов и читателей XVII в. классической библиотекой исторических знаний.

Историческая библиотека XVII века

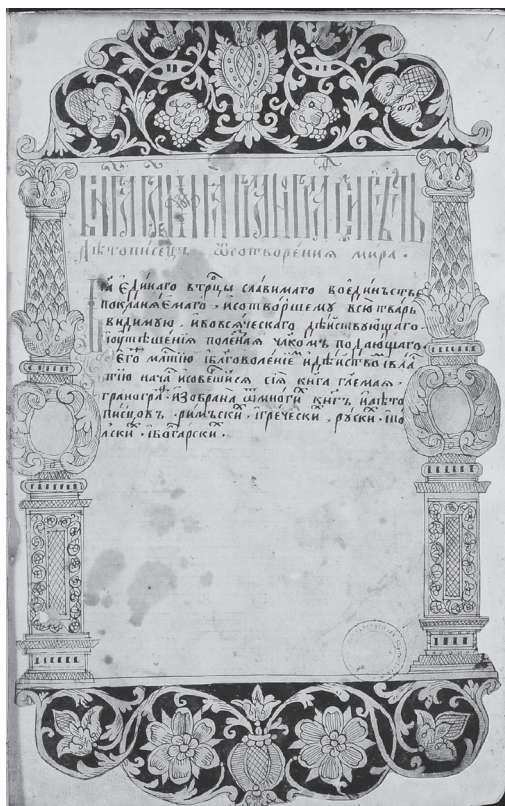
Фундамент изучения истории текста Хронографа Русского на всем протяжении его бытования заложил 150 лет назад выдающийся археограф

XIX в. Александр Николаевич Попов. Он тщательно собрал рукописи Хронографа и разделил их на три редакции, из которых I-я авторская, а две, II-я и III-я, были созданы и обрели огромную популярность в XVII столетии. Попов исследовал их списки [71] и опубликовал имевшиеся в них летописные продолжения [70]. Для редакций XVII в. этот фундамент был неприкосновенным до последнего времени, когда нам пришлось возобновить изучение Хронографа, отыскивая рукописи, ис-

¹⁸ Соотношение Никоновской летописи с Хронографом Русским изучил Б.М.Клосс [56, с.157–177].

пользованные Поповым, выявляя неизвестные ему кодексы и давая название всем спискам, число которых увеличилось вдвое [32; 39; 43].

I-я редакция Хронографа Русского – творение самого «великого старца» Досифея, по Попову 1512 г., на самом деле 1516–1522 гг. II-я была доведена неизвестным книжником до конца Смуты (1613) и закончена в 1617 г. III-я, в виде 1-го ее разряда доведенная до конца 1617 г., появилась в немалый промежуток времени между 1620 и 1645 гг. Текст II-й редакции с царствования Федора Ивановича был дополнен в III-й редакции прекрасными литературными текстами Сказания Авраамия Палицына и Иного сказания и доведен до Деулинского перемирия 1 декабря 1618 г., знаменовавшего окончательное завершение Смутного времени и наступление периода всеобщего благоденствия.

Первая страница Фохтова Хронографа: РГБ. Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №457. Л.1

Смута 1601–1618 гг. потрясла основы успешно развивавшегося, с точки зрения многих летописцев, Московского государства. Потрясла настолько, что формально оно рухнуло и уступило место Великой России. Этот «разрыв времен» при Михаиле Федоровиче Романове (1613–1645) все же был преодолен во II редакции Хронографа Русского. Ее составитель был видным летописцем и талантливым хронистом. Именно он первым взялся восстановить «связь времен» после Смуты, доводя текст от Сотворения мира до «всемирной радости» венчания на царство Михаила Федоровича Романова (1613)¹⁹. Книжник, служивший, как полагают, при дворе царя Михаила Федоровича (1613–1645), взяв за основу Хронограф Досифея Топоркова, сократил изложение библейской истории до Христа, но включил в текст новые рассказы об истории древней Греции, началах Польского и Чешского государств, открытии Америки и т. п. Больше внимания он уделил возникновению ислама и истории турок, взятие которыми Константинополя (1453) завершало первоначальный текст Хронографа Русского.

Новой его задачей, завещанной самим Досифеем, было рассказать о создании и расцвете Московского царства во второй половине XV–первой половине XVI в., Великом разорении страны Иваном Грозным и гибели его династии при Федоре Иоанновиче. Основное внимание составитель уделил царствованиям Бориса Годунова и особенно событиям Смутного времени. Именно он в то время, когда «История о великом князе Московском» Курбского была еще неизвестна на Руси²⁰, описал превращение «мудрого ума» Ивана Грозного в «нрав яр», а заодно и гибель добрых задатков Бориса Годунова под влиянием зависти.

При этом редактор 1617 г. укрепил концепцию Московского царства, выраженную в Хронографе Досифея. Он утверждал родство²¹ династии Романовых с Рюриковичами и изобразил Михаила Федоровича богоизбранным наследником русских самодержцев, восходящих к римскому

¹⁹ Эти летописные статьи, хоть и не достигали художественных высот текстов III-й редакции, еще не появившихся, были для своего времени достижением замечательным. См. публикацию [70, с. 131–204]; о памятнике [71; 82; 86].

²⁰ «История» была переписана А. И. Лызловым 22 января 1677 г. в доме князя В. В. Голицына в составе «сборника Курбского»; следующие списки сборника распространялись среди избранного круга придворных и особо просвещенных лиц [3, с. 63].

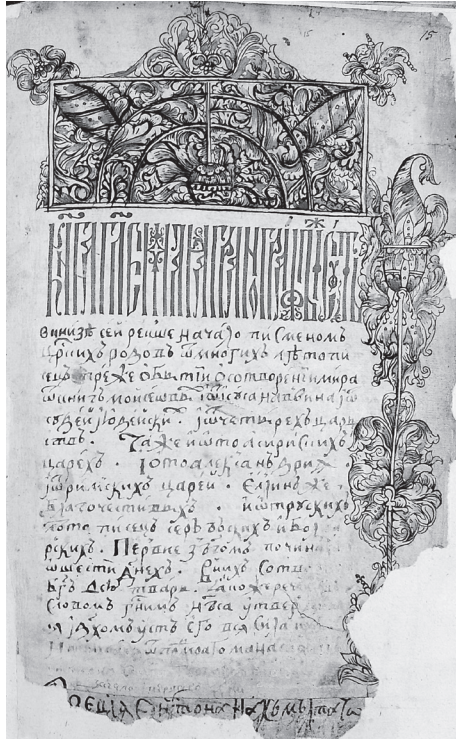
²¹ На самом деле только свойство, что не помешало летописцам XVII в., более того, авторам официальных документов, вроде чина поставления в патриархи Филарета Никитича (1619) и чина венчания на царство Алексея Михайловича (1645) утверждать, что Романовы – законные наследники Рюриковичей и, более того, происходят в этом качестве от кесаря Августа (при наличии отличной от Сказания о князьях владимирских родословной легенды Романовых).

императору Августу. Неудивительно, что именно Хронограф II-й редакции, а не многочисленные личные «истории», которые последовали за ним, стал едва ли не самой популярной у русского читателя исторической книгой в XVII в.: вместе с 50-ю списками III-й редакции это более сотни сохранившихся крупных рукописных книг. Именно Хронограф, соперничая лишь со Степенной книгой и Новым летописцем, переписывался во всех городах, а иногда даже селах.

Соперницей II-й редакции Хронографа Русского стала III-я. За ней закрепилось определение «редакция 1620 г.», но оно означает лишь, что сочинение, в виде 1-го разряда этой редакции, было написано после 1620, но до 1645 г. Ее отличием от II-й редакции была большая литературность. Составитель II-й редакции изложил бурные события с царствования Федора Ивановича (1584–1698) до воцарения Михаила Федоровича в 1613 г. эмоционально, но по-летописному, то есть с точки зрения классического Хронографа недостаточно художественно. Этот недостаток составитель III-й редакции преодолел, переписав весь текст от Великого разорения до конца Смуты на основе превосходных литературных источников, Сказания троицкого келаря Авраамия Палицына и Иного сказания [71, вып.2, с. 147–148], а довел уже не до воцарения Михаила Федоровича (1613), а до Деулинского перемирия с речью Посполитой и окончания Смуты в 1618 г. К этому 1-му разряду позже в XVII в. прибавились 2-й [71, вып.2, с. 175–198; 70, с.257–281] и основанный на нем 3-й разряд [71, вып.2, с.202–229; 70, с.238–247, 459–541], без существенного вмешательства в основной текст.

Хронограф Русский, доведенный до конца Смуты, на этом просто застыл. Целые поколения, помнившие ужасы Смуты, горячо надеялись, что православное царство прошло последнее страшное испытание, теперь-то уж точно ничего столь же чудовищного не случится, что «история прекратила течение свое» и наступила эра всеобщего благоденствия.

III-я редакция Хронографа (часто именуемая редакцией 1617 г.) сохранилась в великом множестве списков, но была продолжена, причем краткими статьями, лишь дважды: до 1647 и 1654 гг. [70, с.204–212]. III-я редакция была найдена нами в 50 кодексах, но имела несмелые продолжения лишь в 7 из них, а серьезное – в одном. Из 26 полных списков ее 1-го разряда летописные продолжения имеют два, до 1655 и 1696 гг. (они опубликованы Поповым в Изборнике). Из 11-ти списков 2-го разряда, изначально доведенного до 1630 г., 4 списка расширены до 1647 г. А из 16-ти списков 3-го разряда новые летописные дополнения имеет

Титульный лист Румянцевского II-го Хронографа: РГБ. Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №458. Л. 15

пара, считая таковыми в одном кодексе лаконичные записи о кончинах самодержцев [39].

Столь редкими продолжения были даже в конце XVII столетия, когда Хронограф Русский III редакции завоевал максимальную популярность. В 1-м разряде это специально изученный нами кодекс Ундольского с летописью до 1696 г. [43] и не найденный в архивах список Попова I-й с неизданным продолжением до 1655 г. При этом 11 кодексов этого разряда из 26 определенно датируются последней четвертью XVII в. К ним надо прибавить еще 3 кодекса, которые относятся к XVIII в. Для этих Хронографов ход связного исторического повествования остановился на завершившем Смуту Деулинском перемирии с поляками 1618 г. Заполнять столь серьезную лакуну переписчики и владельцы рукописей не пожелали, хотя в известных книжных центрах, где переписывали Хронограф, могли сделать это без проблем.

Во 2-м разряде интерес к летописному продолжению оказался чуть выше. Уже самый ранний Сольвычегодский кодекс (1645) был доведен летописными статьями от брака царя Михаила Федоровича с Марьей Долгоруковой в 1624 г. до рождения царевны Анны Михайловны 4 июля 1630 [70, с.279]. Эта инновация привилась еще в 6 кодексах, так что окончание текста 1630-м годом можно считать общим признаком Хронографа 2-го разряда III-й редакции. Однако еще 4 кодекса XVII–начала XVIII вв. были продолжены летописными статьями (до запрета торговли по воскресным дням в 1647 г., в царствование Алексея Михайловича), благодаря чему в Хронографе появилась новая глава 170. Это была уже тенденция, хотя ветвь 2-го разряда с продолжением до 1647 г. не процвела.

В 3-м разряде далее 1647 г. был продолжен только один кодекс с летописью царствования Алексея Михайловича до 1654 г. Еще один имеет в дополнениях летописные статьи с московского пожара 3 мая 1626 г. до прихода в Москву шведских послов от Густава-Адольфа в 1629 г., известные в составе продолжения 2-го разряда до 1630 г., а другой содержит краткие записи о кончинах царей Михаила, Алексея и Федора (1682).

Очевидно, что новые и новейшие исторические сведения не представлялись большинству переписчиков и владельцев Хронографа III-й редакции необходимыми и интересными. В этом смысле лишь тщательно изученный нами Хронограф Ундольского №726²² с мощным летописным продолжением до 1696 г. представляет серьезное исключение [43]. Причину столь необычного пренебрежения летописным продолжением Хронографа Русского мы видим в его литературном отличии от летописи, которое понимали и ценили книгописцы и читатели.

Летопись на Руси с древнейших времен, с Начального свода и Повести временных лет, была синтетическим жанром, включавшим в себя самые разнообразные литературные произведения, – более или менее уместно включенные в линию погодных записей, – которые представлялись ценными сами по себе. Это повести, жития, богословские рассуждения, народные байки и мн. др. Даже трудное для чтения «Хожение за три моря» Афанасия Никитина было почти целиком (кроме вступительной молитвы автора) включено в великокняжеский летописный свод конца XV в. и перешло из него в своды XVI в. [4].

Хронограф же, особенно Хронограф Русский со времен Досифея Топоркова представлял собой, прежде всего, собрание выстроенных по хронологии литературных произведений, которые даже в форме коротких статей предлагали читателю каждое свою оригинальную и за-

²²РГБ. Ф.310. Собр. В.М. Ундольского. №726. 2°. 856 + 2 л. 182 главы вместо 169.

хватывающую историю. Именно так Хронограф III-й редакции воспринимался любителями книги. В нем и новейшая русская история конца XVI – начала XVII вв. из довольно сухого изложения событий во II-й редакции превратилась в яркие литературные рассказы о Смуте. Даже конечная для базового текста III-й редакции статья о Деулинском перемирии 1618 г. – маленькая повесть, завершающая собой величественный свод сказаний о Смутном времени, тонко связанных с Троице-Сергиевой обителью.

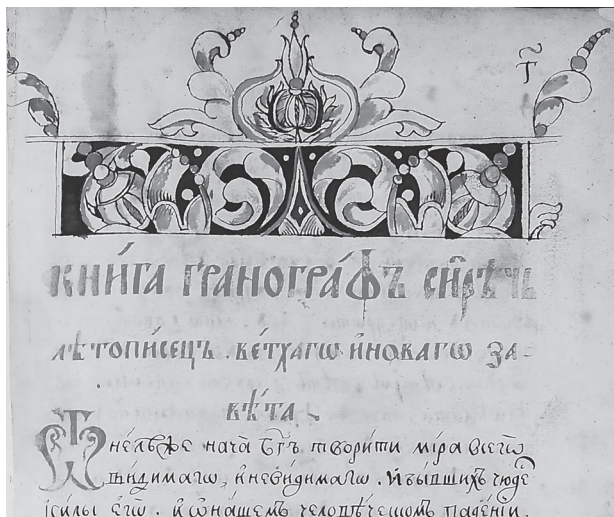
Продолжение Хронографа простыми погодными записями напрашивалось с точки зрения исследователя летописания. Но книжники проигнорировали наш интерес и предпочли дополнить текст, оставив в нем немалый хронологический перерыв, превосходной повестью о взятии и обороне казаками Азова в 1637–1641 гг. В самом деле: что значила лагуна в 20 лет для памятника, собравшего захватывающие истории мира от его Сотворения, между которыми были намного более крупные хронологические перерывы?

Литературность текстов, включенных в Хронограф Русский еще Досифеем Топорковым в 1516–1522 гг., и с каждой редакцией Хронографа нарастающая, без того была очень высока. И Священная история Ветхого и Нового заветов была изложена живо, и о Трое читателю предлагался роман от лица участника ее осады, и из романов об Александре Македонском был избран чуть ли не самый захватывающий, и даже малые статьи о не слишком знаменитых ромейских императорах представляли собой увлекательные повести.

Хронограф III редакции, представлявший собой целую историческую, при том весьма нравоучительную библиотеку, был желанен и для книголюба-затворника, и для семейного чтения вслух, у домашнего очага. В 1679 г. «многогрешный поп Макарей Наумов», для которого, судя по его записи, переписка Хронографа была похожа на переплывание моря, завершил текст трогательным обращением к тем, что начнут «прочитати сию книгу или слушати»²³. А в 1694 г. совсем ослепший дьяк Порфирий Семенников, которому придворный поэт Карион Истомина напишет в конце следующего года теплую стихотворную эпитафию [37, с.309–311], отдал за переписанный для него Хронограф огромную сумму в 8 руб. – какой цены было и не найти, это же две неплохих лошади – чтобы книгу читал ему племянник Иван Меньшой Семенников, написавший за дядю владельческую запись²⁴.

²³ РГБ. Ф. 236. Собр. А. Н. Попова №11. Л. 566 об. [70, с. 282–283].

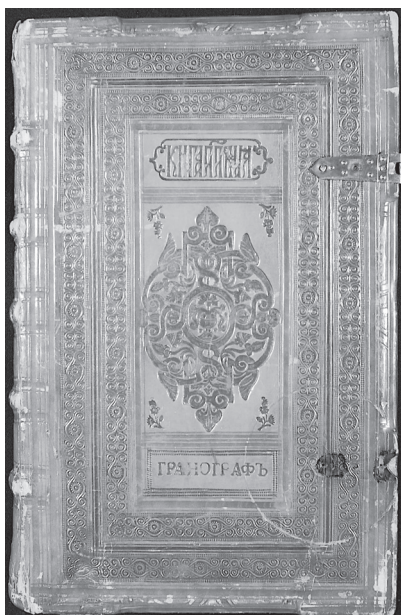
²⁴ РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского №723. Л. 22–66.

Начало Хронографа Порфирия Семенникова: РГБ. Ф.310. Собр. В.М.Ундольского №723. Л.9

Анализ бытования всех списков Хронографа III редакции показал, что его переписывали все: в книгописных мастерских крупных монастырей, на посаде (причем не только священники и церковные дьячки) и даже в селах. Владели этими замечательными, непременно красиво оформленными книгами «в лист» (почти современный формат А4), переплетенными в обтянутые кожей доски, люди всех сословий. Во владельческих записях мы видим знаменитые монастырские библиотеки и крупных церковнослужителей, вроде будущего патриарха Адриана, архиепископа Холмогорского Афанасия и келаря Новоспасского монастыря (родовой обители Романовых) Трефилия, но встречаем простых священников и церковных дьячков. Среди светских людей выделяется боярин князь М.А.Голицын (1639–1687), двоюродный брат и соратник канцлера В.В.Голицына. Однако книгу покупали и дворяне меньшего чина, в частности, три царских стольника и уездный сын боярский, и приказные дьяки, главы делопроизводства центральных ведомств, и подьячий из медвежьего угла, Белозерской приказной избы. Покупали и читали Хронограф богатые купцы Москвы, Калуги и др. городов, даже «черные посадские люди», конечно, не пролетарии, но и не привилегированные совсем, причем не только в Москве и Великом Новгороде, а в Соли Вычегодской и Яренске [39].

При анализе бытования надо помнить, что большинство рукописей не сохранилось, а владельческие записи имеет менее 10% наших находок. Т.е. речь идет не о статистике, а только о примерах распространения сочинения, в случае с Хронографом Русским необычайно широко и всесловного. При этом монастырские и архиерейские казенные (не келейные) библиотеки были доступны для всей братии и достойных паломников. Семейными библиотеками пользовались многочисленные родственники и друзья. Наконец, книги просто давали почитать, в связи с чем люди рачительные и делали на них владельческие записи по полям десятков страниц. Так, чудовский иеромонах и придворный поэт Карин Истомин в 1707 г., уже совсем удалившись от дел, за 5 месяцев дал почитать 27 книг 26-ти разным людям всех сословий, в том числе многим женщинам. Мы знаем об этом по его записям, чудесным образом сохранившимся, завалывшись среди бумаг в авторском архиве [14]. Но, похоже, это была обычная практика.

Переплет Фохтова Хронографа РГБ. Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №457

Текст Хронографа III-й редакции оставался практически неизменным, зато менялся его конвой из целой группы статей до и после текста. Ли-

тературными и увлекательными были такие дополнения, как Казанская история, повести о Мосохе, Сказание о Словене и Русе (в 3-м разряде), и др. Активно вставлялись перед началом текста богословские и философские статьи, дававшие читателю ощущение, что он приближается к пониманию смысла жизни и истории. Хронограф и в XVII в. служил для книжников мировоззренческой основой, не вызывавшей критики. Рассказанные в нем истории настолько разные, каждая со своей моралью, а иные и не отягощенные ею, что в сумме складывалось впечатление сложного и не однозначного мира, взирать на который критически в общем-то и неуместно. В какой-то мере Хронограф напоминал Повесть временных лет, к которой можно было веками добавлять отдельные великокняжеские летописи с различными концепциями, даже не думая менять ее рассказ о начале Руси. И мы, вероятно, относились бы к Повести как к святому писанию, если бы вольные новгородцы не положили началом своих сводов Начальную летопись, во всем противоречащую рассказам Повести о первых князьях [21, с.39–131].

Стоит отметить, что Хронограф Русский в XVII в., как и Повесть временных лет в начале XII в., прежде всего имел сильную историческую концепцию Руси, которая, благодаря своему древнему благочестивому царству²⁵, стала центром мира, венцом истории множества мировых царств. В огромном тексте это увидеть трудно, ведь для Хронографа характерно формирование мировоззрения живыми историями, которые должны были стать для читателя частью его собственного опыта, а не простая формулировка исторических взглядов. Но когда чудовский инок Боголеп Адамов решил в 1688 г. составить свой краткий «Хронографец», концепция большого текста, основанного на Хронографе патриаршего свода 1680-х гг., проявилась абсолютно ясно [40].

²⁵ Критичный читатель может вспомнить, что царство в России появилось в 1547 г., и не совпало в этом мнении с русскими читателями и писателями XVI–XVII вв., отлично знавшими по Степенной книге [66], составленной в 1560–1563 гг. царским духовником, протопопом Благовещенского собора Андреем (будущим митрополитом Афанасием) [79: 88], что самодержавие присутствовало на Руси изначально и лишь поднималось от Владимира Святого до царя Ивана Васильевичу по ступеням («степеням») величия об руку с истинным православием, гарантом которого выступало. Эта концепция и в XVII в. представлялась безусловной [78], хотя происхождение русских великих князей от кесаря Августа, выведенное в Степенной на основе более старой, XV в., легенды, ко временам юности Петра I не у всех, даже на высшем уровне, вызывала энтузиазм, учитывая обогащение русской исторической литературы новыми сочинениями и переводами и утверждение в общественном сознании, вместо родовой концепции Степенной книги, более сильной концепции Российского православного самодержавного царства [42, с. 79–83, 294–351], восходящей к Хронографу Русскому.

Начало «Истории о Казанском ханстве» в Хронографе РГБ.
Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №456. Л.371

Эта концепция усиленно развивалась в 1–3-м разрядах Хронографа III-й редакции. Российское царство под пером редакторов становилось все древнее и все славнее, пока в 3-м разряде не оказалось, что скифы, предки славян и русов, построили Русскую державу задолго до царства Израильского и даже прежде Моисея. Редакторы Хронографа не придумали это в высшей мере литературное сказание сами [34]. Более того, они не были пионерами среди ученых книжников при помещении ее в историческое повествование: высокообразованные летописцы оказались быстрее и единодушнее [35]. При этом революционное по содержанию Сказание о Словене и Русе вошло в Хронограф 3-го разряда чрезвычайно органично. Редакторы лишь передвигали ее по хронологии с места на место, как Казанскую историю или повесть о хождении казаков в Китай, показывая нам явно свои ценности: место литературного

памятника в ходе истории их интересует, но содержание его намного более интересно.

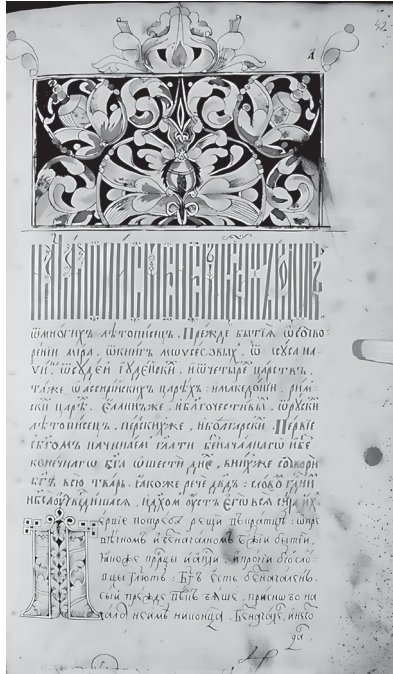
Итак, Хронограф Русский III-й редакции представлял собой хорошо продуманную и стабильную библиотеку четвѣй литературы по истории, несущую в себе историческую концепцию, но далеко выходящую за ее рамки по значению для читателей. Значение это было, прежде всего, литературным, нравоучительным и историософским. Личные вкусы книжников выражались в постоянном редактировании и дополнении конвоя новыми сочинениями, замещении старых статей новыми и т. п. Мысль «дописать» Хронограф до современности была редкой, почти еретической. Проще было совсем его переписать. Этим и занялись два выдающихся книжника середины XVII в.

Авторские Хронографы

В Новогодний праздник 1 сентября 1649 г. Пахомий, бывший архимандрит Новгородского Хутынского монастыря (1633–1640), а ныне архиепископ Астраханский и Терский (с 1641 до 1655), решил, что продолжить Хронограф Русский до современности нельзя – проще его целиком переписать. Он взял перо, столбцы (половинки нарезанного вдоль бумажного листа) и сделал это ровно за год, литературно обработав и украсив другими источниками классический текст всех трех редакций, продолженный новыми летописными статьями [70, с. 315–321] от возвращения Филарета Никитича из польского плена в Москву 14 июля 1619 г. до радостной здравицы государю Алексею Михайловичу и его семье на Новый 1950 г., праздновавшийся 1 сентября²⁶.

В новых летописных статьях Пахомия не все, но многие представляют собой маленькие повести в стиле Хронографа Русского, причем со смелыми и нетривиальными характеристиками событий и лиц (включая исключительно язвительную оценку деда государя, патриарха Филарета Никитича). Переписчики и редакторы чувствовали этот стиль, и вскоре после 1662 г. вставили в текст Эрмитажной редакции Хронографалады Пахомия (который к тому времени давно умер) ярчайшие рассказы из Летописца нахрабрѣйшего боярина князя Ф. Ф. Волконского Меринка [75]. А в 1686 г. все летописное продолжение Хронографа Пахомия по Эрмитажной редакции было переписано патриаршими книжниками в Москве в качестве начальной части Летописца 1686 г., продолжавшего оригинальную компиляцию их Хронографа Русского [17].

²⁶ *Здравнца сохранилась в Карамзинском списке Хронографа Пахомия: РНБ. Ф. IV. 600.*

Заглавие Хронографа в кодексе Порфирия Семенникова:
РГБ. Ф.310. Собр. В.М.Ундольского №723. Л.42

Пахомий писал новый Хронограф лично для себя, полагая полезным помнить основные события мировой и российской истории. Так говорится в письме архиепископа к переписчику, иеромонаху Мисаилу, которое сообщает об истории создания памятника; оно открывает текст в большинстве списков владычного Хронографа [71, вып.2, с.236–237]. Однако авторский Хронограф Пахомия стал во второй половине XVII в. популярным [77; 76], пусть в 20 раз меньше, чем Хронограф Русский во всех его редакциях.

Внимание переписчиков к личному взгляду летописца на историю не слишком характерно для второй половины XVII в., когда такие памятники чаще всего оставались в единичных списках [22]. Этот Хронограф стал исключением потому, что соответствовал и общему представлению об истории, и литературной форме хронографии. Пахомий, при всем авторском энтузиазме и очень личном взгляде на события, считал необходимым не просто сохранить фундаментальную концепцию Хронограф

Русского, согласно которой великороссийское царство венчает историю мировых держав, но подчеркнуть ее, разделив текст на две части.

В Хронографе Пахомия «Летописщик вкратце от Сотворения мира» излагает всемирную историю, завершая ее повестью о падении Цареграда в 1453 г., после чего следует не менее славная история Руси: «Летописщик вкратце о Русской земли, от которого колена Российския и Словенския люди, почему имянется Россия и Словяне, и о создании великого Новаграда, и откуда влечашеся род великих князей». Сказание о Словене и Русе, открывающее русскую историю событиями, происходившими прежде Моисея, делает ее не менее древней, чем история прежних великих царств [74], но очередность «царств» свято сохраняется так, как предписал в XVI в. «великий старец» Досифей.

При этом отважный Пахомий, писавший для себя, «для своей нужды», серьезно нарушил благодное окончание Хронографа Русского миром 1618 г. Он продолжил текст не просто летописными записями о нейтральных событиях, но статьями-повестями о трагедии, случившейся с русской армией уже в царствование Михаила Федоровича, по вине, как полагал Пахомий, патриарха Филарета, клятвopеступление которого Господь покарал разгромом русских войск в Смоленской войне 1632–1634 гг. с Речью Посполитой.

Понятно, почему архиепископ не решился нарушить святость композиции Хронографа III-й редакции, и переписал его, если он хотел ярко рассказать о том, как «великий государь» (а не «господин») святейший патриарх Филарет, который «возрасту и сану был средняго, божественна писания отчасти разумел, нравом опальчив и мнителен, а владелец таков был, яко и самому царю бояться его», богопротивно нарушил крестное целование о мире с Речью Посполитой и начал с нею войну, «не дождався предиреченных урочных мировых лет, <...> о сем не судивше, яко гневу Божию никто же может противустати», и как армия боярина М.Б.Шейна вследствие этого погибла под Смоленском в 1633–1634 г.

Впрочем, к окончанию текста Хронографа архиепископа Астраханского и Терского в 1650 г. на Руси все вновь было тихо и мирно, как в 1618-м., хотя, как мы знаем, ненадолго. Случай продолжить классический текст был самый подходящий: другого такого спокойного времени в «бунташном веке» было не найти. Мы помним, что II-я редакция Хронографа Русского отразила две попытки продолжения, до 1647 и 1654 гг. [70, с. 204–212], т.е. в мирное время и на пике побед над Речью Посполитой. III-я редакция, доведенная во втором разряде до 1630 г. (кануна

новой русско-польской войны, но без упоминания о ней), получила в 4-х списках продолжение до 1647 г., когда самым громким событием в России был запрет государя торговать по воскресным дням. В следующем году последовал Соляной бунт. Позже популярность попыталось снять продолжение до победоносного возвращения царем Белой и Малой Руси в 1654–1655 гг., – но все три такие попытки в разных редакциях и разрядах были втуне. Книжников, не принявших такое продолжение, можно понять: тогда на Россию почти сразу обрушился страшный мор, а последующие боевые действия долгой войны расстроили даже крайне патриотичных летописцев Троице-Сергиева монастыря из круга опального келаря Симона Азарына [18]. Все это были скорее краткие приписки к тексту Хронографа, чем серьезная работа над его текстом, требующая высокой квалификации и глубоких знаний, которая нас сейчас интересует.

Пахомий еще только готовился начать труд, как за Хронограф Русский взялся замечательный полемист, дипломат, хозяйственник и археограф XVII в. Арсений Суханов. Тот самый, кто в подвластной туркам Греции нашел, изучил и описал целую библиотеку древних рукописей, мало того, приобрел их и доставил в Москву.

В самом конце 1640-х гг. Арсений, в то время иеромонах Троице-Сергиева монастыря, решил отредактировать Хронограф Русский, взяв за основу его II-ю редакцию. Суханов, в миру дворянин, обратился к Хронографу на взлете своей карьеры. В отличие от Пахомия, он прекрасно относился к патриарху Филарету, у которого был архидьяконом, секретарем и хранителем казны (1633), и не склонен был порицать внешнюю политику царя Михаила Федоровича, при котором, будучи чудовским иноком, оказался причастным к приемам послов и заседаниям земских соборов, а сам ездил с посольством в Грузию (1637–1640). Став, благодаря расположению патриарха Иосифа, строителем Богоявленского монастыря – подворья Троице-Сергиевой обители близ Печатного двора в Москве, Арсений взялся за редактирование Хронографа как хороший организатор. Он руководил группой писцов и проверял их работу, сам написал оглавление, вставил на чистых местах и на полях заголовки, которые были намеренно пропущены переписчиками для исполнения их киноварью и в десятках мест не дописаны. Рукой Суханова была сделана основательная правка рукописи и переписано в ней несколько листов.

Получившаяся в итоге собственная редакция Хронографа Русского Арсения не вполне удовлетворила, но дорабатывать ее было некогда. В 1649 г. царь Алексей Михайлович отправил его с политической и цер-

ковной миссией на православный Восток. По разным причинам, включающим ловлю очередного самозванца и непростые переговоры с Богданом Хмельницким, Суханов дальше Молдавии и Валахии не уехал [27]. Зато осенью 1650 г. он вернулся в Москву с богатым посольским отчетом из двух частей, который подал в Посольский приказ. А дважды отредактированный им беловик церковной части отчета, прославленный затем в русской публицистике как «Прения с греками о вере», приплет к своему Хронографу в качестве, как сейчас сказали бы, резюме²⁷.

Столкнувшись с тем, что греческое духовенство, с которым Суханов тесно общался в поездке, готово было жечь русские книги как еретические²⁸, а в защиту правоты своих взглядов не могло привести аргументов, кроме того, что они, греки, всем, включая русских, «учителя веры», дипломат популярно объяснил оппонентам концепцию Хронографа Русского, именно II-й редакции, почему Москва есть Третий Рим [24]. – Да потому что Израильское царство исчезло, впад в гордыню; что Римский папа, первый среди патриархов Ромейской державы, впал в схизму; что занявший первое место патриарх Константинопольский с царством и градом впал в унию и с той поры греки влчат жалкое существование под пятой турок. А Российское православное царство, принявшее веру не от греков, но от православного некогда Рима в Корсуни, хранит ее твердо, собрало к себе все святые, просияло божьими угодниками, украсилось монастырями и храмами, стало единственной в мире державой, где есть верный гарант благочестия – православный царь, где патриарх Московский с освященным собором не только в советах греков не нуждается, но сам может нищим восточным патриархам, искателям в Святой Руси милостыни, указывать и весь православный свет в вере наставлять (как сам Арсений, к слову, делал в Грузии).

Ничего, казалось бы, сложного, все мыслящие люди России так считали. Просто Суханову как официально предводителю царя довелось банальные на тот момент хронографические идеи кратко и доходчиво сформулировать [9]. Как чуть позже, летом 1653 г., его ученый товарищ, троцкий келарь и видный (как положено было троицкому келарю) пуб-

²⁷ РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 659/1171. 2°. 360 л. Полууставная и книжная скоропись середины XVII в. с автографами Суханова. 9 видов бумаги 1640 – начала 1650-х гг. «Прения» на бумаге 1649–1650 г. на л. 348–360. Кодекс детально описан [26, с. 143–156].

²⁸ Книги, отпечатанные на государеве Печатном дворе по благословлению Московского патриарха, что подводило греков прямо под огненальную 1-ю статью 1-й главы принятого перед поездкой Суханова Соборного Уложения 1649 г.; не удивительно, что дипломат приложил все силы, чтобы греков из этой ямы вытащить.

лицист Симон Азарьин, еще короче и ярче пересказал сочинение Арсения²⁹.

Никто и не думал, что безобидный (сравнительно с политическим) церковный посольский отчет Суханова 1650 г., в оригинале приложенный как заключение к классическому, лишь хорошо отредактированному Хронографу II-й редакции, станет самым знаменитым русским полемическим сочинением XVII и начала XVIII вв., высоко поднятым знаменем старообрядчества, теми самими прославленными «Прениями с греками о вере», стоящими в духовной публицистике выше Соловецких челобитных 1660–1670-х гг. и вровень с «Поморскими ответами» 1723 г. [26, с. 28–31].

Суханов, красноречиво излагая летом 1650 г. общепризнанные идеи Хронографа II-й редакции, был в высшей мере добр и дипломатичен, успешно отвел прегрешивших греческих иерархов от обвинения в «слове и деле государевом» и (упаси Господь, если вспомнить нормы Соборного уложения 1649 г.!) в оскорблении русского православия [12]. Но летом 1652 г. патриархом стал Никон, который уже летом 1653 г. начал реформы русской обрядности, ссылаясь на отсутствовавший в обществе авторитет «греческих учителей», который литературно растоптал и осмелял Арсений.

Возразивший патриарху Симон Азарьин пострадал, и дописывал свою редакцию «Летописца выбором» уже в ссылке (текст опубл. [18]), Арсений Суханов – нет, но не потому, что начальстволюбиво переменял взгляды или умолк. В 1551–1553 г. он исследовал по заданию царя Алексея Михайловича состояние православия на Ближнем Востоке³⁰, разразившись по приезду громаднейшим «Проскинитарием» [72]. Бранные слова и непристойные сцены из редакции, предназначенной царю и патриарху, он все же убрал³¹, но положение греческого православия и без них (оставшихся в оригинальной авторской редакции³²) выглядело еще более убогим, чем в кратком посольском отчете 1650 г.

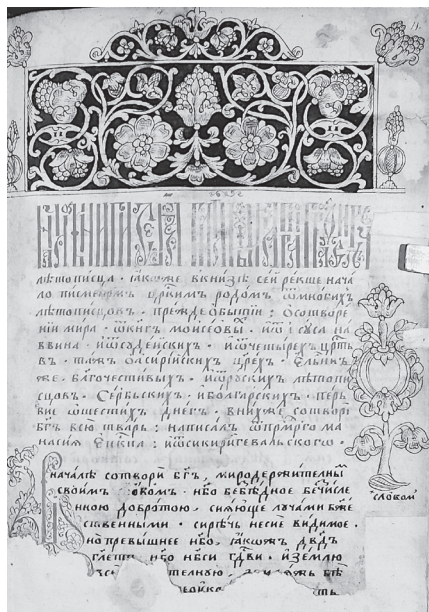
Едва вернувшись на Русь, Арсений был послан в Грецию уже Никон, нашел в Афонских монастырях, изучил, приобрел и доставил в Мо-

²⁹ В послесловии к безобиднейшим, на первый взгляд, «Святцам» в его келейном сборнике: РГБ. Ф. 173. Собр. Московской духовной академии. № 201. Л. 338–340. О них [73], анализ послесловия [18, с. 25–26].

³⁰ Путешествие продолжалось с 24 февраля 1651 г. до 26 июля 1653 г., когда он подал в Посольский приказ свой Статейный список: РНБ. Собрание СПбДА. № 317.

³¹ Авторская редакция для подносных книг: ГИМ. Синодальное соб. № 573.

³² Полный авторизованный беловик: ГИМ. Синодальное собр. № 574, 575.

Заглавие Хронографа в Фохтове хронографе: РГБ. Ф.256. Собр. Н.П.Румянцева №457. Л.11

скву почти 500 бесценных древних книг (1653–1655). С этого момента трогать ученого было нельзя. 31 августа 1655 г., едва Суханов прибыл в Москву³³, Епифаний Славинецкий объявил на всю страну в Предисловии к Служебнику, что никонианские исправления русской традиции сделаны не произвольно (как было на самом деле³⁴), но строго на основе великой греческой мудрости, почерпнутой из книг, привезенных ученым старцем Арсением [80, л.30–34]³⁵. На деле книги эти при Никоне никто не открывал (открыв, удивились бы, обнаружив, что археограф добыл сокровища древнегреческой литературы, а не богословия³⁶). Их

³³РГАДА. Ф.52. Сношения России с Грецией. Оп.1. Стлб. 7163/1655 г. №6.

³⁴С.А.Белокуров доказал, что правка Служебника решительно расходится с текстами привезенных Сухановым книг [5, с.416–417, 419–420]. Малоавторитетные источники правки русского Служебника, сделанной в 1654 г. до возвращения Суханова в Москву и не имеющие отношения к древней письменности, точно установлены [50].

³⁵Эта похвала Суханову повторена в последующих изданиях Служебника и в составленной при Никоне «Летописи о многих мятежах» [58, с.384].

³⁶Среди находок Арсения – бесценные списки «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, «Труды и дни» Гесиода, идиллии Феокрита, трагедии Софокла и Эсхила, комедии Аристофана и драмы Эврипида, басни и жизнеописание Эзоп, речи Демосфена и Эсхина, философ-

грудой свалили в патриарший подклет, а достали лишь после ухода Никона из Москвы [6, с. 1–136]; но и тогда на Печатный двор из них попала самая малость [6, с. 131–133], в основном беллетристика (она в РГАДА), а основная часть осталась как основа греческого фонда патриаршей, затем Синодальной библиотеки (в ГИМ).

Суханов с помощью фактов мог легко опровергнуть ложь Епифания, несмотря на то что она послужила ему индульгенцией, когда он в 1655 г. написал и пустил по рукам записку «О чинах греческих вкратце», где изобличил греческие нововведения в церковный обряд [5, с. 105–114, 172–176]. За такое ссылали, как Симона Азарьина, но еще не жгли: анафеме русский обряд, который Арсений защищал с 1650 г., предаст только церковный собор 1656 г. Но концептуально все было намного сложнее. Выступить против греков Суханов мог, а против Служебника 1655 г. и в целом никонианских реформ не мог по своим глубоким убеждениям.

Реформы, вызвавшие Раскол, были одобрены православным царем, которого Хронограф Русский и Арсений в «Прениях с греками о вере» считают главным гарантом благочестия во Вселенной. Есть православный самодержец – есть правая вера, нет его, как у греков с 1453 г. – нечего говорить и о чистоте православия. Чтобы назвать Антихристом царя, как сделает затем Аввакум, и объявить вместе с вождями староверов о падении Третьего Рима, Суханову нужно было перешагнуть через его собственную концепцию мироздания, в центре которой находится царь-солнце. Ни как ученый, ни как надевший рясу дворянин он этого сделать не мог. Реформы Никона опирались на плохой греческий обряд и испорченную книжность – Арсений это показал. Реформы были одобрены православным царем – следовательно, были благочестивы.

Вместо того, чтобы пострадать вместе с противниками Никона, Арсений сменил своего единомышленника Симона Азарьина на посту келаря, т. е. начальника огромного хозяйства Троице-Сергиева монастыря (1655–1660). А когда скандал с уходом Никона из Москвы отгремел, вновь стал строителем в Богоявленском монастыре, откуда было рукой подать до возглавленного им Печатного двора (1661–1664). Здесь Суханов в 1661–1663 гг. составил свой второй Хронограф³⁷.

ские труды Аристотеля и Платона, исторические сочинения Иосифа Флавия, географии Страбона и Павсания, хронографы, медицинский трактат Диоскорида, рукописи по астрономии, лексиконы и грамматики.

³⁷ РНБ. Ф. XVII. 17. 2°. 473 л. Полууставная и книжная скоропись. 4 вида бумаги 1648–1658 гг. (по Клоссу). Основной текст кончается перед повестью об Азове и дополнительной трюковой статьей 7129 г. о новой церковной пристройке в «трапезе брацкой».

На сей раз Арсений взял за основу классический Хронограф 1-го разряда III-й редакции – с использованием «Сказания» троицкого келаря Авраамия Палицына, «Казанской истории» и т. п. и приложенной к тексту «Повестью о взятии Азова» донскими казаками. И обогатил его новым материалом почти до неузнаваемости. Как показал Б. М. Клосс, Суханов, ссылаясь на источники, использовал огромную Никоновскую летопись Троицкой редакции, вставил в текст выписки из Хронографической палеи, книги Козьмы Индикоплова, Синоксаря, толкового Евангелия, «от Библии», из «Хожения» игумена Даниила, из трактатов Максима Грека, «Криницы Григория мниха», «литовского Пролога печатного», Степенной книги, Киево-Печерского патерика и Хроники Матвея Стрыйковского [56, с. 274–276]. Выписки из Космографии и, главное, помещение в начало русской истории фантастической Повести о Словене и Русе [34] напоминают нам о том, как будет выглядеть впоследствии 3-й разряд III-й редакции Хронографа. Но это не его протограф: Суханов лишь прорзорливо предвосхитил тенденции развития текста Хронографа Русского.

В высшей мере творческая, вторая Сухановская редакция Хронографа Русского осталась глубоко личной и сохранилась, как и первая, в одном списке. Но рукопись ее была хорошо известна, а направление творческих исканий великого русского археографа было поддержано его единомышленниками, связанными как с Троице-Сергиевым монастырем, так и с московским патриаршим престолом. Уже в 1670-х гг. на основе его труда будет создан и распространен во многих списках колоссальный патриарший летописный свод, а в 1680-х гг. патриаршие книжники вплотную займутся классическим Хронографом Русским, создав 3-й разряд его III-й редакции и новый хронографический свод в политически актуальных редакциях, доведенных до 1682, 1686, 1690 и 1696 гг.

Хронограф в период реформ

Внесение Сухановым новых статей прямо в текст открыло плотину, казалось бы, твердо установленную в умах книжников. Не забыт был патриаршими историческими мыслителями и Хронограф Пахомия, в его особой редакции послуживший не только толчком, но и прямым основанием продолжения русской истории до драматических событий современности. В 1672 г., после рождения у Алексея Михайловича царевича Петра Алексеевича, открылся новый период истории Хронографа Русского, чрезвычайно ценный творчески, давший ученым немало бесценных памятников исторической мысли, но уже не столь сильный

концептуально. Просто потому, что в 1676 г. в России началась эпоха реформ, начатых царем Федором Алексеевичем (1676–1682) [42], продолженных его сестрой Софьей Алексеевной (1682–1689) [25], справедливо уподобленной мыслителями ее времени Софии-Премудрости Слова божьего [36], а затем, после некоторого перерыва³⁸, их братом и преемником Петром I.

Реформы эти базировались на признании исторической концепции Хронографа Русского. На высшем государственном уровне она была реализована и «всенародно» (по словам документа Посольского приказа) продемонстрирована в церемонии коронации Федора Алексеевича

Царь Федор Алексеевич, парсуна Богдана Салтанова 1685 г., ГИМ

³⁸ Петр Алексеевич, коронованный в 1682 г., не допускался к управлению государством сначала сестрой, затем матерью (скончавшейся в 1694), а реально приступил к реформам только после Великого посольства (1697–1698), на 17-й год с начала царствования. Перерыв в реформах после правления Софьи составил почти 10 лет.

18 июня 1676 г.³⁹ До этого во всех чинах венчания русских государей, начиная с коронации Иваном III своего внука Дмитрия Ивановича в конце XV в.⁴⁰, утверждалось родовое основание власти русского самодержца. «Божим изволением от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест: отцы великие князи сыном своим первым давали княжество великое», – говорили великие князья и цари, а митрополиты, позже патриархи, в ответ подтверждали это право.

Молодой царь Федор Алексеевич, прекрасно знакомый с Хронографом Русским⁴¹, справедливо заключил, что этого мало: следует подчеркнуть *священность* Российской державы, *единственного* во вселенной благочестивого Российского самодержавного православного царства. Первым из русских государей обратившись к византийскому чину венчания⁴², он радикально изменил весь ход и содержание церемонии. Родовое начало царской власти не отвергалось, но уступило первое место ее божественному происхождению. Новый государь венчался, прежде всего, как царь православный, «по преданию святой восточной Церкви», и лишь во вторую очередь «по обычаю древних царей и великих князей российских». Во избежание недопонимания, в чине Федора эта формула повторялась трижды. В чине Ивана и Петра она использовалась пять раз. И не только слова – сама церемония зримо объясняла и оттеняла смысл формулы священной власти единственного во вселенной Российского самодержавного православного царства.

Весь свет должен был видеть, что Россия – священная держава, великая страна с могучей волей и бессмертной славой на все времена, согласно Хронографу Русскому. Именно так, по сценарию царя Федора Алексеевича (1676), затем Ивана и Петра (1682), с отдельными усовершенствованиями венчались российские императоры от Петра II (1728) до Александра III (1883) и Николая II (1896) [11]. Фундаментально нового придумано уже не было. Даже знаменитый афоризм графа А.С. Уварова «об истинно русских охранительных началах православия, самодержа-

³⁹ Подлинный чин (сценарий) коронации с действиями и речами всех участников опубликован [42, с. 458–486].

⁴⁰ Чины венчания сохранились для всех коронаций русских государей XV–XVII вв., кроме Лжедмитрия I (но есть чин венчания его супруги Марины Мнишек). Их развитие детально рассмотрено [42, с. 296–318].

⁴¹ В том числе по его тексту в Книге царственной (Лицевом своде), который царь лично повелел собрать из разрозненных листов и привести в порядок [45; 46].

⁴² Версия, будто русские чины венчания до 1676 г. восходили к греческой традиции, не имеет фактического основания [11]. О конкретном источнике царя Федора [28].

вия и народности» (1832) был банальной констатацией мысли, несомненной со времен царя Федора Алексеевича [42, с. 351].

Разумеется, идеологическая реформа, с которой старший брат Петра I начал свои преобразования, не прошла гладко. Нет, никто не желал усомниться в справедливости идей Хронографа Русского, четко изложенных еще Арсением Сухановым, хотя его «Прения с греками о вере» и стали знаменем староверов, которых при Федоре начали сжигать, а при Софье и Петре жгли массово. Напротив, после венчания Федора Алексеевича всем стало очевидно, что наше священное и благословенное царство – центр мира, зерно будущего Царства Христа [38]. Но следует ли замкнуть границы и беречь истинное благочестие, сидя на печи, или нести «Святорусское царство» до пределов Вселенной, распространяя в мире свет истины и подкрепляя его, с Божьей помощью, силой русского оружия?⁴³

Вопрос неспраздный доселе. Во второй половине 1670-х и 1680-х гг. из-за него жарко спорили даже лучшие друзья, пламенный ученый публицист Игнатий Римский-Корсаков и суровый патриарх Иоаким (речи которому писал гениальный поэт и просветитель Карион Истомин). Доходило то того, что святейший в Успенском соборе призывал высших командиров изгнать иностранцев из войска и не общаться с «проклятыми», грозя гневом Божиим и поражением. А на площади перед собором архимандрит Игнатий объяснял командирам среднего звена, среди которых было полно иностранцев, что Бог дарует их священному царству весь мир: «Все народы воюют, чтобы покорить и разорить, а российское богоспасаемое воинство – чтобы спасти и просветить!». – Подробно о всех спорах [13, с.48–115].

В сложном положении оказались и почитатели Хронографа Русского. Конечно, в России продолжали переписывать и читать его во всех трех редакциях. Но идеи, реализованные в официальной государственной концепции, разосланные по всей стране в объявительных грамотах о венчании Федора Алексеевича (их обязаны были переписывать в каждом уездном городе и читать повсеместно), в один миг стали осуществленными, то есть старыми. А всякий творческий человек считает долгом

⁴³ Согласно молитве патриарха Филарета, дважды повторявшейся на каждом венчании государей с Алексея Михайловича (1645): «Да тобою, пресветлым государем, благочестивое ваше царство паки воспрославит и распространит Бог от моря и до моря и от рек до конец Вселенной, и расточенное во благочестивое твое царство возвратит и соберет воедино, и на первообразное и радостное возведет, чтобы быть на Вселенной царю и самодержцу христианскому, и воссиять, как солнцу посреди звезд».

Начало патриотической речи Игнатия Римского-Корсакова: БАН. П.І.А.10

предложить читателям новое. Как быть, если Хронограф Русский и так – непревзойденный шедевр?

Первыми на вызов откликнулись книжники, группировавшиеся вокруг весьма либерального к ним (что поразительно) патриарха Иоакима⁴⁴. Вскоре после венчания Федора Алексеевича на царство они соорудили могучее сочинение «Книга глаголемая летописец русский», которое его первооткрыватель Б.М.Клосс назвал «патриаршим летописным сводом 1670-х гг.» [56, с.280–295], а точнее было бы назвать Новым Хронографом, т.к. он описывает всеобщую и русскую историю в форме захватывающих повестей. В толстенный том огромного по тем временам формата «в александрийский лист» (современный А3) они уложили всю мировую и русскую историю, опираясь на Никоновскую летопись, Хронограф Арсения Суханова и Хронограф II-й редакции (возможно его же), добавив выписки из Новгородского свода 1539 г. (Летописи Дубровско-

⁴⁴ «Высший священноначальник» позволял своим летописцам все, кроме суждений о текущей политике, но даже тут иногда делал исключения [33, с. 637–656].

го), Степенной книги, Нового летописца, «Польской хроники» Мартина Бельского, псковской летописи и др. источников.

Патриарх Иоаким, парсуна Карпа Золотарева 1678 г., Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Труд этот потребовал от создателей больших усилий и сравнения массы материалов. Он упорно тиражировался: сохранилось два огромных чистовых фолианта 1674–1678 гг., сравнение которых показывает наличие общего черного протографа. Первый был доведен до 7064 (1556) г.⁴⁵, т. е. в высшей мере соответствовал желанию Иоакима, севшего на патриарший престол в 1674 г., уклоняться от описания актуальных событий. Второй, с использованием Хронографа русского 3-го разряда III редакции, простирает рассказ до завершавшего ее текст известия о рождении царевны Анны Михайловны (1630)⁴⁶. Не остановившись на этом, патриаршие книжники успели, сверяя оба чистовых списка, сделать до конца века еще два списка Нового Хронографа⁴⁷. Но по-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 351/800. 1°. 607 л.

⁴⁶ РГБ. Ф. 556. Собр. Вифанской духовной семинарии. № 34. Т. 1–2. 1°. 38, 851 л.

⁴⁷ РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1404б. 1°. 790 л.; РНБ. Ф. IV. 236. 1°. Первые 464 л. утрачены.

пулярности этот ученейший труд не завоевал. В XVIII в. он интересовал в основном ученых историографов [56, с. 293–295].

Намного интереснее была судьба Хронографа Русского 3-го разряда III редакции, созданного патриаршими книжниками в 1670-х гг.⁴⁸ и использованного ими в Новом Хронографе. Это сочинение имело большой успех: известно 16 его списков, из которых 15 созданы в XVII в. [32]. Книжники здесь сделали то, что давно напрашивалось: разделили повествования по всеобщей и русской истории, начав последнее с легендарных сочинений: Сказания о Словене и Русе и Повести о Мосохе. Именно по их наличию А. Н. Попов и выделил этот разряд [71, вып.2, с. 202–229].

Эти фантастические повести, представляющие славян и русов древнейшими народами, ближайшими потомками Афета, сына Ноя, разрушителями Трои, основателями Венеции, предками этрусков, пленителями Филиппа, отца Александра Македонского, устранившими самого Александра, который разделил с ними мир, завоевателями и владыками Рима, напоминают модные на Украине байки о предках, выкопавших Черное море. И действительно, обе повести были использованы для описания начала древней истории Руси в печатном киевском Синописе конца 1670-х гг. Но созданы они были не в Малороссии, а в Великом Новгороде в 1630–1640-х гг., откуда с новгородскими книжниками появились в Москве, в патриаршем летописном Своде 1652 г., а затем оказались почти во всех московских летописях, сколь бы серьезны ни были их создатели [34]. Сказание о Словене и Русе ввел в Хронограф сам Арсений Суханов, учене которого в 1660-х гг. не было. Такое мифотворчество характерно для юности государства, а Великая Россия как раз переживала ее после Смуты.

В Хронографе Русском, вместе с множеством не менее фантастических и литературно ярких сочинений, рассказы о легендарных основателях Великого града Словенска Словене и Русе и о заложившем Москву еще раньше Мосохе смотрелись органично. Ведь и всеобщая история излагалась там со столь же захватывающими легендами от начала времен⁴⁹, при этом каждая великая держава древности имела свое мифологическое начало. Идея Хронографа Досифея Топоркова, углубленно прорабатывавшаяся в XVII в., состояла в том, что русские – такой же

⁴⁸ *Еще А. Н. Попов обнаружил список этого разряда, датированный 1679 г. [70, с. 442–447]. Нам встречались и более ранние списки [39].*

⁴⁹ *Даже ветхозаветная история, богато представленная в Хронографе Русском, вошла в канонические рамки только с изданием в Москве Библии Епифания Славинецкого в 1663 г., когда Государевым печатным двором руководил Арсений Суханов, как раз в это время завершивший свой второй Хронограф.*

народ, как и другие великие народы, просто судьба благоволила даровать именно ему сохранить древлепреданное благочестие и возродить православное самодержавное царство. Но было бы странным, если бы кто-то из ученых книжников не попытался пересмотреть место России в мире, построив на русских легендах всю всеобщую историю.

Таким героем, создавшим новое хронографическое сочинение на основе критического анализа множества источников, оказался новгородский дворянин Исидор Сназин, служивший с 1676 г. в Москве на боярском дворе князя И. Б. Репнина (РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Ст. 714. Л. 36). Он входил в круг патриарших летописцев и работал как раз при царе Федоре, завершив свое сочинение одним из лучших описаний Московского восстания 1682 г., вспыхнувшего после кончины царя-реформатора⁵⁰. Сназин начал повествование Сказанием о Словене и Русе, от Ноя и его сына Афета, правнуки которого, Скиф и Зардан, основали в Северном Причерноморье «Скифию Великую». А по Повести о Мосохе, тоже сыне Афета, тот в 2373 г. от Сотворения мира (т. е. в 3135 г. до Рождества Христова) явился в земли над Черным и Азовским морями и там «народил москвитов от своего имени»⁵¹. Получилось, что именно эти москвиты и были скифами, коих в 3099 г. (2409 до н. э.) объединили и повели на освоение новых территорий легендарные князья Славен и Рус. История основанного в 3113 г. (2395 до н. э.) великого града Славенска (много позже ставшего Великим Новгородом), переселений и завоеваний славянских и финно-угорских племен начинается в летописи ранее древнееврейской: многострадальный Иов появляется на страницах летописи Сназина только в 3575 г. (1925 до н. э.), пророк Моисей в 4015 г. (1485 до н. э.). Остальные народы и страны, естественно, еще позже.

Древнейшим в мире был город Славенск, основанный скифскими князьями Славеном и Русом, древнейшими и славянские князья, владевшие всей северной частью мира и совершавшие походы в страны египетские и иерусалимские. Столь велика была слава их государства, что сам Александр Македонский не решился воевать с русскими князьями и прислал им грамоту на вечное владение землей и народами от Балтики до Каспия. В соединении русской истории со всеобщей преимущество древности и могущества Руси проявилось и в благочестии, которое «рус-

⁵⁰ *Летопись Сназина* опубли. В. И. Корецким под названием «Мазуринский летописец» [69, с. 11–179]. Его творчество рассмотрено [20, с. 14–62].

⁵¹ *Повесть* опубликована по списку Хронографа конца XVII в. РГБ. Собр. Румянцева. № 458. Л. 468–470 [70, с. 438–442]. Об источниках повести [71, с. 203–204].

сы» обрели не только при Владимире Святом, а много раньше, прямо от апостола Андрея Первозванного.

Первым «царем и великим князем и самодержцем Росийским» стал не Владимир Мономах (как полагал Игнатий Римский-Корсаков и позднейшие составители императорских чинов венчания), а Владимир Святой. Идея преемственности русского царства от греческого разрушена Сназиным постоянными напоминаниями о *параллельности* существования византийского и российского самодержавия. Впрочем, царский чин российского государя «обновлялся», согласно летописцу, неоднократно: Юрием Долгоруким, Даниилом Галицким, Василием Дмитриевичем и последующими «Богом избранными» и «богодарованными наследниками державы царствия».

Идея абсолютной независимости российской истории от всеобщей, казалось бы, должна захватить читателей новой великой державы, простершейся в 1670-х гг. от Смоленска до Тихого океана и «от южных морей до полярного края», заняв почти ровно ту же территорию, что сегодня. Ведь в расплодившихся тогда кратких летописцах, где в истории выбирали главное, господствовала та же мысль. История начиналась с упоминания Адама, за которым следовали Ной и Христос (возможно еще кесарь Август, в правление которого жил Христос), Успение Богородицы и перенесение его чудотворной иконы кисти евангелиста Луки на Русь, где и происходила собственно история [38].

Однако сочинение Сназина осталось в одном списке (хотя, по его словам, у него имелся и более подробный вариант). То есть не вызвало ровно никакого интереса у книжников. Почему, мы может только гадать. Вероятно, потому, что русские решительно отделились от других народов, богато (и со временем все богаче) представленных в Хронографе Русском, и полностью отсутствовала хронографическая идея развития, смены цивилизаций и великих держав, вершиной которых Великая Россия стала не по наследству, а благодаря своему благочестию. Хронограф давал нравственные уроки, сочинение Сназина было лишь увлекательным упражнением ума.

Однако труд Исидора Сназина открыл еще одно важное направление развития хронографической мысли. Патриаршие летописцы, не без благословения святейшего, должны были осмыслить и описать социальную катастрофу 1682 г., когда стрельцы и солдаты от имени всех служивых по прибору (в отличие от дворян, служивших государству по отечеству) реально взяли власть в Москве и удерживали ее несколько месяцев. Дворянское государство и официальная Церковь, чуть не снесенная старо-

верами, были спасены лишь чудом в лице премудрой царевны Софьи Алексеевны и ее соратников⁵².

Начало Хронографа, доведенного до 1696 г.: РГБ. Ф.310. Собр. В.М.Ундольского №726. Л.17

Вслед за Сназиным описать Московское восстание 1682 г. смело взялись составители нового патриаршего Хронографа. Они сохранили основное содержание Хронографа III редакции до конца Смуты, но смело перекроили структуру и умножили число глав [43]. А главное – в первой редакции дописали историю России до восстания 1682 г., обращая особое внимание на другие народные движения, которыми прославился XVII в. Другим направлением их интереса были войны, доведенные во второй редакции Хронографа до Вечного мира 1686 г. Третья редакция была продолжена до кончины патриарха Иоакима и восшествия на престол

⁵²Такова истина, если отбросить специально созданные мифы о восстании [10; 31].

Адриана, ее варианты опубликованы [69, с. 180–205; 30]; четвертая – до 1696 г., ее текст издан [43, часть 2]. Казалось бы, Хронограф Русский наконец стал вполне современным. Но не тут-то было. Он переписывался самими патриаршими книжниками (история текста насчитывает 7 кодексов, 4 из которых сохранилось), использовался Боголепом Адамовым в Чудове монастыре для создания краткого «Хронографца» [40], но так и не стал тиражироваться книголюбями [23].

В этой работе патриаршие летописцы смело добавляли в текст Хронографа сведения и целые статьи из Степенной книги: «лестницы» русских государей. Соединением ее с Хронографом Русским отличается еще одна оригинальнейшая компиляция, доведенная до Вечного мира и подчинения Киевской митрополии московскому патриарху в 1686 г. Здесь в оригинальном летописце за период после Смуты использованы Летописец Ф.Ф. Волконского из Хронографа Пахомия, масса дипломатических и военных документов, все с целью прославить эпохальное свершение: объединение Русской православной Церкви, с давних времен разделенной на Московскую и Киевскую. Сегодня кажется преувеличен-

Царевна Софья., парсуна неизвестного мастера, ГИМ

ным восторг читателей перед томом в 2 тысячи страниц, на которых события всемирной и российской истории увенчивается подвигом царевны Софьи и князя В.В.Голицына, силой своего ума вырвавших Киев, Смоленск и мир у поляков, а митрополию Киевскую и всея Руси у Константинопольского патриарха. Однако книжники продолжали переписывать этот фолиант и после падения правительства Софьи и Голицына. Эта оригинальная хронографическая компиляция стала весьма популярной: известно 11 ее рукописей конца XVII – начала XVIII вв., из которых сохранилось 6 [17].

Творческая история Хронографа Русского как книги, направляющей мысли читателя и формирующей русское общественное сознание, на этом завершилась. В XVIII и даже начале XIX вв. разные его редакции переписывались и читались, но развитие текста прекратилось. В эпоху радикальных культурных перемен России требовалось новое литературное слово.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук. Т. II. СПб.: тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1836. 413 с. №203.
2. Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 387 с.
3. Андрей Лызлов. Скифская история / Издание и исследование А.П.Богданова. М.: Альма Матер, 2023. 754 с.
4. Афанасий Никитин. Хождение за три моря / Сост. и предисл. А.П.Богданова. М.: Альма Матер, 2024. 415 с.
5. Белокуров С.А. Арсений Суханов. Исследование. Ч. I. Биография Арсения Суханова // ЧОИДР. 1891. Кн. II. С. I–IV, 329–440.
6. Беляев И.[Д]. Переписная книга домовою казны патриарха Никона // Временник Общества истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 15. М.: 1852. Отд. II. С. 1–136.
7. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. 314 с. С. 129–137.
8. Богданов А.П. 1612. Рождение Великой России. М.: Вече, 2013. 372 с.
9. Богданов А.П. Арсений Суханов, дипломат и мыслитель XVII в., наш современник // Novogardia. 2019. №1. С. 274–299.
10. Богданов А.П. Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины» // Историческое обозрение. Вып. 21. М.: НП «Историко-просветительское общество "Радетель"», 2020. С. 19–40.

11. Богданов А.П. Венчание русских государей и традиция Империи Ромеев // Россия XXI. 2024. №1. С.18–51.
12. Богданов А.П. Все началось с Афона. «Прения с греками о вере» по рукописям Арсения Суханова // Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. Каптеревские чтения – 14. Сб. статей. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2016. С.100–124.
13. Богданов А.П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М.: Берлин, Директ-Медиа, 2018. 482 с.
14. Богданов А.П. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1986 г. Л.: Наука, 1987. С.105–114.
15. Богданов А.П. Келейный сборник епископа Великоустюжского и Тотемского Боголепа Адамова // Исторический журнал: научные исследования. 2021. №2. С.130–147.
16. Богданов А.П. Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. С.140–160.
17. Богданов А.П. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., Наука, 1994. С.64–89.
18. Богданов А.П. «Летописец выбором» по списку Симона Азарыина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб.21. М.: Ин-т мировой литературы РАН, 2022 С.7–73.
19. Богданов А.П. «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам // Novogardia. 2020. №3 (7). С.208–237.
20. Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, доп. и испр. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 220 с.
21. Богданов А.П. Начало русской истории. М.: Альма Матер, Гуадеамус, 2022. 430 с.
22. Богданов А.П. Общерусское летописание последней четверти XVII века. М.: Альма Матер, 2024. 760 с.
23. Богданов А.П. Патриарший свод с Летописцем 1619–1691 гг. // Историческое обозрение. М.: Радетель, 2021. С.4–38.
24. Богданов А.П. Почему «Третий Рим»? Арсений Суханов о месте России в мировом православии // Диалог со временем. 2020. Вып.70. М.: Аквилон, 2020. С.72–85.
25. Богданов А.П. Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. М.: Наука, 1998. С.25–48.
26. Богданов А.П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М.: Академический проект, Директ-Медиа, 2020. 563 с.
27. Богданов А.П. Прения с греками о вере Арсения Суханова и Малороссийские дела // Историческое обозрение. Вып.20. М.: Радетель, 2019. С.45–55.
28. Богданов А.П. Псевдо-Кодин и таинство венчания русских царей // Каптеревские чтения – 22. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2024. С.110–141.

29. Богданов А.П. Редакции Краткого Московского летописца // *Novogardia*. 2020. №4 (8). С.223–261.
30. Богданов А.П. Редакции Летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР 1982. С.124–151.
31. Богданов А.П. Рождение Хованщины // Историческое обозрение. М.: Историко-просветительное общество «Радетель», Изд-во НИИБ, 2022. Вып.23. С.13–53.
32. Богданов А.П. Рукописная традиция Русского Хронографа III редакции (продолжение изысканий А.Н.Попова // *Quaestio Rossica*. Вып.11. 2023. №1. С.291–308.
33. Богданов А.П. Русские патриархи. М.: Академический проект; Трикта, 2022. 959 с.
34. Богданов А.П. Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // *Novogardia*. 2019. №2. С.252–279.
35. Богданов А.П. Сила легенды: Повесть о Словене и Русе в общерусском летописании XVII в. // “*Studia Litterarum*”, 2022. Т.7. №1. С.162–179.
36. Богданов А.П. София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Ин-т русской литературы РАН, 1994. Вып.7. С.399–428.
37. Богданов А.П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII–начало XVIII в. М.; Ин-т российской истории РАН, 2004. 504 с.
38. Богданов А.П. Теория «Москва – центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев XVII века // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып.2. География и политика. М.: Наука, 2006. С.91–111.
39. Богданов А.П. Хронограф Русский III-й редакции // *Novogardia*. 2021. №2 (10). С.457–490.
40. Богданов А.П. Хронографец Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Т.XLI. Л.: Наука, 1988. С.381–399.
41. Богданов А.П. Хронографец конца XVII века о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С.101–108.
42. Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: «Академический проект». 2018. 760 с.
43. Богданов А.П., Белов Н.В. Хронограф Русский III редакции из 182 глав. Часть1. Хронограф патриаршего скриптория 1680-х гг. // Словесность и история. №3. С.73–122; Часть 2. Хронографическая редакция патриаршего летописца 1619–1691 гг. // Там же, 2022. №1. С.45–91.
44. Богданов А.П., Пентковский А.М. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С.92–108.

45. Богданов А.П., Пентковский А.М. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С.61–95.
46. Богданов А.П., Пентковский А.М. Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. 1984. №5. С.92–100.
47. Веселовский С.Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613 гг. М.: Синодальная типография, 1911. XIV, 228 с.
48. Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А.Державиной. СПб.: Акад. тип. Наука РАН, 2004. 509 с.
49. Горина Л.В. Болгарский хронограф и его судьба на Руси. София: Център за изследвания на българите тангра ТанНакРа ИК, 2005. 226 с.
50. Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М.: Языки славянской культуры, 2004. 158 с.
51. Истрин В.М. К вопросу о взаимоотношениях Еллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т.16. Кн.4. СПб.: [б/м], 1912. С.125–142.
52. Истрин В.М. Хроника Георгия Синкелла // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Август. С.381–414.
53. Клосс Б.М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ. Т. XXVII. Л.: Наука, 1972. С.370–379.
54. Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 152 с.
55. Клосс Б.М. Летописный свод лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Ч.2. Л.: Наука, 1989. С.30–32.
56. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
57. Летописец Еллинский и Римский / Творогов О.В. Т.1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999–2001. 513, 270 с.
58. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства... / Изд. М.М.Щербатов. СПб.: тип. Компании типографической, 1771. 366 с.
59. Начальная летопись / Перевод с древнерусского языка и научный комментарий С.В.Алексеева. М.: ИПО, 1999. 186 с.
60. Никитин А.Л. Текстология русских летописей XI – начала XIV вв. Вып.1. Киево-Печерское летописание до 1112 года. М.: Минувшее, 2006. 400 с.
61. Новикова О.Л. «Хроника Георгия Синкелла» в произведениях русских авторов второй половины XV – начала XVI века // Вестник «Альянс-архе» №20. М.; СПб., 2017. С.39–51.
62. Пиотровская Е.К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности: «Летописец вскоре» константинопольского патриарха

Никифора // Православный Палестинский сборник. Вып.97 (34). СПб.: Дмитрий Була-нин, 1998. 176 с.

63. Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: тип. Э.Праца, 1846. 298 с.

64. Полное собрание русских летописей. Т.9–14. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: тип. Эдуарда Праца, тип. Министер-ства внутренних дел, тип. И.Н.Скороходова, тип. М.А.Александрова, тип. Министерства земледелия, 1862–1910. 282 с.; 6, 244 с.; VI, 254 с.; VI, 266 с.; Т.13, 1-я пол. 310 с.; 2-я пол. 240 с.; Т.14, 1-я пол. 158 с.; 2-я пол. 292 с.

65. Полное собрание русских летописей. Т.14. 1-я пол. СПб.: тип. Министерства зем-леделия, 1910. 158 с.

66. Полное собрание русских летописей. Т.21. Ч.1–2. Книга Степенная царского род-дословия. СПб.: тип. М.А.Александрова, 1908. VII, 342 с.; 1913. 363 с.

67. Полное собрание русских летописей. Т.22. Ч.1. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: тип. И.Н.Скороходова, 1911. 580 с.

68. Полное собрание русских летописей. Т.27. Никаноровская летопись. Сокращен-ные летописные своды конца XV века. М.: Изд. АН СССР, 1962. 418 с.

69. Полное собрание русских летописей. Т.31. Летописцы последней четверти XVII века. М.: Наука, 1968. 264 с.

70. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: тип. А.И.Мамонтова и К^о, 1869. 541 с.

71. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып.1–2. М.: тип. А.И.Мамон-това и К^о. 1866–1869. 739, 293 с.

72. Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Х.М.Лопарева. Ред. и предисл. Н.И.Ивановского // Православный палестинский сборник. Т.7. Вып. 3 (21). СПб., 1889. 434 с.

73. Романова А.А. Святцы Симона Азарьина из собрания отдела рукописей Россий-ской государственной библиотеки // Библиотековедение. М.: Пашков дом, 2016. Т.65. №5. С.539–544.

74. Савинов М.А. Легендарная история Руси в Хронографе архиепископа Пахомия // Славянские чтения, посвященные Дню святых Кирилла и Мефодия. СПб.: Нестор, 2003. Вып.III. С.54–59.

75. Савинов М.А. О Хронографе Пахомия и Летописце 1686 г. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С.280–289.

76. Савинов М.А. Рукописная традиция Хронографа Пахомия // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб.: Наука, 2010. С.328–354.

77. Савинов М.А. Хронограф Пахомия – памятник русской исторической мысли XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Се-рия 2. История. Вып. 1. С.38–44.

78. Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
79. Сиренов А.В. Степенная книга: история текста. М.: Языки славянских культур, 2007. 544 с.
80. Служебник. М.: Государев Печатный двор, 1655. 388 л.
81. Струве П.Б. Народное хозяйство и интеллигенция // *Patriotica. Россия. Родина*. Чужбина. СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т, 2000. С. 83–87.
82. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л.: Наука, 1975. 320 с.
83. Творогов О.В. К изучению древнерусских хронографических сводов. I. Редакции Еллинского летописца // *ТОДРЛ. Т. XXVII*. Л.: Наука, 1972. С. 380–393.
84. Творогов О.В. Хроника Георгия Синкелла в Древней Руси // *Исследования по древней и новой литературе*. Л.: Наука, 1987. С. 215–219.
85. Творогов О.В. Хронограф Архивский. Хронограф Виленский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.)*. Л.: Наука, 1987. С. 475–476.
86. Творогов О.В. Хронографы Древней Руси // *Вопросы истории*. 1990. № 1. С. 36–49.
87. Тотоманова А.М. Славянская версия на Хрониката на Георги Синкелл. София: Ун-т. изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. 684 с.
88. Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
89. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978.
90. Щапов Я.Н. Византийские хронографические сочинения в древнерусской кормчей Ефремовской редакции // *Летописи и хроники*. 1976. М.: Наука, 1976. С. 252–263.

То, что интересует общество,
не всегда в интересах
общества.

Терри Пратчетт

Глуп тот человек, который
никогда не меняет своего
мнения.

Уинстон Черчилль

Ольга Заиченко

**«КАК ВЫ МОГЛИ ПОВЕРИТЬ, ЧТО
МНЕ НЕТ ДЕЛА ДО ПОЛЬШИ!..»**

**ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830–31 ГГ., ЕГО
МЕСТО В ЕВРОПЕЙСКОЙ «ВОЙНЕ ГЛАВНЫХ
АНТАГОНИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ»
И РЕАКЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА**

УДК

94

[430:47]”1830-1832”

В статье делается попытка рассмотреть польское Ноябрьское восстание 1830/31 гг. в парадигме политического дискурса о «европейской войне главных антагонистических принципов» на фоне серии революций 1830/31 гг. Кроме того, в центре внимания исследования находится феномен немецких обществ «друзей Польши» как попытка самоидентификации гражданского общества с одной стороны, и инструмент массовой либеральной пропаганды и политической манипуляции – с другой.

The article attempts to examine the Polish November Uprising of 1830/31 in the paradigm of the political discourse about the “European war of the main antagonistic principles” against the background of the series of revolutions of 1830/31. In addition, the study focuses on the phenomenon of German societies of “friends of Poland” as an attempt at self-identification of civil society on the one hand, and an instrument of mass liberal propaganda and political manipulation on the other.

Ключевые слова: польская революция; Германия; либералы; немецкие общества друзей Польши; региональная пресса; Гамбахский праздник.

Key words: Polish revolution; Germany; liberals; German societies of friends of Poland; regional press; Gambach holiday.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Польское восстание 1830–31 гг. и общественный резонанс в Европе

В ночь на 29 ноября 1830 г. группа заговорщиков из числа юнкеров военного училища захватила Бельведерский дворец в Варшаве, резиденцию великого князя Константина Павловича, наместника русского царя Николая I. В ходе вооруженного выступления поляками был захвачен арсенал, а русские полки окружены в своих казармах. Великий князь Константин бежал. Уже 4 декабря было сформировано Временное правительство из 7 членов, включая лидера демократического крыла повстанцев Иоахима Лелевеля. Возглавил правительство князь Адам Чарторыйский – признанный лидер аристократической партии польской оппозиции. Левые были склонны рассматривать национально-демократический переворот в Варшаве как часть общеевропейского освободительного движения. Они мечтали об общенародном восстании и войне в союзе с революционной Францией против реакционных монархий, разделивших Польшу, – России, Австрии и Пруссии. Правые были склонны искать компромисс с Николаем на основе конституции 1815 г. В попытке договориться новоизбранный сейм послал в Петербург делегатов для переговоров с русским правительством. Условия польской стороны в основном сводились к требованиям, не выходящим за рамки Венской конвенции 1815 г., гарантировавшей конституционные права Польши. Николай, однако, не обещал ничего, кроме амнистии, и призвал поляков сложить оружие. Когда 25 января 1831 г. вернувшиеся депутаты сообщили об этом сейму, последний немедленно принял акт о низложении Николая и запрете представителям династии Романовых занимать польский престол. Патриотически настроенная часть общества поддерживала решения сейма. Она полагала, что это единственный возможный ответ на ультиматум царя, который исключал возможность компромисса с русской стороной. Таким образом, в наметившемся противостоянии между национально-демократическим и консервативно-монархическим принципами внутри лагеря польской оппозиции преимущество получил первый. Революция вышла из-под контроля умеренных сил, пытавшихся удержать страну в рамках Венской системы.

В феврале 1831 г. русские войска вошли в Царство Польское с армией, превышающей 100 000 человек. Польская сторона смогла собрать около 50 000 солдат. В кровопролитной битве при Грохове польская армия выстояла против русской армии, но 26 мая повстанцы потерпели тяжелое поражение при Остроленке. После битвы под Прагой 8 сентября 1831 г. Варшава была вынуждена капитулировать. После капитуляции револю-

Мятеж в Варшаве ноябрь 1830 г.

ционное правительство и члены сейма бежали из Варшавы, а 5 октября 1831 г. остатки польской армии численностью более 20 000 человек пересекли прусскую границу и сложили оружие в Броднице. Начался исход десятков тысяч польских беженцев в Европу.

Ноябрьское восстание в Польше вызвало большой резонанс в Европе. Десять месяцев войны против величайшей державы континента, за которыми последовал исход беженцев – мирных граждан, офицеров и политиков, стали предметом ежедневного интереса прессы, общественного мнения, дипломатов, секретных служб, глав государств, а также публицистов и литераторов.

«Как вы могли поверить, что мне нет дела до Польши! Это главный акт европейской трагедии», – восклицал ведущий немецкий публицист Людвиг Берне в начале польских событий 18 декабря 1830 г. в своих «Письмах из Парижа» [25, S. 85].

Спустя десять месяцев накануне разгрома восстания Польша продолжает оставаться в фокусе внимания. В начале сентября 1831 г. либеральный политик Карл фон Роттек дал оценку русско-польскому противостоянию в журнале "Allgemeine politische Annalen": «Главные события происходили и происходят в Польше, и именно здесь возникает естественная отправная точка. Основные процессы нашего времени. . . опосредованная европейская война главных антагонистических прин-

ципов; стержень, вокруг которого все вращается; концентрированный европейский кризис сейчас переместился в Польшу. Это значение польской войны было признано или, по крайней мере, прочувствовано всеми» [31, S.203].

Всеобщее внимание к польским событиям даже отразилось на работе европейских фондовых рынков. Связь между падением Варшавы и ростом курса акций на бирже очень точно подметил Генрих Гейне. Разгром польского восстания вызвал рост котировок, но также послужил поводом для беспорядков и демонстраций по всей Европе, что пошатнуло позиции правительств и, как следствие, удручающе сказалось на европейских биржах. Гейне так охарактеризовал этот феномен после поражения польской революции: «В случае падения Варшавы вопрос заключался не в том: "Какой вред это причинит человечеству?" а в том, обескуражит ли победа русской нагайки смутьянов, то есть европейских друзей свободы? При утвердительном ответе на этот вопрос курс акций повышался». И далее: «Не "быть или не быть", а спокойствие или волнение – вот главный вопрос фондового рынка после победы русских» [24, S.146–147].

Все они были правы: политики, публицисты, литераторы, биржевые спекулянты. Ноябрьское восстание не являлось событием локального значения, а воспринималось, по меткому выражению Карла Ротека, как решающее сражение «европейской войны главных антагонистических принципов», которая с июля 1830 г. разворачивалась на глазах потрясенных современников.

Европейская война главных антагонистических принципов

Ноябрьское восстание началось через четыре месяца после Июльской революции в Париже, через одиннадцать дней после провозглашения независимости Бельгии. Это был как бы третий акт драмы – самая длинная и напряженная цепь событий, с которой политики и дипломаты держав Венской системы поначалу не могли справиться. Многие современники ожидали, что это будет последний акт, который с неизбежностью приведет к европейской революции, последствия которой князь Меттерних описал в апокалиптической пятичастной метафоре: «вулканическое извержение на фоне великого потопа, вселенского пожара и чумы, распространяющиеся как раковая опухоль» [26, S.15]. И тогда это не казалось преувеличением.

Призрак Французской революции и последовавших за ней наполеоновских войн все еще витал над Европой. Перед глазами сторонников революции, как и их противников, стояли события 1792 г. – года объявления первой Республики и начала французской интервенции. Характеризуя ситуацию в первые дни Июльской монархии, историк и политик Франсуа Гизо с иронией писал, что революционная партия видела себя наследницей и Национального конвента, и Империи [48, S. 34]. Европейские державы опасались новой волны революционного хаоса и одновременно возрождения французского милитаризма, реванша за Венский конгресс. Казалось, после Июльской революции Франция стала представлять двойную социально-политическую опасность для европейского порядка. Но на самом деле этой опасности не существовало: французское правительство стремилось к миру и официально признанию со стороны великих держав. Буржуазные демократы надеялись в лучшем случае на «мирное сочувствие народов» и с гордостью несли «ответственность за свободу и прогресс во всей Европе», но ответственность исключительно морального характера [21; 22]. Однако призрак якобинства и миф о Наполеоне были достаточно сильны, чтобы угроза воспринималась как реальная [42, S. 14–29]. Польское восстание, начавшееся через несколько месяцев после падения Бурбонов, также вызвало внезапную эскалацию международной напряженности и поставило на повестку дня вопрос о пересмотре постановлений Венского конгресса.

Падение Бурбонов, независимость Бельгии, вооруженное восстание в Варшаве – эти три события, казалось, подытожили все проявления политического и социального недовольства, что накопились за время существования Венской системы 1815–1830 гг. Стремясь успокоить великие державы и представителей легитимизма, новые правительства Франции и Бельгии постарались сделать все, чтобы ограничить свои национальные революции изнутри и снаружи. С одной стороны, им было необходимо интегрироваться в политический и социальный порядок старой европейской системы государств. С другой – не разрушить международный баланс сил на континенте. В результате масштабы реформ были ограничены внутренними рамками. Сдержанность во внешней политике не привела к международной изоляции. Таким образом, новым правительствам Франции и Бельгии удалось легитимизировать себя в старой Европе, сформированной Венским конгрессом.

Среди революций 1830 г. бельгийская национальная революция наиболее полно отвечала этим требованиям [29; 52]. С точки зрения внутренней политики, она была направлена на умеренные конституцион-

ные реформы, проводимые под скипетром монарха из дома Кобургов, который был достаточно мал, чтобы не позволить Бельгии стать новым крупным игроком на международной арене.

Ситуация в восставшей Варшаве, напротив, была сложной настолько, что легитимация и локализация польской революции были практически безнадежны и неосуществимы. Россия – сильнейшая на тот момент великая держава Европы и главный блюститель Венской системы, вступила в бескомпромиссную войну против польских повстанцев. Правда, сначала обе воюющие стороны старались придать военному инциденту вид быстро решаемого периферийного конфликта. По российским дипломатическим каналам предпринимались усилия представить проблему как внутреннее дело Петербурга и Варшавы. Со стороны польского национального правительства делались попытки оправдать восстание молодых офицеров как защиту конституционных прав – прав, которые были предоставлены Царству Польскому Венским конгрессом, а точнее, его главным действующим лицом, царем Александром I. Это должно было означать, что восставшие поляки придерживались формулировок внутреннего и международного законодательства, которое нарушил преемник Александра, Николай I [40, S.34ff]. Однако, кроме формальной юридической точности, эта тонкая дипломатическая казуистика не имела никакого практического значения для разрешения конфликта. Государственные деятели, умеренные либералы и отнюдь не революционно настроенные патриоты, пытавшиеся руководить восстанием, не смогли овладеть ситуацией, хотя в момент вспышки они загнали стихийное движение в корсет парламентского строя. Уже через несколько недель было создано правительство и парламент страны. Но это не помешало сейму одним из первых законодательных актов принять Постановление о детронизации Николая I и развязать войну за государственную независимость. Радикализация революционных действий взяла верх над политическим благоразумием. С этого момента идея легитимации польского восстания по французскому и бельгийскому образцу не могла быть поддержана ни в рамках системы международных отношений, навязанной Венским конгрессом, ни в рамках прежней легитимно-династической системы морально-политических категорий.

Но восстание получило неожиданную поддержку внутри новой политической публичной сферы – набирающего влияние европейского общественного мнения. Распространение либеральной системы взглядов привело к возникновению европейского политически мотивированного гражданского сообщества, называвшего себя «друзьями свободы», ко-

торое очень быстро стало интернациональным на волне солидарности с Июльской революцией во Франции. Генрих Гейне писал о «парижском солнечном ударе» [38, S.210], который обрушился на континент с неожиданной силой и повлек необратимые изменения в общественных настроениях. Следом за Францией и Бельгией в ноябре 1830 г. на европейскую политическую арену вышла Польша. Поддержавший ее «конституционно-либеральный интернационал» окончательно объединился против превосходящего его по силе «самодержавно-консервативного интернационала» во главе с Россией [43]. Наличие политического раскола между либералами и консерваторами засвидетельствовал Карл Ротек: «Во всей Европе существует ужасное разделение на две системы или направления, и не по странам, а прямо через все страны, провинции, общины и семьи... на конституционалистов и абсолютистов, либералов и сервилитов, или, если угодно, на сторонников революции и сторонников реакции» [50, S.XVII]. Идея неизбежности военного конфликта между прогрессом и конституционализмом в лице восставшей Польши с одной стороны, и варварством и самодержавием в лице России – с другой, стала частью политического дискурса Европы. Два главных антагонистических принципа сошлись друг против друга. В Польше в 1830–1831 гг., казалось, разворачивалась основная битва за будущее Европы, которая не могла быть ограничена узкими рамками одной страны. В этой битве должна была принимать участие вся Европа, в которой гражданское общество, формирующее мнения, начало осознавать свою самостоятельность по отношению к централизованной государственной власти с мощным аппаратом подавления и войны.

Особое отношение к революционной Польше в Германии

Активная материальная и моральная поддержка восставших поляков гражданским обществом в 1830–1832 гг. была общеевропейским явлением, но эпицентр полонофилии находился в Германии и Франции.

Франция стала главной страной-убежищем для потока польских беженцев, начавшегося после разгрома революции. Германия была территорией их транзита. Путь изгнанников пролегал через Германию, но не в Германию. Немецкие правительства, находясь под давлением России, Австрии и Пруссии, отказывали полякам в убежище.

Это относится ко второму послереволюционному этапу. Однако на первом этапе, до сентября 1831 года, когда капитуляция Варшавы подтвердила окончательный провал восстания и началась Великая эми-

грация, немецкие государства были связаны с польской революцией более тесно, чем остальная Европа. Мятежная Польша играла важную роль в их прошлом и настоящем, а также могла придать прогрессивный импульс их будущему.

Особое политическое положение Польши в немецкой истории было обусловлено разделами Польши в конце XVIII в. Они превратили Россию и Пруссию в крупнейшие европейские державы, а также заметно усилили Австрию. Это обстоятельство заставило три крупнейшие абсолютистские монархии Европы теснее сотрудничать между собой, заключать политические коалиции и выступать единым фронтом в Священном союзе. Таким образом, польские проблемы стали международными, и постоянное присутствие Польши, исчезнувшей с политической карты, было зафиксировано в политическом коммуникационном пространстве не только России, но и Германии [34, S. 1–19]. В итоге Польша заняла особое положение в современной Европе как часть оппозиции к трем реакционным автократиям – не только как их жертва или мятежный противник, но и как конструктивный оппонент, особенно в попытке реформировать собственную политическую систему с помощью Майской конституции 1791 г. и тем самым модернизировать государство на фундаменте аристократической республики.

Помимо прошлого и настоящего успех польской революции гарантированно оказал бы благотворное влияние и на будущее Германии. Он вызвал бы не только реорганизацию национальных государств в Центральной Европе, но и ускорил процесс либерализации на всем континенте, особенно в Германской конфедерации. Победа демократической Польши поставила бы под вопрос территориальную организацию двух главных немецких держав – Пруссии и Австрии. Польское национальное государство, победившее в ходе революции на территории, отошедшей в результате разделов к России, рано или поздно наверняка вернуло бы себе австрийские и прусские земли старой Речи Посполитой в границах 1772 г. Таким образом, польская национальная революция и внутренняя ситуация в Германской конфедерации были тесно переплетены. Польская победа способствовала бы либерализации немецких земель. Поэтому при обсуждении революции в Польше немецкая общественность всегда рассуждала о будущем Германии.

В этом отношении очень показательна характеристика, данная в июньском томе «Анналов» за 1831 г.: «Польское восстание нельзя ставить в одну категорию с другими подобными событиями в Германии и за ее пределами; его связь с принципами конституционного и между-

народного права цивилизованного мира более прочна и очевидна, и решение его судьбы, следовательно, имеет более мощное воздействие на определение этих принципов. Его отношения с Европой разнообразны и глубоки. Польша – это нация, которая покоится в сердце Европы, ее кровь течет во всех жилах ее великого тела» [20, S.285]. Такой эмоционально насыщенный язык в комментариях к событиям в Польше редко встречался в немецкой прессе в описаниях текущей политической ситуации в других европейских странах – во Франции, Англии, Бельгии или Италии.

Для поддержки польской революции и ее участников с 1830 г. в Германии гражданским обществом были созданы многочисленные объединения «друзей Польши». Они образовали самую плотную организационную сеть, которая когда-либо охватывала немецкие земли за пределами Пруссии и Австрии. В нее входили – что было очень необычно для того времени – не только мужчины всех возрастов и сословий, но и женщины [23, 44, S.11–38]. Преклонение немецкой нации перед польской открыло публичную сферу политической и гуманитарной деятельности, в которую впервые вошли не только мужчины, но и большое количество женщин. Они получили право участия в общественной жизни, за которое им не нужно было бороться, их специально агитировали, приглашали и поощряли к действию.

Немецкие союзы «друзей Польши»

Политический интерес к русско-польской войне, вызывавший солидарность с воюющими поляками, сопровождался значительной материальной поддержкой, начиная с летних месяцев 1831 г. [23; 25]. В первый период – от начала восстания до падения Варшавы – основной сферой деятельности союзов «друзей Польши» был сбор средств для поддержания польских госпиталей. После поражения собранные деньги шли на помощь беженцам. Стихийная работа по оказанию помощи, носившая сначала эпизодический характер, началась в Германской Конфедерации уже в марте–апреле 1831 г. С помощью подписок через либеральные издания в пользу повстанцев собирались деньги, а также покупались разные виды перевязочных материалов.

Кроме того, дополнительные средства собирались за счет благотворительных мероприятий, которые широко анонсировались и освещались в региональной прессе. Например, летом 1831 г. в Вюртемберге для этих целей был организован детский фестиваль и ряд музыкальных представ-

Д. Мартен. «Конец Польши 1831». 1832 г.

лений. Как сообщала местная либеральная газета "Hochwächter": «На праздничной площади был установлен алтарь с надписью: "Поминайте храбрых поляков во время ваших радостей". Просьба не осталась неуслышанной. Более 100 флоринов было брошено в чашу для сбора, заключенную в алтаре. . . . Для посетителей был также организован поэтический вечер, на котором было представлено несколько стихотворений, посвященных Польше, исполненных актером У. Хансеном, которые написал талантливый обер-юст-ассессор Теодор Хохбах. К сожалению, цензор из Ульма удалил несколько стихов из списка» [10, о.С]. Большой концерт состоялся в Тюбингене, где «Фридрих Зильдер, известный вюртембергский композитор народных песен, поставил себя на службу польскому делу» [7, о.С.]. Следующим был Эсслингер. «Под руководством музыкального руководителя Коха в Городском театре был дан благотворительный концерт в пользу поляков с участием хора Учительской семинарии, а также капеллы артиллерийского полка, дислоцированного в Эсслингере. Солистом был придворный музыкант из Вюртемберга Берхальтер, который играл на "бассет-рож-

ке". После увертюры концертмейстер Пфафф прочитал стихи, посвященные польским героям, написанные им самим. Затем среди прочего, прозвучал национальный гимн Польши, была произнесена "Молитва перед битвой" Теодора Кернера и в заключении Густав Шваб прочитал собственное стихотворение о Польше. Впечатление, оставленное стихами Шваба, было настолько ярким и продолжительным, что после мероприятия группа мужчин направилась к его дому, чтобы спеть там немецкие песни о свободе и надежде на светлое будущее – таков подробный отчет о серии благотворительных концертов, опубликованный в вюртембергской газете "Hochwächter" летом 1831 г. [8, o.S.].

Со временем гуманитарная поддержка переросла в постоянную, хорошо организованную деятельность [30]. Немецкие друзья Польши создавали ассоциации для поддержки раненых и больных в госпиталях, в первую очередь для сбора денег и медицинского оборудования. Ассоциации также финансировали поездки немецких врачей-добровольцев в Польшу и жертвовали хирургические инструменты. Были собраны и переданы значительные денежные суммы. Так как перечисление денег в разоренную войной страну часто было проблематичным, использовались прежние торгово-логистические связи с Варшавой.

Для современников эта деятельность, исключительно благотворительная по своей практической направленности, с самого начала имела ярко выраженные политические черты и трактовалась, особенно либералами, как свободное выражение гражданской позиции. Как писал оппозиционный политик и литератор, возглавлявший комитет помощи полякам в Штутгарте, Людвиг Уланд: «Гуманитарная помощь Польше объявляется святой обязанностью и открытым проявлением доброй воли всякого честного человека и гражданина» [44, S.20]. Наиболее политически ангажированные издания шли дальше и даже объявляли помощь Польше «персональным долгом каждого добропорядочного немца» [53, S.34]. Надо сказать, что подобные заявления не вызывали особых протестов, так как в глазах большинства современников поддержка польских повстанцев действительно была чем-то большим, чем простая благотворительность: «Восстановление Польши может произойти только через Германию. Наша нация морально и юридически обязана сделать это, чтобы искупить тяжкий грех уничтожения Польши» – писал в редакционной статье одной из самых влиятельных оппозиционных газет "Deutsche Tribüne" либеральный политик и публицист Иоганн Георг Вирт [3, o.S.]. Хотя подобные требования формулировались только политическими радикалами, национальное, наряду с либеральным, стало сопутствующим

мотивом немецкой полонофилии. Так в региональном периодическом издании "Karlsruher Zeitung" можно было прочитать: «Мы призываем все регионы нашей родины объединить свои усилия в отношении сражающейся Польши с нашими, чтобы на деле продемонстрировать, как высоко Германия ценит любовь к родине, чувство свободы и героизм» [11, о. S.].

Итак, участвуя в поддержке Польши, люди демонстрировали как свою гражданскую позицию – «чувство свободы», так и немецкий патриотизм. На этой дуалистической основе возникла идея либеральной солидарности наций, основанная на возвышенной вере в то, что политически ответственные народы могут жить без конфликтов, постоянно находясь в состоянии мирного сотрудничества друг с другом. В эту идеалистическую концепцию легко вписывалась интернациональная поддержка Польши. Современники рассматривали помощь полякам как коллективный акт слаженных действий европейской «семьи народов». Народы помогают друг другу, правительства остаются в стороне. В связи с этим Дитер Лангевитце писал о развитии «нового чувства Европы» [44, S. 11] среди «друзей Польши», которое повлияло на мышление оппозиционных политиков, членов студенческих корпораций, а также на настроения либерально настроенных граждан. Так, в июне 1832 г. «друзья Польши» отреагировали на законодательные ограничения деятельности своих объединений со стороны государства словами: «Чем больше исчезают названия и эмблемы патриотических объединений под натиском марширующих толп декретов и распоряжений, тем теснее смыкается великий духовный союз благородных людей по всей Европе перед лицом общей опасности; и чем враждебнее противостоит нам внешнее насилие, тем сильнее мы объединяемся в общей неустанной борьбе за правду и права человека» [2, S. 468].

После подавления польского восстания в сентябре 1831 г. поляки начали эмигрировать во Францию. В середине декабря колонны польских военных двинулись из Пруссии и Австрии через немецкие земли. В общей сложности в поход отправились почти 10000 офицеров и, в меньшем количестве, унтер-офицеров и солдат. Организация и финансирование маршей были лишь одной из задач, стоявших перед правительствами немецких земель. Однако наибольшую поддержку эмигрантам в южной и западной Германии оказали союзы «друзей Польши», которые во время миграции поляков возобновили свою деятельность, к тому времени почти прекратившуюся. В отличие от государства, «польские» союзы действовали преимущественно на местном уровне и реагировали на не-

посредственные нужды эмигрантов. Некоторые из них организовали помощь сотням польских беженцев. Так, например, по данным региональной прессы, в Гейдельберге местная ассоциация «друзей Польши» оказала помощь 426 офицерам и 201 солдату. А в Раштатте, согласно опубликованным отчетам благотворительных организаций, помощь получили около тысячи человек [27, S. 187].

К исключительно мужским союзам добавились многочисленные девичьи и женские «польские» союзы. Эти женские объединения, состоявшие в основном из жен, сестер и дочерей немецких «друзей Польши», занимают в истории женских объединений в Германии почетное место между патриотическими женскими объединениями 1813–1815 гг. и демократическими женскими объединениями 1848 г. Особенно в кризисные времена, характеризующиеся войной и национальными потрясениями, женщины находили себе место в общественной сфере. Пока продолжались бои, помощь полякам состояла из двух вещей: бинтов и денег. Затем, когда началась Великая эмиграция, речь шла о деньгах и гостеприимстве для изгнанников. Сбор перевязочных материалов и гостеприимство не могли быть организованы без помощи женщин. И хотя сбор денег считался мужской работой, поскольку речь шла о гуманитарной помощи, любая помощь приветствовалась. В списках пожертвований много женских имен.

Тем не менее многочисленные женские «польские» объединения были социальным новшеством. Впервые женщины среднего класса образовали в значительной степени независимые организации такого масштаба, получившие свою легитимность не от официальных властей или коронованных особ, а от гражданского общества. Женщины приобрели важный опыт в своих благотворительных союзах, начав тесно сотрудничать с прессой: их работа требовала широкого освещения в печати и анонсов мероприятий. Кроме того, женские организации вышли за пределы «кружков по домоводству» и включились в масштабный процесс общественной благотворительности, за которую они впервые должны были публично отчитываться перед согражданами через периодические издания.

После сентября 1831 г. материальная помощь ассоциаций «друзей Польши» была направлена на обеспечение поляков-эмигрантов питанием, жильем и транспортом, а также на финансовую поддержку нуждающихся. Растущая активность и независимость «польских друзей» в решении организационных вопросов часто ставили в тупик государственные власти. Будучи добровольными гражданскими организациями, которые

успешно действовали в областях, которые всегда рассматривались как сферы деятельности государства, «польские» ассоциации, по крайней мере после Гамбахского фестиваля (1832 г.), воспринимались консервативными правительствами германских земель как нежелательные конкуренты и нарушители общественного порядка, а их работа – как фундаментальная атака на основы монархии. Тем более, что в тот период сам факт поддержки идеи республиканского национального государства преследовался в Германской конфедерации как принципиальный вызов Венской системе [45, S. 144–163]. Неудивительно, что бундестаг выступил против «польских» объединений, проголосовав 5 июля 1832 г. за принятие Федерального Декрета о поддержании законного порядка и спокойствия в Германской конфедерации [28, S. 277].

Правы ли были депутаты германского сейма, признав деятельность союзов немецких «друзей Польши» оппозиционной? Несмотря на то, что количество граждан, задействованных в этих союзах, намного превосходило численный состав всех оппозиционных партий и групп, вместе взятых.

Действительно, большинство акций в поддержку поляков было организовано либералами и использовались ими в пропагандистских целях. Но тем не менее пропольскому движению в Германии удалось преодолеть не только партийные рамки, но и все социальные границы: имущественные, конфессиональные, образовательные, возрастные и гендерные. Политический либерализм в Германии того времени не обладал ни таким влиянием, ни такой интегрирующей силой. И только благодаря тому, что в процесс включилось множество аполитичных людей, немецкое гражданское движение в поддержку Польши смогло стать коммуникативным событием, пронизывающим все общество. Безусловно, либералы продвигали и использовали его в своих интересах, но именно аполитичные обыватели превратили готовность участвовать в благотворительных мероприятиях в пользу поляков в массовое движение, которое проникло в повседневную жизнь обычных людей. Однако помощь нуждающимся полякам оказывалась не только как конкретным страдающим людям, но и как воюющей нации. И даже те, кто помогал без каких-либо политических намерений, кто оказывал помощь по заповеди христианского долга милосердия и сострадания, в конце концов становились частью либерального сообщества, которое рассматривало эту деятельность как своего рода гражданский акт во имя идеала национального самоопределения.

Немецкая пресса

Периодическую прессу можно назвать главным средством трансляции особого отношения немцев к Польше. Газеты, как центральные, так и региональные, доносили подробную информацию о польском восстании до самых захолустных местечек. Оппозиционные издания уже в начале 1831 г. превратились в площадки для политических дискуссий, в которых польский вопрос занимал центральное место. Пресса стала проводником поддержки пропольского движения в Германии прежде всего потому, что немецкие «друзья Польши» под руководством либералов сознательно использовали ее как средство коммуникации и легитимации своей деятельности.

Однако и до начала массового движения в поддержку Польши немецкая пресса регулярно и подробно сообщала о событиях на польских полях сражений, что, безусловно, отвечало интересам читателей. Репортажи часто занимали несколько колонок или даже большую часть номера. Событиям в других уголках Европы немецкие газеты не уделяли столько внимания. Тон, интерпретация, а иногда и сам подбор фактов определялись политической ориентацией издания. Региональная пресса, в свою очередь, зависела от информации, публикуемой на страницах двух важнейших немецких изданий – "Augsburger Allgemeine Zeitung" и "Allgemeine Preußische Staatszeitung". Немецкий исследователь Георг Штробель приводил свидетельства о существовании у этих двух изданий собственной корреспондентской сети в Польше [54, S. 126–147]. Хотя "Allgemeine Zeitung" – одна из самых читаемых газет, «не присоединилась к громкому ликованиею по поводу Польши» [47, S. 43], она считалась либеральным изданием и много писала о событиях на «польском фронте» и о немецкой помощи восставшим полякам. Напротив, консервативная газета "Allgemeine Preußische Staatszeitung", которая, вероятно, также была одним из наиболее часто используемых источников информации о ходе русско-польской войны [47, S. 43], согласно редакционной политике стремилась внести «струю холодной воды в сильно заряженные волны необузданной пропольской мечтательности у немцев» [41, S. 48, 51].

Оппозиционные газеты, такие как "Deutsche Tribüne", "Das konstitutionelle Deutschland", "Der Freisinnige" и "Wächter am Rhein", открыто занимали пропольскую позицию, печатали политические статьи и аналитические материалы, а также публиковали множество стихотворных произведений, воспевающих освободительную борьбу поляков, вошедших в немецкую литературу под названием «польские песни» [35; 36; 33;

37; 16]. На страницах оппозиционных газет часто слово предоставлялось и самим полякам. Например, с марта по июль 1832 г. в ежедневном издании "Der Freisinnige" регулярно публиковались разоблачительные статьи Кирилла Гродецкого, бывшего члена польского Рекогносцировочного комитета, разбиравшего русский дипломатический архив, брошенный в Бельведерском дворце в Варшаве после бегства великого князя Константина в ноябре 1830 г. Впоследствии эти статьи с отрывками из документов, компрометирующих дипломатические ведомства России и Европы, были опубликованы в Лейпциге под названием «Роль дипломатии в падении Польши: поучительный пример для всех народов» [32]. Польская тема легко сочеталась с проявлением либеральных политических взглядов и переносилась на остальную Европу. В этом плане очень типична серия редакционных статей «Польша и дело свободы», анонимно опубликованная в октябре 1831 г. в нескольких номерах еженедельника "Das konstitutionelle Deutschland", издаваемого в Страсбурге радикалом Гарро Гаррингом [18].

Споры о необходимости предоставления различных видов помощи восставшей Польше, включая военную, всегда вызывали конфронтацию с политическими оппонентами из консервативного лагеря. Публично обсуждались вопросы о том, где заканчивается благотворительность и начинается политическая ангажированность или насколько политически мотивированные проявления солидарности с борьбой другого народа могут быть оправданы перед лицом собственных нужд и насущных потребностей. Политизация и публичные дискуссии дошли и до регионального уровня. Оригинальные полемические статьи стали новым веянием в популярных провинциальных еженедельниках, которые в то время были заполнены в основном короткими местными новостями и перепечатками из центральных газет. Например, в региональном издании "Heidelberger Wochenblätter", выходившим в Гейдельберге приличным для того времени тиражом, вместо описаний городских торжеств, благотворительных мероприятий, визитов столичных чиновников или предполагаемых цен на зерно шли дебаты о тенденциях политики европейских государств в отношении Польши [4; 5]. Дебаты в прессе, в которых принимали участие не только протагонисты и активные участники пропольского движения солидарности, но и их оппоненты способствовали развитию независимого политического мышления у представителей среднего класса немецкого общества, формированию гражданской позиции и побуждали их к осмысленной общественной деятельности.

Обратная сторона медийной пропагандистской компании в пользу Польши, особенно на местном уровне, раскрывается в сообщениях об остановках в немецких провинциях групп польских эмигрантов, направлявшихся во Францию. Эти репортажи, часто сделанные с натуры, сфокусированы не на политике, и даже не на поляках, а на множестве мелких деталей, связанных с торжественными мероприятиями, устроенными местными жителями. И тут бросается в глаза одна типичная особенность. Читатель почти ничего не узнает о практической части, то есть о предоставленной принимающей стороной конкретной помощи и поддержке беженцев, а также о физическом и эмоциональном состоянии самих поляков. Основную часть газетных сообщений занимают описания банкетов, шествий, торжественных приемов, устроенных местными «друзьями Польши» в честь польских «борцов за свободу» – нескончаемого праздника и выражения немецкого патриотического энтузиазма, что сильно диссонировало с реальными преследованиями бывших участников польского восстания со стороны властей России и Пруссии.

Самыми известными беженцами, проехавшими транзитом через южные земли Германии, были три знаменитых генерала, с началом восстания ставшие на защиту Польши: итальянец Джироламо Раморино (1792–1849), немец Фридрих Георг Лангерман (1801–1854) и поляк Франтишек Шнайде (1790–1850). В начале декабря они прибыли в Штутгарт. В репортажах вюртембергских газет три дня, проведенные ими в Штутгарте, – с 6 по 8 декабря 1831 г. – кажутся одним нескончаемым праздником, оторванным от суровой реальности эмигрантских будней. Среди множества имеющихся описаний их путешествия в столицу Вюртемберга мы кратко воспроизведем сообщения из Гёппингена, небольшого городка в окрестностях Штутгарта, и из самой столицы Вюртемберга, как наиболее типичные. Все отрывки взяты из местных газет – “Der Nachwächter”, “Swäbischer Merkur”, а также регионального еженедельника “Ulmisches Intelligenzblatt”.

«Когда триумфват появился в городе, у почтового отделения стояла толпа. Раздались приветствия. Девушки в польских национальных костюмах преподнесли героям лавровые венки». Позднее, на торжественном приеме, устроенном в честь проезжавших, «дамы из Гёппингена выразили желание получить на память пряди волос от каждого из благородных генералов, от чего ни один из них не уклонился» [14, о.С.]. В тот же день генералы прибыли в Штутгарт, «где энтузиазм встречающих вспыхнул с новой силой. Местный любительский хор “Stuttgarter Liederkrantz” исполнил в честь храбрецов торжественную серенаду в че-

тырех частях, но полиция заставила хормейстера остановить выступление. Однако жители столицы Вюртемберга не позволили этой официальной мере лишиться их удовольствия. Многие из тех, кто собрался перед отелем "Waldhorn", где остановились почетные гости, оттеснили полицию, ринулись в образовавшуюся брешь и запели национальный гимн Польши» [12, о.С.]. Изюминкой второго дня пребывания «благородных героев» в Штутгарте стал праздничный обед в "Burkschen Garten", где «среди более чем 100 приглашенных гостей был известный местный поэт Густав Шваб, который для дорогих гостей прочитал стихотворение "Добро пожаловать, благородные обломки". В конце вечера с короткой речью выступил искренний друг Польши депутат Людвиг Уланд» [12, о.С.]. Праздничная суета продолжилась и на третий день, когда местным женским союзом была организована благотворительная ярмарка в пользу польских беженцев. «Слезы умиления у собравшихся вызвал трогательный подарок в виде красного кольца для салфеток с белым орлом; украшение было изготовлено женскими руками из Штутгарта». Далее у генералов был запланирован обед с французским послом. Чтобы попасть в отель "Waldhorn", «им с трудом удалось отбиться от своих поклонников». Продолжить путешествие они смогли лишь вечером [15, о.С.].

Один из анекдотов, кочевавших из публикации в публикацию, подробно описывает отъезд генералов. «Множество людей собралось на Кенигштрассе в Штутгарте, чтобы сопровождать знаменитых офицеров. В отношении некоторых из присутствовавших полиция заявила, что, если они претендуют на звание воспитанных людей, им все же следует вернуться домой. Прохожие дали понять, что для них воспитание, которое имела в виду полиция, не имеет никакого значения» [13, о. С.].

Как можно заметить, из этих репортажей мы ничего не узнали о состоянии, впечатлениях и планах самих польских генералов. То же касается и менее титулованных беженцев. В отчетах региональной прессы, как правило, нет ни слова о том, насколько поляки, вынужденные навсегда покинуть свои дома без денег, пешком и в единственном комплекте летней одежды, были изнурены, обездолены и терзаемы страхами за свое будущее. Скорее, все эти сообщения свидетельствуют, прежде всего, о политическом энтузиазме самих немецких «друзей Польши». Даже небольшие образцы тогдашней риторики в описании несчастных беженцев, лишенных родины, не говорят ни слова о постигшей их трагедии: «эти храбрецы», «эти благородные жертвы сражений европейской политики», «эти мужественные борцы за освобождение отечества от ино-

странного владычества», «эти благородные обломки польского героического мира», «эти поборники свободы» [19, S. 160–161]. Создавалось впечатление, что память о разгроме польского восстания и его участники отошли на второй план и были использованы немецкой либеральной прессой как повод для широкой демонстрации властям и гражданскому обществу высокой степени немецкого патриотического воодушевления и единства.

Можно утверждать, что полный лишений, во многом унижительный и изнурительный транзит польских беженцев через юг и юго-запад Германии благодаря усилиям «друзей Польши» и либеральной прессы превратился в яркое пропагандистское мероприятие. Даже малейшее проявление политически мотивированных симпатий к беженцам в самой маленькой деревне привлекало внимание репортеров и становилось достоянием обществности. Тем не менее акцент на политике открыто почти никогда не делался. Репортеры подчеркивали торжественный, возвышенный и экзальтированный энтузиазм хозяев на фоне трогательной благодарности гостей, продемонстрированной со скромным достоинством. Поляков, передвигавшихся между населенными пунктами в основном пешими колоннами или в телегах, ждали. «Друзья Польши» выезжали им навстречу, вели их в триумфальных шествиях по деревням, соревновались в размещении и развлечении поляков, чествовали их на праздничных банкетах, устраивали в их честь театральные представления и балы. «Ликование не знало границ», – сообщали газеты. Свидетели подобных приемов наблюдали «душераздирающие сцены» и проливали «слезы умиления» [19, S. 160–161]. Очевидно, что эти сообщения еще больше накаляли градус восторженности приемов местными жителями польских беженцев на пути их следования во Францию. Ни одна местная община не хотела оставаться в стороне. Пресса юго-запада не только информировала, она в значительной степени способствовала возникновению и поддержанию массовой экзальтации в отношении Польши, порой переходящей в истерию, и тем самым продемонстрировала возможности влияния средств массовой информации на общество.

Однако воздействие газет на раздувание немецких симпатий к Польше не стоит ограничивать описаниями эффектных проявлений либеральной политической пропаганды. Региональная пресса приобрела свое значение, прежде всего, как важнейшее средство общественной коммуникации. Усилия организаторов по обеспечению максимально массового и демократичного характера помощи Польше прочно связали их с местными изданиями. Благодаря постоянной публикации репортажей с собраний и проводимых

мероприятий, а также финансовых отчетов, газеты превратились в своего рода гарантов прозрачности и публичности деятельности пропольских организаций. Кроме того, они успешно использовались как средство привлечения широкой аудитории. Максимальная гласность стала порукой порядочности и открытости работы союзов «друзей Польши». При создании очередной пропольской ассоциации первым шагом была организация рабочей структуры, а следующим шагом – подробный отчет о ее расходах и деятельности, желательно на ежедневной основе. Например, "Freiburger Zeitung" с 5 по 31 июля 1831 г. опубликовала 27 «Объявлений о пожертвованиях» для местного общества помощи полякам – и каждый раз в первой колонке на первой полосе [30, S. 67].

Объявления польских ассоциаций, которые публиковались с постоянной регулярностью, в то время не имели аналогов в местных изданиях.

Гамбахский праздник – призыв польских и немецких радикалов к совместным действиям

Интересное свидетельство о стремлении либералов использовать пропольское движение в своих интересах можно найти в ставшем уже каноническим исследовании Георга Шнайдера, написанном в 1897 г. и посвященном так называемому «Обществу печати или Отечества», действовавшему в 1832/33 гг. ("Press- oder Vaterlandsverein"). В нем, с ссылкой на современников событий, приводится следующее мнение: «...особого внимания заслуживают, в частности, польские ассоциации, то есть те ассоциации, которые ставили своей задачей поддержку беглых поляков, поскольку на самом деле они имели основной целью распространение либеральных устремлений под видом дружелюбия к полякам. Такие клубы существовали повсюду, например, в Штутгарте, Франкфурте, Майнце, Марбурге, Касселе и других местах. Требовалась только организационная сила, которая сплотила бы все эти разрозненные элементы и объединила их в единую программу действий. Таким организатором должен быть стать Вирт» [51, S. 19].

Доктор Иоганн Георг Август Вирт (1798–1848), публицист и издатель, которого Гейне назвал «храбрым рыцарем свободы», был редактором не раз цитируемой нами либеральной газеты "Deutsche Tribüne" с зимы 1831 г. до ее запрета в июне 1832 г. Вынужденный покинуть Мюнхен, Вирт переехал в Гомбург в Рейнской Баварии близ Гамбаха. Доктор Филипп Якоб Зибенпфайфер (1798–1845), редактор и издатель журнала "Der Westbote" и журнала "Rheinbayern" (позже переименованного в "Deutschland"), также переехал из Цвайбрюккена в Гомбург. На фоне недовольством восстановлением цензуры в Баварии (Людвиг I отменил ее в 1825 г.) и ухудшения эконо-

мического положения в Рейнской области, которое усугублялось прусско-гессенским таможенным союзом, оба политика сознательно взяли на себя роль выразителей негативных настроений населения через редактируемые ими издания. Именно эти два левых радикала являлись инициаторами так называемого «Гамбахского празднества», которое должно было стать символом немецко-польского братства в совместной революционной борьбе.

27 мая 1832 г., в день годовщины баварской конституции, ими была организована массовая политическая демонстрация. К Гамбахскому замку, близ Нойштадта в баварском Пфальце, стеклось до 30000 человек со всех концов Германии, представители всех слоев населения – бюргеры, студенты, крестьяне, ремесленники, а также левые радикалы из Франции и Польши. С 27 по 30 мая 1832 г. участники конституционного празднества подтвердили свое требование свободной и единой Германии. Польское дело было объединено с немецким, как и два флага, вывешенные в замке Гамбаха: немецкий черно-красно-золотой и бело-красный польский. В праздновании приняли участие поляки, находившиеся в Германии с целью установить контакты с либеральными кругами через союзы «друзей Польши», а также представители польской эмиграции из Франции [1, с.4]. Тем и другим ошибочно казалось, что активизировавшиеся революционные настроения в немецких землях могут стать предвестником начала «всеобщей революции».

В частности, с польской стороны в качестве представителей различных эмигрантских организаций присутствовали Тадеуш Крчповецкий, Ян Чижский, Александр Свитославский, Валентий Кросновский, Ксаверий Орахский, Францишек Гжимала, Базыли Затварницкий и другие [49, S.214]. Ксаверий Орахский, член Польского национального комитета в Париже, произнес одну из самых радикальных речей в Гамбахе. По сути это был призыв к общей борьбе, который было сложно игнорировать: «Законы, написанные аристократами, санкционированные деспотами, служат только угнетателям. Пусть лязг нашего оружия заглушит, наконец, вопль отчаяния наших народов» [55, S. 72].

В своей ответной весьма патетической приветственной речи один из организаторов праздника Филипп Якоб Зибенпфайфер призвал: «Да, придет день, когда восстанет общее немецкое отечество, которое примет всех сыновей как граждан и обнимет всех граждан с равной любовью...» и закончил лозунгами: «Да здравствует свободная, объединенная Германия! Да здравствуют поляки, союзники немцев! Да здравствуют франки, братья немцев, которые уважают нашу национальность и независимость! Да здравствует каждый народ, который разрывает свои цепи и заключает

с нами союз, основанный на свободе! Да здравствует Отечество – Национальный суверенитет – Союз Наций!» [39, S. 112].

Гамбахский праздник был насыщен выступлениями, которые, несмотря на свой программный характер, были очень далеки от реальности. Например, Иоганн Вирт требовал создания «союза свободных государств Германии» и «конфедеративной республиканской Европы», а член студенческого братства Отто Брюггеманн требовал вернуть Германии Эльзас и Лотарингию [46, S. 176]. В других речах, фактически схожих по содержанию, речь шла о свободе прессы и демократических правах, единстве Германии, а также свободе для Польши. Среди выступавших были Филипп Хепп, Кристиан Шарпф, Даниэль Фридрих Пистор и Йоханнес Фитц. Последний особо остановился на польском вопросе и заявил, что восстановление независимости Польши должно произойти не только во имя исторической справедливости, но и в интересах немцев, поскольку: «Без свободной Польши нет свободной Германии. Без свободной Польши не будет прочного мира, не будет освобождения для других европейских народов» [46, S. 176].

Польские гости также выступили с речами. Францишек Гжимала и Базылий Затварницкий обратились к участникам, подчеркнув необходимость совместных действий. Последний завершил свое выступление словами: «Никогда два народа не были более достойны друг друга, чем немецкий и польский; никогда два народа не вступали в более прекрасный и прочный союз, чем тот, который немцы и поляки имеют сейчас. Пусть он сделает наших потомков счастливыми навеки!» [49, S. 215–217].

К сожалению, это благородное желание оказалось чистой утопией. За словами, произнесенными в Гамбахе, не последовало действий, и 6 июня 1832 года «Баварская государственная газета» с усмешкой писала: «Фестиваль в Гамбахе сделал для монархического принципа в этом регионе больше, чем армия в 50 000 человек. Еще один такой фестиваль, и ультралиберализм в Германии будет уничтожен навсегда... » [6, o.S.].

Политический радикализм, продемонстрированный в Гамбахе, был лишь громким эхом пропольских настроений и активной поддержки Польши, охватившей южную и западную Германию почти на протяжении года. Несмотря на то, что идея о надвигающейся европейской «войне главных антагонистических принципов» была очень актуальной, непосредственное планирование революционного переворота мало волновало большинство «друзей Польши». В марте 1832 г. Карл фон Роттек назвал их «самой здравомыслящей частью европейского населения, тепло относящейся к правам человека и правам наций» [17, S. 68]. Заинтересованно-сочувственный взгляд, которым преимущественно либерально настроенные немцы

в 1830/1831 гг. смотрели на революционных поляков, также формировал их собственную политическую идентичность, стимулируя подъем политической активности на фоне широкой благотворительной деятельности.

Гамбахский праздник

* * *

В своих выступлениях и газетных репортажах либералы конструировали гражданское единство на основе гуманитарной помощи Польше как массового движения и проявления либерализма, и это единство демонстрировалось германским правительствам как инструмент политического давления. «В истории всех революций были моменты, когда от решения власть имущих зависело, станет ли раскол непоправимым или в него войдет примиряющий элемент, – писала почти сразу после падения Варшавы "Die Hochwächter", выступавшая в то время как своего рода печатный орган «друзей Польши» в Штутгарте и Вюртемберге. – Борьба поляков снова представляет собой такой момент в нашей новейшей истории. В зависимости от исхода этой борьбы и роли, которую сыграют в ней германские правительства, она, подобно разделу 1773 года, либо открывает новую серию судорожных конвульсий, кровавых войн народов, разрушительных потрясений, либо послужит благотворным средством против некоторых пожарающих болезней европейской системы государств» [9, о.С.].

Либералы неоднократно приводили подобные аргументы в качестве политических манипуляций, чтобы превратить немецкий энтузиазм в отно-

шении Польши в гуманитарное массовое движение для политических реформ в Германии. «Индивид», «народ» и «нация» – из этого беспристрастного триединства либералы строили программу политических реформ, которая напрямую связывала национально-революционную войну поляков с расстановкой сил в Европе и внутренней ситуацией в германских государствах.

Именно в этом контексте следует рассматривать и оценивать феномен «польского энтузиазма», который был широко распространен в немецкоязычных странах. Несмотря на благородные намерения и сочувствие населения Германии, речь шла не только о Польше и даже не в первую очередь о поляках. Это был своеобразный неформальный референдум, на котором граждане разных немецких земель, разных социальных слоев, разных возрастов и гендерной принадлежности могли проголосовать за Польшу, то есть за политические реформы в Германии и в Европе, или против Польши, то есть за сохранение статус-кво Венской системы. Большинство, как мы знаем, проголосовало за Польшу.

Библиографический список

1. Фалькович С. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М., 2017.
2. [Anonymus] Deutschland // Der Freisinnige, Nr.116 vom. 26. Juni 1832.
3. [Anonymus] Deutschlands Pflichten // Deutsche Tribüne Nr. 29 vom 3. Februar 1832, o. S.
4. [Anonymus] Die französische Politik im Verhältnis zu Polen // Heidelberger Wochenblätter vom 25. Juni 1831, o. S.
5. [Anonymus] Die preußische Politik im Verhältnisse zu Polen // Heidelberger Wochenblätter vom 6. Juli 1831, o. S. und vom 9. Juli 1831, o. S.
6. [Anonymus] Ohne Titel // Bayerische Staatszeitung, vom 6. Juni 1832, o. S.
7. [Anonymus] Ohne Titel // Der Hochwächter. Volks Blatt für Stuttgart und Württemberg, vom. 29. Juli 1831.
8. [Anonymus] Ohne Titel // Der Hochwächter. Volks Blatt für Stuttgart und Württemberg, vom. 4. August 1831.
9. [Anonymus] Ohne Titel // Der Hochwächter. Volks Blatt für Stuttgart und Württemberg, vom. 21. Juni 1831. o. S.
10. [Anonymus] Ohne Titel // Der Hochwächter. Volks Blatt für Stuttgart und Württemberg, vom. 10. Juli 1831. o. S.
11. [Anonymus] Ohne Titel // Karlsruher Zeitung vom 2. Juli 1831, o. S.
12. [Anonymus] Ohne Titel // Schwäbischer Merkur. Stuttgart, vom. 9. Dezember 1831, o. S.
13. [Anonymus] Ohne Titel // Ulmisches Intelligenzblatt, vom. 11. Januar 1832, o. S.

14. [Anonymus] Ohne Titel // Der Hochwächter. Volks Blatt für Stuttgart und Württemberg, vom. 7. Dezember 1831, o. S.
15. [Anonymus] Ohne Titel // Der Hochwächter. Volks Blatt für Stuttgart und Württemberg, vom. 10. Dezember 1831, o. S.
16. [Anonymus] Polen // Das konstitutionelle Deutschland, Nr. 19 vom. 15. April 1832.
17. [Anonymus] Polen im Jahre 1831 // Der Freisinnige, Nr. 16, vom. 16. März 1832.
18. [Anonymus] Polen und die Sache der Freiheit // Das konstitutionelle Deutschland, Nr. 60 vom. 14. Oktober 1831; Nr. 62 vom. 21. Oktober 1831; Nr. 63 vom. 25. Oktober 1831.
19. [Anonymus] Polenfest // Freiburger Zeitung, Nr. 39 vom 8. Februar 1832.
20. [Uhland, L.] Polen und Europa // Allgemeine politische Annalen, Bd. 6 (Junius 1831). S.284–291.
21. Alexander R. Re-writing the French revolutionary tradition. Cambridge, 2003.
22. Archaix M.-J. (Hg.) Juillet 1830: Il y a cent cinquante ans. Paris, 1980.
23. Bleiber H., Kosim J. Dokumente zur Geschichte der deutsch-polnischen Freundschaft 1830–1832. Berlin, 1982.
24. Boos R. Ansichten der Revolution. Paris-Berichte deutscher Schriftsteller. Köln 1977.
25. Börne L. Briefe aus Paris / Hg. von A.Estermann. Frankfurt am Main, 1986.
26. Brendel Th. Zukunft Europa? Das Europabild und die Idee der internationalen Solidarität bei den deutschen Liberalen im Vormärz (1815–1848). Bochum, 2005.
27. Brudzynska-Nemec G. Polenvereine in Baden: Hilfeleistung süddeutscher Liberaler für die polnischen Freiheitskämpfer 1831–1832. Heidelberg, 2006.
28. Bundesbeschluss zur Aufrechterhaltung der gesetzlichen Ordnung und Ruhe im Deutschen Bund (Zehn Artikel) vom. 5. Juli 1832. Artikel 2. // Zerback R. (Bearb.) Reformpläne und Repressionspolitik 1830–1834. München, 2003 (Quellen zur Geschichte des Deutschen Bundes, Abteilung II: 1830–1848, vol. 1).
29. Church Cl. H. Europe in 1830. Revolution and political change. London, 1983.
30. Gerecke A. Das deutsche Echo auf die polnische Erhebung von 1830. Wiesbaden, 1964.
31. Giehne Fr. W. Übersicht der neuesten politischen Begebenheiten, April bis August 1831 // Allgemeine politische Annalen Bd. 7 (September 1831).
32. Grodecki C. Die Rolle der Diplomatie bei dem Falle Polens: ein belehrendes Beispiel für alle Völker. Leipzig, 1835. 198 S.
33. Grosse Er. Zyklus von sieben Polenliedern // Das konstitutionelle Deutschland, Nr. 23 vom 17. Februar 1832.
34. Hahn H.H. Polen im Horizont preußischer und deutscher Politik im neunzehnten Jahrhundert // Zernack K. (Hg.) Zum Verständnis der polnischen Frage in Preußen und Deutschland 1772–1871. Berlin, 1987. S. 1–19.
35. Harring H. Als Warschau unterlag// Das konstitutionelle Deutschland, Nr. 55 vom 27. September 1831.

36. Harring H. An die Despoten // Das konstitutionelle Deutschland, Nr. 60 vom 14. Oktober 1831.
37. Haupt Th. La Varsoviennne // Das konstitutionelle Deutschland, Nr. 16 vom 25. März 1832.
38. Heine H. Ludwig Börne: Eine Denkschrift // Heines Werke in fünf Bänden/ Hg. von H. Holtzauer. Berlin, 1970. Bd.5.
39. Herzberg W. Das Hambacher Fest. Geschichte der revolutionären Bestrebungen in Rheinbayern um das Jahr 1832. Ludwighafen am Rhein, 1908.
40. Jaroszewski M. Der polnische Novemberaufstand in der zeitgenössischen deutschen Literatur und Historiographie, Warschau 1992.
41. Kocój H. Prusy i Niemcy wobec powstania listopadowego. Krakau, 2001.
42. Langewiesche D. Das Europa der Nationen 1830–1832// Reihe Gesprächskreis Geschichte. Heft 76. Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn, 2007. S. 14–29.
43. Langewiesche D. Europa zwischen Restauration und Revolution 1815–1849, München, 5. Auflage, 2007.
44. Langewiesche D. Humanitäre Massenbewegung und politisches Bekenntnis. Polenbegeisterung in Südwestdeutschland 1830–1832 // Blick zurück ohne Zorn. Polen und Deutsche in Geschichte und Gegenwart. / Hg. D. Beyrau. Tübingen, 1999. S. 11–38.
45. Langewiesche D. Zeitwende. Geschichtsdenken heute. Göttingen, 2008.
46. Lutz H. Zwischen Habsburg und Preußen: Deutschland 1815–1866. Berlin, 1994.
47. Müller J. Die Polen in der öffentlichen Meinung Deutschlands 1830–1832. Marburg, 1923.
48. Namier L. 1848: The Revolution of the Intellectuals, London 1957.
49. Roguski P. Słodkie imię wolności... Przejście Polaków przez Niemcy po upadku powstania listopadowego. Warszawa, 2011.
50. Rotteck K. von, Welcker K. Das Staats-Lexikon oder Encyklopaedie der Staatswissenschaften, Altona 1841. Vorwort in vol.IV.
51. Schneider G.H. Der Preß- oder Vaterlandsverein 1832/33. Berlin, 1897.
52. Sperber J. Revolutionary Europe 1780–1850, 4. Auflage. Harlow, 2004.
53. Strobel G. Die liberale deutsche Polenfreundschaft und die Erneuerungsbewegung Deutschlands // P.Ehlen (Hg.): Der polnische Freiheitskampf 1830/31 und die liberale deutsche Polenfreundschaft, München 1982, S.31–47.
54. Strobel G. Die deutsche Polenfreundschaft 1830–1848: Vorläuferin des organisierten politischen Liberalismus und Wetterzeichen des Vormärz // R.Riemenschneider (Hg.) Die deutsch-polnischen Beziehungen: 1831–1848, Vormärz und Völkerfrühling: XI. deutsch-polnische Schulbuchkonferenz der Historiker vom 16. bis 21. Mai 1979 in Deidesheim (Rheinland-Pfalz). Braunschweig, 1979, S.126–147.
55. Wirth J.G.A. Das Nationalfest der Deutschen zu Hambach. Neustadt an der Haardt, 1832.

Есть две вещи, которые родители должны дать своим детям: корни и крылья.

Иоганн Гете

Обстоятельства переменчивы, принципы – никогда.

Оноре де Бальзак

Я верю в способности
человека гораздо больше,
чем в его жизненные обстоя-
тельства и родословную.

Мартин Лютер Кинг

Истинный героизм состоит
в том, чтобы быть выше
злосчастий жизни.

Наполеон Бонапарт

**Олег Буранок,
Александр Буранок**

**ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЧИК
СЕРВАНТЕСА НА РУССКИЙ
ЯЗЫК – НИКАНОР
ИВАНОВИЧ ОЗНОБИШИН
И ЕГО РОДОСЛОВНАЯ**

ЧАСТЬ 2. РОДОСЛОВНАЯ*

УДК

929.52

Во второй части статьи о первом из известных на сегодняшний день переводчиках Сервантеса на русский язык – Никаноре Ивановиче Ознобишине – речь пойдет о его предках. На основе архивных материалов мы попытались проследить род Ознобишиных, уточнить биографии самого Никанора Ивановича и его отца – Ивана Михайловича Ознобишина. Выяснили, какие имения им принадлежали и каким образом они стали частью имущества семьи.

In the second part of the article about the first of the currently known translators of Cervantes into Russian – Nikanor Ivanovich Oznobishin – we will talk about his ancestors. Based on archival materials, we tried to trace the family of the Oznobishins, to clarify the biographies of Nikanor Ivanovich himself and his father, Ivan Mikhailovich Oznobishin. They found out which estates they owned and how they became part of the family's property.

Ключевые слова: Иван Михайлович Ознобишин; Никанор Иванович Ознобишин; генеалогия рода Ознобишиных.

Key words: Ivan Mikhailovich Oznobishin; Nikanor Ivanovich Oznobishin; genealogy of the Oznobishin family.

E-mail: olegburanok@yandex.ru; buranok@yandex.ru

*Окончание. Начало см.: Россия XXI. №2024-3. С.80

Родословная Ознобишиных

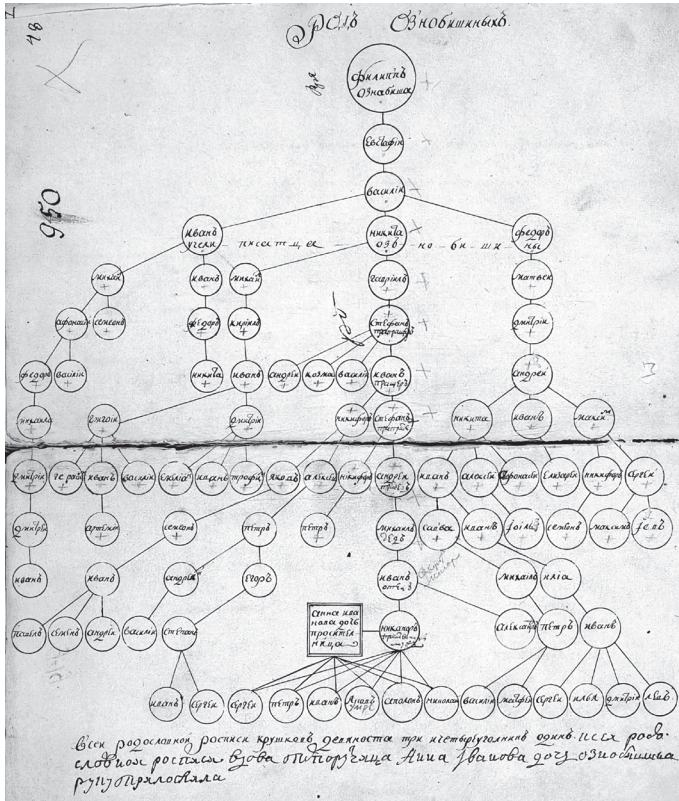
Прежде чем перейти к рассказу о биографии переводчика Никанора Ивановича Ознобишина, необходимо сказать несколько слов об его родо-

словной. Упоминания о старинном дворянском роде Ознобишиных можно найти у князя А.Б.Лобанова-Ростовского [42, с.259–263; 43, с.44–50] и Николая Иконникова [78, р.463–489], а также в дворянских родословных книгах Владимирской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний. 3 августа 1686 года стольник Михаил Федорович Ознобишин подал документы¹ для внесения рода в Бархатную книгу. Как отмечает в своей статье Максим Юрьевич Романов: «взявшись за работу по составлению родословия, Михаил Федорович [Ознобишин] возложил на себя большую ответственность, так как любые представленные в росписи сведения о служебной деятельности родственников могли быть истолкованы гипотетическими местниками в «бесчестье» и в «укоризну» всем Ознобишиным» [53, с.285]. Поэтому главным в родословной росписи было показать «давность службы представителей фамилии московским государям; их доблесть при выполнении служебных обязанностей; наличие пожалований наиболее статусными чинами и должностями» [53, с.286]. Все это блестяще исполнил Михаил Федорович Ознобишин – дальний родственник героев настоящей статьи. Однако М.Ю.Романов указывает, что «в своем изложении скрупулезно продуманного генеалогического материала стольник [Михаил Федорович Ознобишин] ни разу не упоминает тот факт, что на протяжении значительной части истории рода большинство его представителей являлись рядовыми городовыми детьми боярскими, служившими по Дорогобужу» [53, с.286–287]. М.Ю.Романов отмечает, что это было сделано неспроста, т.к. московские местники в XVII веке считали службу детях боярских в городовых или стрельцах недостаточно почетной, к тому же «среди корпораций уездных служилых

¹Родословную роспись Ознобишиных и царские жалованные грамоты: Ивана III Василию Остафьевичу Ознобише на волость Санницкая Владимирского уезда (1462–1485 годы), села Ярышево и Муравкино в Суздальском уезде (1466–1676 годы), Василию Ознобише и его сыну Никите на село Кудрино с деревнями в Муромском уезде (1486 год), Никите Васильевичу Ознобишину на земли кирдановской мордвы в Нижегородском уезде (1491), Василию Ознобише на г. Гороховец Нижегородского уезда (1493–1497 годы), грамота Василия III Михаилу Никитичу Ознобишину на волость Дубенская Вологодского уезда (1515–1533 годы) и жалованная вотчинная грамота царя Михаила Федоровича Федору и Василию Афанасьевичам Ознобишиным на село Лопатино с деревнями и пустошами в Дорогобужском уезде (1614 год) [52, с. 255–256]. Первые из этих шести жалованных грамот Ознобишиных впервые были изданы: Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской [49, с. 67–73].

людей существовала своя внутренняя иерархия, в которой дорогобужане имели далеко не самый высокий статус» [53, с.287].

В Пензенском областном государственном архиве нами обнаружено дело Пензенского дворянского депутатского собрания «О дворянском роде Ознобишиных», начатое 20 октября 1784 года, а законченное 4 декабря 1839 года [4]. На основе материалов этого дела мы можем проследить родословную Ознобишиных от начала XV до конца XVIII века.

Фамильное древо Ознобишиных из дела о дворянстве Пензенского дворянского депутатского собрания [4, л.47об. –48]

Итак, основателем рода назван Филипп Ознобиша: «В лето 6831-е [1423 год] при великом князе Василье Дмитриевиче в Московское государство приехал ис Польши муж честен Филип Ознобиша а чем он Филип пожа-

лован был за выезд от великого князя Василья Дмитриевича и от многова раззоренья от воины когда польской король воевал Смоленск и Дорогобуж во 118-м [1610] и во 119-м [1611] годех родственников наших жен и детей посекали и в полон побрали и дома их в конец разорили и в то время выезд родителя нашего и жалованные милостивые великого князя грамоты в таком разореньи утерялись и от такова смертнава разоренья служеб и честей в подленнике изъявить немочно» [4, л.55–55об.]. У Филиппа Ознобиши родился сын Евстафий (Остафей)². У Евстафия Филипповича родился сын Василий Евстафьевич Ознобишин, который «от великого князя Иоанна Васильевича пожалован честию санничим в путь да городом Гороховцом да в Суздольском уезде сел ... Ярышевым³ да Муравкиным⁴» [4, л.55об.]. У Василия Евстафьевича было три сына: Иван, Никита, Федор. Причем, Василий Евстафьевич и Никита Васильевич Ознобишины были пожалованы царем Иваном Грозным «в Муромском уезде селом Кудриним с деревнями» [4, л.55об.] и отдельно Никита Васильевич был пожалован царем Иоанном Васильевичем III «мордвою Кирдановскою» [4, л.55об.].

Исследуемая нами ветвь Ознобишиных пошла от Никиты Васильевича, поэтому мы не будем перечислять здесь потомство Ивана Васильевича и Федора Васильевича Ознобишиных. Оно есть на представленном выше фамильном древе и в поколенной росписи, выполненной А.Б.Лобанов-Ростовским и Николаем Иконниковым. У Никиты Васильевича Ознобишина было двое сыновей – Михаил и Гавриил. Исследуемая нами ветвь пошла от Гаврилы Никитича Ознобишина, у него родился сын Стефан (Степан) – «прапрацер» Никанора Ивановича Ознобишина. Працер или пращур – отец прапрадеда или прапрабабушки или вообще отдаленный предок [66],

² *Евстафий (Остафей) Филиппович Ознобишин известен по отчеству его фамилии, датированной 1491 годом [78, р.463].*

³ *В списке населенных мест по сведениям 1859 года Ярышево фигурирует как «село г-суд. вол». Местонахождение указано как «при речке Воймиге» и «По правую сторону почтового тракта из г. Суздаля в г. Юрьев». В то время там располагалось 127 дворов, в которых проживало мужчин – 334, женщин – 364. Расстояние от центра уезда 25 км (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. [Вып. 6] : Владимирская губерния: ...по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. – 1863. С.195).*

⁴ *В списке населенных мест по сведениям 1859 года Муравкино фигурирует как «деревня г-суд. вол». Местонахождение описывается как «при колодце» и «По правую сторону почтового тракта из г. Суздаля в г. Юрьев». Всего числилось 35 дворов, в которых значилось мужчин – 114, женщин – 130. От центра уезда 27 км (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. [Вып. 6]: Владимирская губерния: ...по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. – 1863. С.195).*

т.е. Стефан (Степан) Гаврилович Ознобишин – четыре раза прадед Никанора Ивановича Ознобишина.

У Стефана (Степана) Гавриловича Ознобишина было четыре сына: Андрей, Козма, Василий, Иван. «И Андрей, и Козма, и Василей побиты бездетны» [4, л. 56об.]. Н. Иконников указывает, что был еще один сын – Кондратий [78, р. 465]. Исследуемая нами ветвь пошла от Ивана Стефановича (Степановича) Ознобишина. Как указывает Н. Иконников: «В 1613 году Иван Степанов сын Ознобишин был поселен в Дорогобуже. Вероятно, он (указаны только инициалы): И. С. Ознобишин, в 1628 и 1685 годах владел Добринско-Софийским и Глазуновским [селами] Гороховецкого [уезда]; в том же районе у другого Ознобишина И. Ф. было село Богородское» [78, р. 465].

У Ивана Стефановича Ознобишина было два сына: Никифор и Стефан. «Никифор служил из житья убит на службе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белые России самодержца под Вилнею ис пушки» [4, л. 57]. Исследуемая нами ветвь пошла от Стефана Ивановича. У Стефана Ивановича Ознобишина было тоже двое сыновей: Никифор и Андрей. «Никифор служит по Московскому списку, а был воеводою в Серпенске и то ведомо в розряде, Андрей в житье» [4, л. 57]. За Никифором Степановичем в 1678 году состояло поместье в деревне Дубровичи Старорязанского уезда, а Андрей Степанович в 1689 году был стряпчим. Исследуемая нами ветвь пошла от Андрея Стефановича. Он в 207 [1699] году выменял у Глеба Кучина поместную его землю в Саранском уезде на реке Нуе в деревне Воронине пашни 40 четвертей со всеми угодьями [4, л. 64].

У Андрея Стефановича Ознобишина был сын Михаил. Михаил Андреевич Ознобишин (1681 – между 1735 и 1738) продолжил активно собирать земли на реке Нуе: «В 719-м году марта 10-го дня Синбирянин Никифор Клементьев сын Загарин продал поместной своей земли в Саранском уезде в деревне Тепловке на речке Нуе 10 четвертей со всеми угодьями пензенцу Михаиле Андрееву сыну Ознобишину. В 720-м году мая 15 дня саранец Андрей Григорьев сын Юдин продал крепостную свою поместную землю в Саранском уезде на реке Нуе 12 четвертей со всеми угодьями пензенцу Михаиле Андрееву сыну Ознобишину» [4, л. 64об]. Таким образом, Михаил Андреевич имел недвижимое имение в Пензенском уезде в селе Богородском и в Саранском уезде в деревнях Тепловке и Ознобишиной. Михаил Андреевич Ознобишин женился на дочери И. В. Борисова Авдотье Ивановне. У них родился сын Иван. Собственно о нем и его сыне Никаноре пойдет наш дальнейший рассказ.

Иван Михайлович Ознобишин – отец Никанора Ознобишина

Иван Михайлович Ознобишин (около 1713–до 1775⁵), «из шляхетства», начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку 3 марта

1729 года по челобитной князя Андрея Мещерского [20, л. 52] солдатом 16-й роты [21, л. 64]. В 1737 году переведен из гвардии в другой полк, в 1740 году – вновь в гвардии, видимо, снова в Преображенском полку [См.: 24, л. 3]. В 1741 году Иван Ознобишин – прапорщик гвардии [56]. С 25 апреля 1742 года Иван Ознобишин – адъютант лейб-гвардии Преображенского полка [57; 22, л. 12 об. – 13]. В 1751 году Иван Ознобишин – капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка [58]. 9 мая 1754 года становится капитаном 7-й роты того же полка [См.: 24, л. 3], за ним числится 519 или 900 душ крепостных крестьян [См.: 25, л. 4 об. – 5; 27, л. 4 об.]. Н. Иконников указывает, что капитан И. М. Ознобишин имел в 1755 году земли на берегах реки Савы Тамбовского уезда [78 р. 470].

Ульяновская исследователь В. В. Морозова отмечает: «По семейным преданиям, лейб-гвардии Преображенского полка майор Иван Ознобишин был богат, хорош собой, чем привлек внимание Екатерины II⁶, но завистники поспешили удалить его от двора, отправив на русско-китайскую границу для пресечения контрабандного провоза ревеня⁷. Иван Ознобишин был проникнут типичным для своего времени стремлением к просвещению, что и послужило причиной его увлечения книжным собирательством. Книг, им приобретенных, сохранилось немного: полтора–два десятка томов. Среди них редкое уже во второй половине XVIII века иллюстрированное издание петровских времен «Учение и практика артиллерии...» Бухнера (М., 1711), рукописная «Сатира К.А.К., сочиненная в Москве 1730 и 1731 года князя Антиоха Кантемира», купленная Иваном Михайловичем «у разнощика в Москве в 1754 году». Для своих сыновей Александра и Никанора он приобрел две книги, изданные от Академии наук «в пользу российского юноше-

⁵ *Полюбовный раздел имущества между Александром Ивановичем Ознобишиным и Никанором Ивановичем Ознобишиным случился 14 августа 1775 года. Отец их отставной лейб-гвардии секунд-майор Иван Михайлович Ознобишин уже скончался, а мать Агния Петровна Ознобишина была еще жива [См.: 4, л. 43–45].*

⁶ *Вряд ли Екатерины II, т. к. в 1760–1761 гг. Иван Михайлович Ознобишин уже вышел в отставку, а вот внимание императрицы Елизаветы Петровны, возможно, привлек, т. к. его карьера начала расти с 1741 года.*

⁷ *Пассаж о посылке на русско-китайскую границу пока документально не подтвержден. Однако в 1751 году Иван Михайлович Ознобишин действительно был в «посылке» куда-то [См.: 23, л. 176].*

ства»: «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин» Г.В.Крафта (1738) и «Жития славных генералов» Корнелия Непота (1748). «Вкус к книжной учености, тяга к просвещению передались детям и внукам его» [46, с.24].

В 1758 году с Иваном Михайловичем произошел очень неприятный случай – он жестоко наказал за провинность сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Николая Всеволожского (велел положить на алебарды и бить батогами, что и было исполнено). По версии матери Всеволожского ее сын от тех побоев скончался, по официальной версии лейб-гвардии Преображенского полка наказанный Николай Всеволожский был на следующий день в карауле, тогда заболел и дней через 12 умер [См.: 26]. Как бы там ни было, по челобитной матери на имя государыни императрицы Елизаветы Петровны было начато официальное расследование. Капитан Иван Михайлович Ознобишин был помещен под следствие военного суда. Видимо, испросил отставку в 1760–1761 гг., которая и была дана ему, причем с повышением, – вышел в отставку лейб-гвардии секунд-майором. Жил в селе Сумароково Мокшанской округи Пензенского наместничества.

12 сентября и 10 октября 1763 года И.М.Ознобишин обратился в Государственную вотчинную коллегия с челобитной справиться и отказать на него недвижимое имение его покойных родителей – Михаила Андреева сына Ознобишина и Авдотьи Ивановой дочери Борисовой. Бюрократическая машина работала медленно, тем не менее в мае 1770 года за отставным лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майором Иваном Михайловичем Ознобишиным было отказано: «Пензенском уезде в Засурском стану в селе Богородском Кенша тож в урочищах по реке Инзе и по речке Кенше по обеим сторонам и по другим урочищам земли 615 четвертей со всеми угодья и с примерною в тех урочищах землею да живущих во оном селе дворовых людей и крестьян по именам. В отказных книгах написанных в Саранском уезде в Заинзарском стану в деревне Ознобишине в урочищах по реке Нуе и по другим урочищам пашенной земли 66 четвертей со всеми угодья и с примерною землею коею он Ознобишин владение имел да на той земле крестьян по именам. В отказных книгах написанных в Пензенском уезде в Шукшенском стану в селе Богородском Сумароково тож в урочищах по речке Саранке и по Укалову врагу и по другим урочищам пашенной земли 715 четвертей со всеми угодья. Да сверх того в тех же урочищах по речке Керенде вверх идучи по левой стороне да по другой речке Керенде ж да по речке Челанге и по другим урочищам пашенной земли 149 четвертей со всеми угодья. Да в том селе Сумарокове людей и крестьян по именам в отказных книгах написанных» [4,

л.66–66об.]. Таким образом, Иван Михайлович владел от 519 до 900 душ крепостных крестьян.

Иван Михайлович Ознобишин был женат на Агнии Петровне (урожденной Акинфиевой) [78, р.470. Возможно, Н.Иконников имеет в виду дворянский род Акинфовых], у них было два сына: Никанор и Александр. Александр Иванович служил в лейб-гвардии прапорщиком. Как указывает Н.Иконников, Александр Иванович Ознобишин был женат на Анне Васильевне (урожденной Нееловой); ее родителями были Василий Неелов и Екатерина Петровна Порецкая [78, р.471]. У Александра Ивановича и Анны Васильевны родилась дочь Елизавета Александровна [78, р.473].

Умер Иван Михайлович Ознобишин до 1775 года.

Никанор Иванович Ознобишин Никанор Иванович Ознобишин родился около 1726 или 1727 года. Л.И.Сазонова в небольшой словарной статье о Н.И.Ознобিশине пишет, что он по происхождению дворянин⁸ и родился приблизительно в 1730-х годах [55, с.380]; В.В.Морозова полагает: «Никанор Иванович родился, вероятно, в конце 1730-х годов» [30, с.10. Благодарим научного работника Ульяновской областной научной библиотеки В.В.Морозову за помощь в разыскании архивных материалов о Н.И.Ознобিশине].

Как мы считаем, возраст Н.И.Ознобিশина позволяют уточнить его челобитные к императрице Екатерине Алексеевне, хотя и в них дата рождения не указана. Они составлены 1 февраля 1779 года и в апреле (число не указано) 1782 года. Обе содержат просьбу об отставке от статской службы.

В челобитных (и от 1779, и от 1782 гг.) лейб-гвардии подпоручик Ознобিশин указывает: «В службе вашего императорского величества находился я с 1743-го году лейб-гвардии в Преображенском полку» (1779 г.); «Службу ...начал я лейб-гвардии в Преображенском полку, с 1743-го году» (1782 г.) [8, л.433; 9, л.700]. Как известно (об этом, в частности, пишет авторитетный дореволюционный историк русской армии А.А.Керсновский [79]), еще по указу Петра Первого (а он продолжал действовать и в середине XVIII века) дворяне начинали обязательную службу с 16 лет (вспомним Петрушу Гринева, который именно в этом возрасте начал службу); рекруты из других сословий к началу службы должны были быть в возрасте от 20 до 35 лет. Ознобিশин – дворянин и службу начал в 1743 году, стало быть, в этот год

⁸ *Дворянский статус подтверждает челобитная от 1782 г., в которой Н.И.Ознобিশин просит «на основании состоявшегося в 1762-м году о вольности дворянства указа от службы уволить» [см.: 9, л.700об.]*

ему было 16 лет, следовательно, родился он, скорее всего, во второй половине 1720-х годов, а именно в 1727 г. (или в 1726).

Косвенным подтверждением такой датировки является опять же челобитная. Ознобишин просит отставки от статской службы, ссылаясь на болезни и «приближающуюся старость» [9, л. 700об.], но при этом возраст свой не указывает. Мы полагаем, не указывает именно потому, что возраст и так известен: он обозначил его иначе – датой начала военной службы (служил с 1743 г.).

В 1743 году Никанор Иванович Ознобишин был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк солдатом, видимо, в 16-ю роту, которой командовал его отец. 1 января 1750 года произведен в капралы: «малолетние при отцах для науки ... на своем коште» [23, л. 188]. 20 сентября 1755 года произведен в сержанты, службу проходил в 7-й роте, которой, опять же, командовал его отец.

В 1750 году Н.И. Ознобишин первым перевел на русский язык роман Генри Филдинга «История Тома Джонса, Найденыша» (вышел в свет в Лондоне в феврале 1749 года) – «История Том Ионеса или Найденного младенца. Часть первая с французского на русской переведена Никанором Ознобишиным. 1750»⁹.

В 1757 году Н.И. Ознобишин перевел с французского на русский язык «Гистории Николая Перваго, короля Пароуганскаго, императора Мамелужскаго, в крепости свягата Павла, в 1756 году» [См. подробнее: 39]. Сам Никанор Иванович так охарактеризовал свои литературные занятия: «Переведея я книг более двадцети, правда, не так, как настоящие перевотчики, но толчко, чтоб праздным не быть. Попалас мне эта предлагаемая на руской язык маленькая книжка в такое время, которое очень мало меня задержит, ибо

⁹ *Ознобишин Н.И. История Том Ионеса или Найденного младенца. Часть первая с французскаго на русской переведена Никанором Ознобишиным. 1750 / рукопись // Отдел рукописей Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского федерального университета. Шифр А63/ XLIX №622. 143 л. (286 с.) [3]. Научный работник Ульяновской областной научной библиотеки В.В.Морозова (мы благодарны ей за постоянную помощь в разыскании архивных материалов) указала, что, согласно описи рукописного фонда библиотеки им. Н.И.Лобачевского, в Казани должна быть еще одна рукопись ознобишинского перевода. В декабре 2014 г. во время проведения Международной научно-практической конференции «Г.Р.Державин и диалектика культур» на базе Института филологии и межкультурных коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального университета в Отделе рукописей Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского федерального университета мы получили уникальную, неизвестную рукопись Никанора Ивановича Ознобишина. В справочном издании библиотеки ее название упомянуто одной строкой: «Филдинг Г. История Тома Ионеса или найденного младенца в переводе Н. Ознобишина (1750)» [54, с. 106]. Выражаем благодарность за помощь и содействие в получении рукописи д. ф. н., проф. А. Н. Пашкурову и к. и. н., зав. отделом редкой книги Э. И. Амерхановой.*

осталось дни два–три таких дней, в которые мне ее перевести с французского, начиная я с 19 марта 1757 году и вот она так переведена лейб-гвардии Преображенского полку сержантом Н.Оз» [Никанором Ознобишиным] [28, с.210–211. Повесть впервые опубликована нами. См.: 34, с. 141–162].

Обнаруженная О.М.Буранком рукопись Н.И.Ознобишина «Корнелия» [2; Впервые опубликовано нами: 34, с. 163–211] – наиболее ранний (1761), первый из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык.

В 1762 году Никанор Иванович подал в отставку от военной службы: «Службу мою вашему императорскому величеству начал я лейб-гвардии в Преображенском полку с 1743-го году и продолжал по 1762 год, в которой за болезнями моими с данным мне абшитом¹⁰ отставлен из сержантов по старшинству того же полку подпоручником»¹¹.

В 1764 г. опубликован в переводе Н.И.Ознобишина анонимный французский роман «Нещастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта, писанная им самим» [См. подробнее: 39].

Дело об отставке Никанора Ивановича Ознобишина

Отставка от военной службы для дворянина XVIII века еще не означала отставку от службы вообще.

Н.И.Ознобишин продолжил служить императрице по статской службе – был депутатом в Комиссии нового Уложения, участвовал в подавлении Пугачевского восстания. В словарной статье Л.И.Сазонова пишет: «Во время крестьянской войны под предводительством Е.Пугачева вступил в 1773 в составленный из дворян Пензенский уланский корпус для борьбы с восставшими. На следующий год по ходатайству генерал-аншефа П.И.Панина, командовавшего правительственными войсками, которые участвовали в подавлении восстания, был определен воеводским товарищем в Пензенскую провинциальную канцелярию, где находился до 1779 г.» [55]. О службе в канцелярии (1774–1779) Н.И.Ознобишин упоминает в челобитной от 1782 г.

В РГАДА есть несколько документов, относящихся к этому периоду и нами изученных. 22 сентября 1774 г. от главнокомандующего генерал-ан-

¹⁰ Абшит (абшид, ашид) – письменное свидетельство об увольнении, отставке. Нем. Abschied, непоср. и через пол. abszyt [64].

¹¹ Даты военной службы Н.И.Ознобишин указывает в своей челобитной, поданной в апреле 1782 г.: «Службу мою вашему императорскому величеству начал я лейб-гвардии в Преображенском полку с 1743-го году и продолжал по 1762 год, в которой за болезнями моими с данным мне абшитом отставлен из сержантов по старшинству того же полку подпоручником» [9, л. 700].

шефа П.И.Панина в Пензенскую провинциальную канцелярию поступило предложение: «Объявить дворянству всемилостивейшее ея величества благоволение чтоб они в товарищи в ту же провинцию выбрали в своих собраниях кого за достойнаго находят <...> но в рассуждении старшинства по службе в товарищи воеводские определил господина Ознобишина, о чем же ... от его сиятельства как тот всемилостивейшею ея императорскаго величества указ объявлен так и к присяге приведен» [7, л.393]. В архиве сохранился текст присяги – «Клятвенное обещание» [7, л.388–388об]. Интересен документ и тем, что в нем есть собственноручная подпись Н.И.Ознобишина.

П.И.Панин 1 октября 1774 пишет рапорт правительствующему Сенату: во исполнение указа Екатерины II Сенату 21 августа главнокомандующий на место «нещастных людей, которые злодейским образом в нашествие самозванца изменника и бунтовщика Пугачова с разбойническою ево шайкою умерщвлены, определены мною по достоинствам и способностям, сколько мог я приметил, равно как по службе и аттестатам, из пензенскаго уланскаго корпуса лейб-гвардии подпоручик Никанор Ознобишин и Александр Ермолов воеводскими товарищами, первой в пензенскую...» провинциальную канцелярию [7, л.387]. Сохранилась копия документа – постановление Сената от 17 октября 1774 г. по представлению П.И.Панина – о назначении Ознобишина воеводским товарищем в Пензенскую провинциальную канцелярию [7, л.390–390об]. Таким образом, мы можем утверждать, что Никанор Иванович не только активно участвовал в общественно-политических событиях 1773–1775 гг., но и получил повышение по службе, удостоившись похвалы П.И.Панина, а с подачи последнего – расположения самой императрицы¹². Об этом Н.И.Ознобишин вспомнит и в своей челобитной от 1 февраля 1779 года, когда будет просить об отставке: «В 1774 году по именном вашего императорскаго величества указу пензенским благородным дворянством избран в Пензенскую провинцию воеводским товарищем, в которой службе и поныне нахожусь беспорочно» [8, л.433].

Получить отставку было непростым делом: ожидание решения длилось четыре месяца. В РГАДА сохранилось несколько документов, связанных с этой отставкой. 16 и 19 апреля 1779 года генерал-поручик казанский губернатор князь Платон Степанович Мещерский обратился в Сенат с рапортом в ответ на челобитную Н.И.Ознобишина. Рапорт Мещерского был от 4 марта 1779 года; в течение марта, апреля и мая шла переписка ме-

¹² Вспомним, что Г.Р.Державин долго добивался хотя бы каких-то знаков внимания за участие в подобной операции и, по существу, ничего не получил.

жду департаментом Сената и канцелярией генерал-губернатора, а 28 мая 1779 года в Пензенской провинциальной канцелярии получен был, наконец, документ об отставке – «Репорт о получении указа в правительствующий Сенат из пензенской провинциальной канцелярии»: «...и по силе онаго ея императорскаго величества указа в пензенской провинциальной канцелярии определено об оном реченному товарищу Ознобишину сей указ объявить» [8, л.438].

В РГАДА нами обнаружен документ – челобитная Никанора Ознобишина от 1782 г. об отставке от службы вообще [9]. Документ содержит важные биографические сведения, поэтому приведем его полностью:

[л. 700] «Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая

Бьет челом лейб-гвардии Преображенскаго полку отставной подпоручик Никанор Иванов сын Ознобишин, а о чем мое прошение? тому следуют пункты.

1

Службу мою вашему императорскому величеству начал я лейб-гвардии в Преображенском полку, с 1743-го году и продолжал по 1762 год, в которой за болезнями моими с данным мне абшитом отставлен из сержантов¹³ по старшинству того же полку подпоручником, а потом К сему [Рукою Ознобишина приписано: «К сему»]

2

в 1773-го во исполнение высочайшей вашего императорскаго величества монаршей воли служил в составленном от дворян пензенском уланском корпусе в последующем же 1774-м году в силу высочайшаго вашего императорскаго величества именнаго повеления пензенским дворянством избран был в бывшую пензенскую провинциальную канцелярию воеводским товарищем где и находился беспорочно по 1779 год и в сем году указом вашего императорскаго величества из правительствующаго Сената мая 7-го дня по прошению моему за слабостию здоровья моего от должности воеводскаго товарища уволен, наконец. Прошению

[Рукою Ознобишина приписано: «Прошению»].

[л. 700 об.]

3

¹³ Никанор Иванович Ознобишин служил в должности капрала лейб-гвардии Преображенскаго полка с 1 января 1750 года [23, л.188]. Сначала в 16-й роте при своем коште, потом – с 20 сентября 1755 года – в должности сержанта от мушкетеров в 7-й роте [24, л.7]. Этими ротами командовал его отец, он был при нем для обучения.

При открытии пензенского наместничества по указу вашего императорского величества из правительствующего Сената прошлаго 1780-го году¹⁴ сентября 18-го дня определен я в пензенский губернский магистрат председателем коего должность и поднесь же отправляю со всевозможнейшем прилежанием беспорочно, лейб-гвардии

[Рукою Ознобишина приписано: *«лейб-гвардии»*]

4

а как мне возобновившийся во мне прежняя болезни мои, взяв верх над силами моими, привели меня в совершенное изнеможение, к тому же и приближающаяся старость нудит меня обратить взор мой на двенадцать человек детей моих, по большей части малолетних, требующих малого остатка века моего употребить на пристойное им воспитание, и приуготовление шести сынов моих ко всеподданнической службе вашему императорскому величеству, то я никакой статской службы нести уже более не в состоянии, Преображенского полку

[Рукой Ознобишина приписано: *«Преображенского полку»*]

и дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня именованного по причине моих болезней и за выше прописанными обстоятельству на основании состоявагося в 1762-м году о вольности дворянства указа от службы уволить и о том учинить как вашего императорского величества законы повелевают, отставной подпорутчик

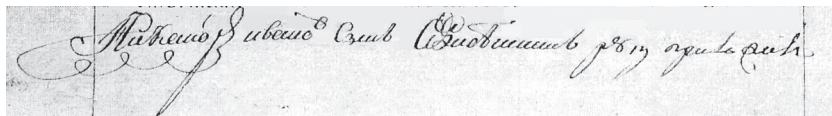
[Рукой Ознобишина приписано: *«отставной подпорутчик»*]

всемиловитейшая государыня прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить апреля <пропуск места для цифры> дня «1782 года» к поданию надлежит в пензенском наместническом правлении для препровождения куда следует. Челобитную писал пензенского губернского магистрата 1-го департамента канцелярист, Иона Шурупов. Никанор Иванов сын Ознобишин руку приложил.

[Рукой Ознобишина приписано: *«Никанор Иванов сын Ознобишин руку приложил»*]:

По получении отставки помещик Ознобишин занялся семьей, хозяйством, но при этом и общественной, и государственной деятельностью.

¹⁴ «...прошлаго 1780-го году...» – из этого будто бы следует, что прошение пишется в 1781 г., но на этой же странице в последнем абзаце проставлена дата: «...апреля <пропуск> дня "1782-го" года...»; следовательно, указание на 1780 год как «прошлый год» либо описка, либо, что тоже возможно и более вероятно, прошение писалось действительно в 1780 г., а подано было только в 1782. Мы полагаем верным второе предположение, оно подтверждается формой записи даты: оставлен пробел для числа, а год взят в кавычки (очевидно, здесь тоже был пробел и год проставлен позднее, при подаче прошения).

Подпись рукою Н.И.Ознобишина: Никанор Иванов сын Ознобишин руку приложил»

Никанор Иванович избирался председателем Пензенского губернского магистрата и предводителем пензенского дворянства, о чем он тоже говорит в челобитной: «При открытии пензенского наместничества по указу вашего императорского величества из правительствующаго Сената прошлаго 1780-го году сентября 18 дня определен я в пензенский губернский магистрат председателя коего должность и поднесь же отправляю со всевозможнейшем прилежанием беспорочно» [9, л. 700 об].

В челобитной (1782) он просит Екатерину II освободить его и от этой должности, т. к. из-за болезни «никакой статской службы нести уже более не в состоянии» [9, л. 700 об].

Семья Никанора Ивановича Ознобишина

Никанор Иванович был Мокшанским уездным предводителем дворянства. Получив отставку, Никанор Иванович с женой Анной Ивановной¹⁵, шестью сыновьями и шестью дочерьми¹⁶ поселился в родовом Сумарокове:

- *Николай Никанорович Ознобишин, видимо, умер во младенчестве [78, р. 472. Даты рождения детей Никанора Ивановича Ознобишина Н. Иконников в своем справочнике указывает неверно];*
- *Наум Никанорович Ознобишин, видимо, умер во младенчестве [78, р. 472];*
- *Сергей Никанорович Ознобишин (1762-?), полковник;*
- *Варвара Никаноровна Загоскина, урожденная Ознобишина (1763-?), жена надворного советника, городничего г. Моршанска Загоскина Василия Николаевича (1756–1814);*
- *Петр Никанорович Ознобишин (18.12.1766 или 1770–1813), отставной секунд-майор, коллежский ассессор, директор банка в Астрахани, же-*

¹⁵ Анна Ивановна Ознобишина, урожденная Хомутова (около 1744 – после 1811).

¹⁶ «У Никанора Ивановича большая семья: сыновья Сергей (род. 1762), Петр (род. 1770), Иван (род. 1771), Аполлон (род. 1776), Николай (род. 1782), Яков (ум. 1794) и дочери Варвара (род. 1763), Вера (род. 1767), Екатерина (род. 1768), Софья (род. 1778), Ольга (род. 1780), Наталья (род. 1781)» [См.: 44, с. 148].

- нат на Александре Ивановне Варваца (1776/1777 г. или в 1783 г. –1813) [40; 76]. В Астраханских епархиальных ведомостях за 1881 г. в статье, посвященной А.И.Варваца, сообщается о том, что в ограде Тихвинской церкви в г. Астрахань имеется семейный склеп, «невдалеке от этого склепа погребены дочь Варваца Александра Ивановна и супруг ея Петр Ознобишин» [29, с.93. Выражаем благодарность В.Н.Михайлову, к.х.н., любезно указавшему нам на эти сведения];
- Вера Никаноровна Алферьева, урожденная Ознобишина (1767–?), жена Николая Венедиктовича Алферьева;
 - Екатерина Никаноровна Трубникова, урожденная Ознобишина (1768–?), жена майора Трубникова;
 - Иван Никанорович Ознобишин (1771–?), капитан в Суздальском пехотном полку, позже (1804) – титулярный советник;
 - Яков Никанорович Ознобишин (?–1794), мичман;
 - Александр Никанорович Ознобишин, видимо, умер во младенчестве [78, р.473];
 - Аполлон Никанорович Ознобишин (1776–?), лейтенант флота, позже (1820) – надворный советник;
 - Порфирий Никанорович Ознобишин, видимо, умер во младенчестве [78, р.473];
 - Софья Никаноровна ..., урожденная Ознобишина умерла 7 ноября 1809 года в Молдавии «оставя завещание мужу своему – денги и людей» [40, с.313];
 - Ольга Никаноровна Ознобишина (1780–?);
 - Наталья Никаноровна Ознобишина (1781–?);
 - Николай Никанорович Ознобишин (1782–?), лейтенант флота (1810) [5].

Землевладения Никанора Ивановича и его семьи

Никанор Иванович Ознобишин был довольно крупным землевладельцем. После его смерти за его вдовой Анною Ивановною Ознобишиной числились: «имения Пензенского наместничества Мокшанской в селе Богородском Суморокова тож наследственных после означенного покойного мужа моего мужеска 210, женска 221. Сембарской округе в селе Архангельском Враское тож наследственных после означенного мужа моего мужеска 50, женска 50 душ. Городницкой округе в селе Архангельском Чертавна тож благоприобретенных покойным мужем моим мужеска 8, женска 3 души. Симбирскаго наместничества карсунской округи в селе Троицком Сюксюм тож наследственных же после озна-

ченного мужа моего мужеска 207, женска 203. Той же округи в деревне Красной Слободке мужеска 105, женска 101. Переславль Резанского наместничества Рязжской округи в селце Василевке Старое Голдаево тож наследственных после родителя моего мужеска 123, женска полов 108 душ» [4, л. 49об. –50]. Итого в четырех селах и одной деревне за Никанором Ивановичем числилось 1158 душ крепостных обоего пола, да за женою его Анною Ивановною в сельце еще 231 душа обоего пола. Наличие 1389 крепостных делало Ознобишиных богатыми помещиками (в XVIII веке помещик считался богатым, если у него было от 500 душ крепостных крестьян).

Благодаря информации, содержащейся в деле о дворянстве Ознобишиных, обнаруженном нами в Пензенском областном государственном архиве, мы можем пролить свет на имущество Ознобишиных, как и когда оно им досталось. Начнем с села Сумароково (Богородское тож) при речке Чалонге, которое было «основано дворянами Василием и Андреем Сумароковыми, которым здесь отказана земля в 1683 году» [61; 65]. «10 марта 1687 года Андрей Степанович Сумароков поместье Сумароково променял генерала думного Агеева полку Алексеевича Шепелева поручику Ивану Васильевичу Борисову в поместье, которое за последним и было отказано» [14, л. 72–77]. В 1688 году И. В. Борисов женился на дочери А. С. Сумарокова Федоре Андреевне и получил во владение прожиточное поместье ее в селе Сумароково [15, л. 105–109].

Затем на дочери И. В. Борисова Авдотье Ивановне женился Михаил Андреевич Ознобишин – дед Никанора Ивановича Ознобишина. Часть села Богородского была прожиточным поместьем его жены Авдотьи Ивановны, урожденной Борисовой.

«В 1710 году в селе Богородском, Сумароково тож, Шукшинского стана Пензенского уезда 5 дворов с деловыми людьми и 26 – с крестьянами. В августе 1717 года выжжена во время "большого кубанского погрома"; в это время помещиками показаны П. Т. Жмакина, А. К. Алашеев, М. А. Ознобишин, И. С. Юматов и И. В. Борисов» [50]. Часть села Богородского, что была прожиточным поместьем жены М. А. Ознобишина Авдотьи Ивановны Ознобишиной (урожденной Борисовой), была отказана Михаилу Андреевичу Ознобишину 7 мая 1713 года [4, л. 64]. Стольник Иван Васильевич Борисов – отец Авдотьи Ивановны. В августе 1741 года обе части села Богородского (675 четвертей), принадлежавшие М. А. Ознобишину и И. В. Борисову, были отказаны вдове Авдотье Ивановне Ознобишиной по «заручной челобитной и по доправу отца ее» [4, л. 64об. –65].

Численность населения села Сумароково (Богородское тож) показана в таблице [50; 51]:

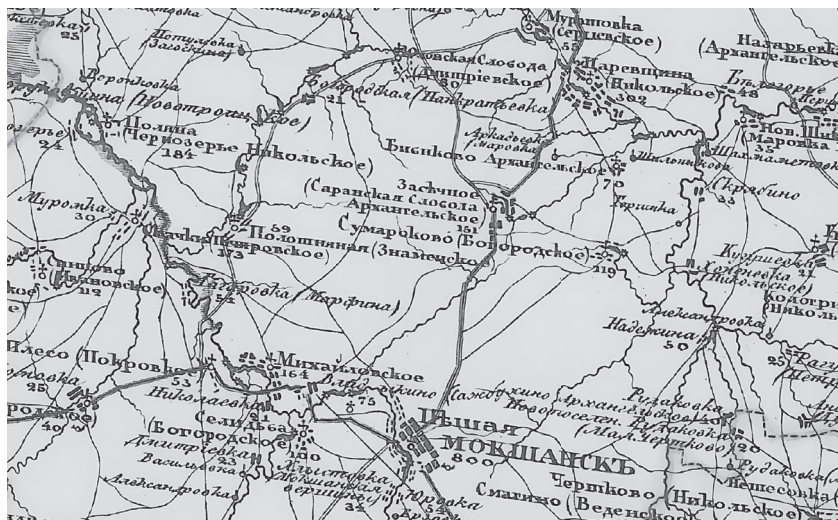
Год	1710	1723	1747	1782	1864	1897	1930	1996	2010
Число жителей	318	около 400	около 682	752	1018	1546	1894	410	212

В январе 1719 г. освящена вновь церковь во имя иконы святой Казанской Богородицы [6]. В 1723 г. 58 ревизских душ показано за дворянином Михаилом Андреевичем Ознобишиным, 47 – за Иваном Алексеевичем Алашевым, 31 – за Пелагеей Тимофеевной Жмакиной (вдовой Ивана Жмакина), 11 – за Иваном Ивановичем Юматовым, 16 – за стольником Иваном Ивановичем Борисовым, 39 – за Андреем Никитичем Ханеневым [11, л. 66об. –77об].

В 1747 году село «Богородицкое, Самороково (Сумароково) тож, в Шукшинском стане Пензенского уезда за помещиками: адъютантом лейб-гвардии Преображенского полка Иваном Михайловичем Ознобишиным (171 ревизская душа), вдовой капитана Василия Алексеевича Алашеева Феклой Петровной (26), Петром Васильевичем Алашеевым (29), капитаном Ильей Ивановичем Жмакиным (27), квартирмейстером Яковом Ивановичем Жмакиным (26), женой Ивана Михайловича Тургенева Авдотьей Васильевной (27), шкипером морского флота Игнатием Ивановичем Юматовым (25), отставным прапорщиком Иваном Филипповичем Бибиковым (11), всего 342 души» [12, л. 79–99об.].

За 1782 год сохранилось описание села Сумарокова (Богородское тож): «Село располагалось на речке Чалонге, на ней три пруда, и отвершках этой речки; церковь Казанской Пресвятой Богородицы и шесть домов господских деревянных, "при них сады плодовые. При селе на речке Чалонге мучная мельница о дву поставах. Земля – чернозем с песком, урожай хлеба хорош, а травы – худ; лес дровяной; крестьяне на оброке и на пашне» [17, л. 9; 18, л. 58–60]. Видимо, стараниями Никанора Ивановича Ознобишина в 1785 году был перестроен или заново построен деревянный храм во имя Казанской иконы Божией Матери, с приделами во имя преподобного Сергия Радонежского (справа) и святителя и чудотворца Николая (слева) [68].

В 1785 г. в селе Сумароково (Богородское тож) числилось за помещиками Никанором Ивановичем Ознобишиным 218 ревизских душ, Кузьмой Яковлевичем и Софьей Евдокимовной Жмакиными – 37; Иваном Ивановичем Тургеневым – 92 (вместе с частью крестьян с. Бибиково),

Село Сумароково (Богородское тож) на специальной карте Западной части России Шуберта 1826–1840 годов [69]

Вид села Сумароково, 2018 год [73]

Афимией Николаевной Юматовой – 33, Алексеем и Петром Федоровичами Слепцовыми – 18, Анной Ивановной Кекиной – 8 душ [74].

Село Архангельское (Враское, Врацкое, Вражское, Чанбар, Михайловка тож) было основано на землях, отказанных 11 июня 1700 г. Саранской приказной избой в диком поле, за валом, на Крымской стороне, на реках

Кевда, Атмис и в иных урочищах дворянам Жедринским и Ивану Ивановичу Врасскому [16, л. 548–553]. В 1710 г. зафиксировано как с. Архангельское, Чанбар тож, в нем 18 дворов крестьян А.М.Вражского, церковь во имя Михаила Архангела. В 1719 г. – сельцо Архангельское (церкви уже не было), в это время А.М.Врасский завез сюда 21 крестьянина, а 10 крестьян помещика Федора Алексеевича Соловьева отписаны на великого государя [10, л. 798, 799–799об]. В 1747 г. – село Архангельское, Вражское тож, Завального стана Пензенского уезда крестьян, отписных на императрицу из-за помещика Федора Соловьева (131 ревизская душа), а также помещиков: адъютанта лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Михайловича Ознобишина (17), вдовы, капитанши Анны Даниловны Свищовой (19, наследство от отца) и капитана Ивана Алексевиича Вражского (177, наследство от отца), всего 344 ревизских души [13, л. 502об. –517]. По другому источнику в 1747 г. – 454 ревизских души, в 1763 г. – 465 ревизских души за четырьмя помещиками [1]. В 1782 г. село Архангельское, Врацкое тож, и сельцо Михайловка Агнии Петровны Ознобишиной, Екатерины Ивановны Горсткиной (далее зачеркнуто после 1798 г.: «Александра Михайлова сына Киреевского, Михайлы Александрова сына Свищова»), вставлен над зачеркнутым очень бледный, почти не читаемый на микрофильме текст: «Аграфены Федоровой дочери..., девицы Натальи (?), Дарьи (?), Варвары Александровых (?) Киреевских, (два слова не читается) Мосолова, 145 дворов, всей дачи (цифры надписаны над старыми, зачеркнутыми) – 6797 десятин, в том числе усадебной земли – 73, пашни – 5073, сенных покосов – 474, леса – 743». «Село и сельцо на левом берегу реки Большого Чембару, в селе церковь Архистратига Михаила и два дома господских, в сельце – один дом господский – деревянные... Земля – чернозем. Урожай хлеба и травы средствен. Лес строевой, дубовый, осиновый и березовый, между коим и дровяной. Крестьяне на пашне» [19, л. 10об]. В 1785 г. часть села показана за Петром Ивановичем Горстким (508 ревизских душ вместе с селом Голодаевкой, ныне Междуречье) [63].

Численность населения села Вражского показана в таблице [59]:

Год	1719	1747	1762	1782	1864	1897	1930	1996	2010
Число жителей	не менее 31	около 908	около 930	1031 (с сельцом Михайловкой)	948	1124	939	216	92

Село Вражское (Враское, Врацкое, Архангельское, Чанбар, Михайловка тож) на карте Тамбовской губернии из атласа Вильбрехта, 1800 год [70]

Село Архангельское (Чертавна тож) в Городничьей округе, где Никанор Иванович Ознобишин благоприобрел крепостных крестьян, по всей видимости, есть село Архангельское (Архангельское-Куракино, Куракино, Архангельск), основано в начале XVIII века на землях, купленных князем Борисом Ивановичем Куракиным у помещиков Н. А. Бекетова, А. Б. Ивашева, Ф. Г. Репьева и братьев Мантуровых. Названо по церкви во имя Михаила Архангела, которая впервые была построена из дерева в 1709 г. [77].

Село Троицкое (Сюксюм тож), по всей видимости, досталось Ознобишиным от Авдотьи Ивановны Ознобишиной (урожденной Борисовой), бабки Никанора Ивановича Ознобишина. В деле о дворянстве Ознобишиных из Пензенского архива читаем: «Да после его Михаила Андреевича вдовствовавшей супруги его Авдотье Ивановне отец ее столник Иван Васильевич Борисов дал недвижимое имение в Пензенском уезде в селах Богородском Кенша тож, Троицком Сюксюм тож и Суморокове землю с людьми и со крестьяны» [4, л. 83]. Таким образом, Ознобишины ранее 1741 года владели селом Троицким (525 четвертей) и досталось оно им от родственников Борисовых.

Село Троицкое (Сюксюм тож) и селцо Красная Слободка
на Плате генерального межевания Карсунского уезда
Симбирской губернии, 1807 год [71]

Деревня, а позже селцо Красная Слободка древнее, чем указывает нам Википедия [67]. В выше цитированном перечислении имущества вдовы Никанора Ивановича Ознобишина – Анны Ивановны Ознобишиной, поданном в 1794 году, указывается: «в деревне Красной Слободке мужеска 105, женска 101» [4, л.49об–50]. Раз эта деревня значилась за покойным Н.И.Ознобишиным, значит, возникла она как минимум во второй половине XVIII века, если не раньше.

Переславль Резанского наместничества Рязской округи «селцо Василевка Старое Голдаево тож» – есть деревня Старое Еголдаево, основанная примерно в 1573 году сыном боярским Еголдаевым. Из этой деревни 231 крепостной достались Анне Ивановне Ознобишиной в наследство после ее родителя. Ее отцом был подполковник Иван Алексеевич Хомутов (1700–5.10.1751) [75; 62], первой женой которого была Анна Ивановна Коптяжина, а второй, что примечательно, Пелагея Михайловна Ознобишина [60]. Хомутовы были дворянами Ярославской губернии.

**Служба и жизнь Никанора
Ивановича Ознобишина
после отставки**

Но от описания имений Ознобишиных вернемся к личности Никанора Ивановича. С 1787 на три года отставной лейб-гвардии подпоручик Никанор Иванович Ознобишин был избран благородным дворянством от Мокшанской округи к составлению и продолжению дворянской родословной книги Пензенской губернии депутатом [4, л. 8].

Затруднение исследователей вызывала и дата смерти Никанора Ивановича Ознобишина. Ее совершенно точно установила еще в 1996 г. В.В. Морозова, впервые опубликовав обнаруженные ею в «Месяцослове на високосный 1844 год» (СПб) рукописные записи, которые представляют собою поминальник родственников и знакомых Ознобишиных. Здесь на обороте чистого листа между 18-й и 19-й страницами «Месяцеслова» рукой Дмитрия Петровича Ознобишина сделана приписка: «1788 Сентября 14 скончался Никанор Иванович Оз.» [47, с. 57].

Но, к сожалению, эта публикация осталась незамеченной: в словарной статье Л.И. Сазоновой о Н.И. Ознобишине (1999) и в нашей книге (2005) отмечено, что дата его смерти пока неизвестна [55, с. 380–381; 34, с. 4]. Более того, о своем открытии забыла сама В.В. Морозова, ибо в 2004 г. она обнаружила в библиотеке Ознобишиных «Месяцеслов на 1833 год» с рукописными пометками и посчитала, что они сделаны рукой Никанора Ознобишина [46, с. 24].

Атрибуция этих пометок Н.И. Ознобишину неверна¹⁷: пометы не могли быть сделаны его рукой, поскольку он родился во второй половине 1720-х гг. (а именно в 1727-м или 1726-ом) и в 1833 году ему должно было быть 106–107 лет. Его внук, Д.П. Ознобишин (1804–1877), в раннем возрасте потерял родителей и воспитывался у бабушки и дедушки с материнской стороны; при этом нет никаких сведений об участии в его воспитании деда с отцовской стороны – Н.И. Ознобишина (и не могло быть, поскольку его уже не было в живых).

Итак, Никанор Иванович Ознобишин умер 14 сентября 1788 года.

Постепенно, благодаря архивным разысканиям, удастся выявить разные аспекты жизни и творчества Никанора Ивановича Ознобишина.

¹⁷ На эту ошибку мы указали В.В. Морозовой при посещении Отдела редких книг и рукописей Ульяновской областной научной библиотеки. В каталоге «Библиотека Ознобишиных» (2006) она эту атрибуцию сняла, а также указала, согласно опубликованному ею же вышеупомянутому архивному источнику, точную дату смерти Никанора Ознобишина. См.: [45, с. 12].

<p>для провозки холостой ма... Огаринские вое... Пенская губернк... Клевенской по... бывающей в... Озобишиной м... Стелеса</p>	<p>Мисаил Огари... для женского пола... каждому по 10... летам.</p>	<p>Сымак Замков... наместничий для... бывающей по... текущему об... состоянию на... Семьям</p>	<p>Пензенской намест... нического и ма... бухарова ч... Семеновнаго... Семьям</p>	<p>Взвездник... железнодорож... дальнейше... для восточ... к.т.</p>	<p>Канов Овд... Женская</p>	<p>Огаринский... Мисаил Огарин... Семьям</p>
<p>Семьям вдова... Огаринский... Гос. 50 лет</p>	<p>Огаринский... Семьям</p>	<p>Земляк... Семьям</p>	<p>Жителю... Семьям</p>	<p>Взвездник... Семьям</p>	<p>Канов Овд... Женская</p>	<p>Огаринский... Мисаил Огарин... Семьям</p>
<p>Иссу аташу Бурба Мот... Анна Ивановна Озобишинина</p>						

Демографический список Анны Ивановны Озобишиной
(Государственный архив Пензенской области. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2150. Л. 49об-50)

Перед нами предстает типичный провинциальный дворянин, служивый человек, офицер и статский чиновник, рачительный помещик, отец большого семейства, и при этом много читающий (о чем свидетельствует солидная для того времени личная библиотека¹⁸), пишущий и на досуге переводящий с французского романы и повести, участвующий в общественной жизни губернии, верою и правдою служащий государыне и Отечеству. Именно такая среда выдвинет на авансцену культурной и политической жизни начала XIX века элиту русского дворянства: поэтов пушкинской плеяды, героев 1812 года, декабристов. И то, что в такой семье вырастет поэт Дмитрий Петрович Озобишин, закономерно.

В городе Инза, возникшем на месте села Троицкое (имение Д. П. Озобишина), с 2003 г. ежегодно проводятся Озобишинские чтения и выпускаются сборники [48; всего вышло семь сборников]. Кроме того, сти-

¹⁸ «Иван Михайлович и Никанор Иванович собрали библиотеку, которую можно определить как собрание "просвещенных любителей". В дальнейшем библиотека становится продолжением писательского и семейного архива» (См.: [44, с. 150]). В огромной, по тем временам, библиотеке имела почти вся периодика, популярные издания отечественной и зарубежной литературы. При Дмитрие Петровиче библиотека Озобишиных стала одним из крупнейших частных книжных собраний в России.

мулом к новым исследованиям явился солидный каталог «Библиотека Ознобишиных», подготовленный В.В.Морозовой [30]. Все это вызывает интерес не только к творчеству Д.П.Ознобишина, но и к жизни и творчеству его деда-переводчика, явно не обделенного литературными способностями. По мере сил и мы вносим свой вклад в изучение жизни и творчества малоизвестного литератора XVIII века [31; 35; 34; 36; 38; 32; 37; 33].

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области. Ф.60. Оп.4. Д.69.
2. Корнелия, новость, первая, на десять. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля // Рукописный отдел РГБ. Ф.178 / 3717.
3. Ознобишин Н.И. История Том Ионеса или Найденного младенца. Часть первая с французского на русской переведена Никанором Ознобишиным. 1750 / рукопись // Отдел рукописей Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского федерального университета. Шифр А63/ XLIX №622. 143 л. (286 с.).
4. Государственный архив Пензенской области. Ф.196. Оп.2. Д.2150.
5. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф.406. Оп.4. Д.3449.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.235. Оп.1. Д.414.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.286. Оп.1. Д.589.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.286. Оп.1. Д.638.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.286. Оп.1. Д.668.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350. Оп.1. Д.310.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350. Оп.2. Д.2537.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350. Оп.2. Д.2540.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350. Оп.2. Д.2542.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1209. Оп.2. Д.6492–2.

15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6492–7.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6506.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1047.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1049.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1081.
20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 147.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 164.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 302.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 304.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 432.
25. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 433.
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 471.
27. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 474.
28. Рукописный отдел РГБ. Ф. 178 / 3716. Ненумерованная страница. Далее листы указаны в тексте. Рукопись описана: Музейное собрание: Описание // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Т. 2. № 3006–4500. М., 1997. С. 210–211.
29. Астраханские епархиальные ведомости. 1881. 8 февраля. № 6. С. 93.
30. Библиотека Ознобишиных: Каталог / Сост. В. В. Морозова. Ульяновск, 2006.
31. Буранок О. М. Забытая страница русской словесности XVIII века: Н. И. Ознобишин как переводчик // Первые Ознобишинские чтения: Материалы междунар. конф., май, 2003. Самара; Инза, 2003. С. 31–40.
32. Буранок О. М. К биографии Никанора Ознобишина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вып. 12. СПб.; Самара, 2006. С. 105–110.
33. Буранок О. М. Никанор Иванович Ознобишин: неизвестные факты биографии // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вып. 14. СПб.; Самара, 2009. С. 104–109.

34. Буранок О.М. Никанор Ознобишин-переводчик: Исследование, публикация текстов, комментарии. Самара, 2005.

35. Буранок О.М. Новелла М.Сервантеса «Корнелия» в русских переводах (Н.Ознобишин, Ф.Кабрит, Б.Кржевский) // Компаративистика: современная теория и практика. Т.1. Самара, 2004. С.157–163.

36. Буранок О.М. О первом переводе Сервантеса на русский язык (повесть «Сеньора Корнелия») // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. тр. Вып.3. М., 2006. С.18–23.

37. Буранок О.М. Предромантические тенденции в русской прозе середины XVIII века: Н.И.Ознобишин // Предромантизм и романтизм в мировой культуре. Т.2. Самара, 2008. С.19–25.

38. Буранок О.М. Русский Сервантес: начало освоения // Знание. Понимание. Умение: Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук / Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2006. №2. М., 2006. С.177–180.

39. Буранок О.М. Никанор Иванович Ознобишин и русская переводная художественная проза середины XVIII века: Исследование, публикация текстов, комментарии. 2-е издание исправленное и дополненное. М.: Флинта, 2018.

40. Буранок О.М., Буранок Н.А., Буранок А.О., Буранок С.О. Петр Никанорович Ознобишин и его «Дневные записки» (1796–1811 гг.) Самара, 2020.

41. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1999. С.50.

42. Лобанов-Ростовский А.Б., князь. Русская родословная книга. Т.1. СПб, 1873.

43. Лобанов-Ростовский А.Б., князь. Русская родословная книга. Т.2. – 1895.

44. Морозова В.В. Ознобишины и их книги // Памятники Отечества. Ч.1: Века над Венцом. Ульяновск, 1998.

45. Морозова В.В. Предисловие // Библиотека Ознобишиных: Каталог / Сост. В.В.Морозова. Ульяновск, 2006.

46. Морозова В.В. Семейная библиотека Ознобишиных // Мономах: №2 (37). Ульяновск, 2004.

47. Морозова В.В. Несколько новых источников к родословной Ознобишиных // Сибирские вести. 1996. Вып.3. Ульяновск, 1996.

48. Первые Ознобишинские чтения: Матер. междунар. научно-практ. конф. Самара; Инза, 2003.

49. Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской; Издаваемое Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания, при Императорском Московском университете. – В Санктпетербурге: [Тип. Сухопут. кад. корпуса], 1776. С.67–73.

50. Подубояров М.С. // <http://suslony.ru>; Сумароково (Богородское) Мокшанского района Пензенской области // <https://m.ok.ru/group/55441357602819/topic/67586931433475>

51. <https://familio.org/settlements/cbef251a-ff24-4220-bf7a-83d00888d778?tab=0>
52. Родословные росписи конца XVII века / Сост: А.В. Антонов. Вып.6. М., 1996. С.255–256.
53. Романов М.Ю. Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т.23, Вып. 3. С.284–294.
54. Рукописный фонд Русского сектора Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского: Путеводитель (1999) / сост. А.В.Скоробогатов, Э.И.Амерханова и др. Казань: Форт-диалог. С. 106.
55. Сазонова Л.И. Ознобишин Н.И. // Словарь русских писателей XVIII века: Вып.2. СПб., 1999. С.380–381.
56. Санкт-Петербургские ведомости. 1741 год. 14 апреля. С.6.
57. Санкт-Петербургские ведомости. 1742 год. 21 июня. С.6.
58. Санкт-Петербургские ведомости. 1751 год. 2 июля. С.9.
59. Вражское // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вражское> (дата обращения: 08.02.2024).
60. Иван Алексеевич Хомутов // URL: <https://rgfond.ru/person/111631> (дата обращения: 08.02.2024).
61. Полубояров М.С. // URL: <http://suslony.ru> (дата обращения: 08.02.2024).
62. Русский провинциальный некрополь // URL: https://is-tok.ru/provincialnyj_nekropol_khm_hu/?ysclid=lsk5o72y6a560503581 (дата обращения: 08.02.2024).
63. Село Вражское Каменского района Пензенской области // URL: <https://www.kamptp.ru/index.php/turisticheskaya-karta/4837-selo-vrazhskoe-kamenskogo-rajona-penzenskoj-oblasti> (дата обращения: 08.02.2024).
64. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С.Сорокин. Вып.1. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984 // URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 08.02.2024).
65. Сумароково (Богородское) Мокшанского района Пензенской области // URL: <https://m.ok.ru/group/55441357602819/topic/67586931433475> (дата обращения: 08.02.2024).
66. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.3. М., 1939 // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/966830> (дата обращения: 08.02.2024).
67. Поселок Красная Слободка основан в первой половине XIX века // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Красная_Слободка_\(Инза\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Красная_Слободка_(Инза)) (дата обращения: 08.02.2024).
68. URL: http://pravoslavie58region.ru/index.php?loc=e_mokshan.htm (дата обращения: 08.02.2024).
69. URL: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/> (дата обращения: 08.02.2024).
70. URL: http://www.etomesto.ru/map-tambov_tambovskaya-gub-1800/ (дата обращения: 08.02.2024).

71. URL: http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_pgm-karsunskogo-uezda/ (дата обращения: 08.02.2024).

72. URL: <https://familio.org/settlements/cbef251a-ff24-4220-bf7a-83d00888d778?tab=0> (дата обращения: 08.02.2024).

73. URL: <https://m.ok.ru/group/55441357602819/album/55441373134851/866324926211> (дата обращения: 08.02.2024).

74. URL: <https://m.ok.ru/group/55441357602819/topic/153351145195523> (дата обращения: 08.02.2024).

75. URL: <https://www.geni.com/people/Иван-Алексеевич-Хоматов/6000000020708658680> (дата обращения: 08.02.2024).

76. URL: <https://www.geni.com/people/Петр-Никанорович-Ознобишин/6000000022697400864> (дата обращения: 08.02.2024).

77. URL: ru.wikipedia.org Архангельское (Городищенский район) (дата обращения: 08.02.2024).

78. *La noblesse de Russie / Publies par Nicolas Ikonnikov. Tome L. 2. Paris, 1960.*

Любовь Мельникова

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБИТЕЛИ И МОНАШЕСТВО КРЫМА ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).07

В статье рассматривается положение православных обителей и деятельность монашества Крыма во время Крымской войны. Показано, что военные действия внесли в жизнь монашества существенные коррективы: Балаклавский Георгиевский монастырь был оккупирован англо-французскими войсками, Херсонесская киновия Св. Владимира была полностью разрушена, Инкерманская киновия Св. Климента подвергнута ожесточенному обстрелу. При этом монашество старалось вносить посильный вклад в борьбу с врагом: среди крымских иноков были участники и герои обороны Севастополя, иеромонахи, занимавшиеся духовным окормлением раненых и больных воинов в госпиталях Бахчисарая. Подчеркивается, что история обителей и монашества Крыма в 1854–1856 гг. добавляет важные штрихи к изучению как становления Русского, или Крымского, Афона, так и военно-бытовой и духовно-религиозной составляющей Крымской войны.

The article examines the situation of Orthodox monasteries and the activities of the monastic community in Crimea during the Crimean War. It is shown that military actions brought about significant adjustments to the life of the monastic community: the Balaklava St. George Monastery was occupied by Anglo-French troops, the Chersonesos Monastery was completely destroyed, and the Inkerman Monastery was subjected to fierce shelling. At the same time, the monastic community tried to make a feasible contribution to the fight against the enemy: among the Crimean monks were participants and heroes of the defense of Sevastopol, hieromonks who provided spiritual guidance to wounded and sick soldiers in the hospitals of Bakhchisarai. It is emphasized that the history of the monasteries and monastic community of Crimea in 1854–1856 adds important touches to the study of both the formation of Crimean Athos, and the military-everyday and spiritual-religious component of the Crimean War.

Ключевые слова: Крым; Крымская война 1853–1856 гг.; «Русский Афон» в Крыму; Балаклавский Георгиевский монастырь; Бахчисарайский Успенский скит; монашество.

Key words: Crimea; the Crimean War of 1853–1856; «Russian Athos» in Crimea; Balaklava St. George Monastery; Bakhchisarai Dormition Skete, monasticism.

E-mail: melnikova-lv@mail.ru

Крымская война 1853–1856 гг. – крупнейший международный конфликт XIX в. – представляет собой важную страницу истории как Крыма, так и всей России. Для Крымского полуострова война стала тяжелейшим испытанием. По сути, она разделила историческое время Крыма на «до» и «после», razорила хозяйство, задержала развитие края на долгие двадцать лет и запустила процесс массовой эмиграции крымских татар, что привело в конечном итоге к принципиальным изменениям в этническом и конфессиональном составе населения полуострова. В то же время эта война дала стране новый пример выдающегося подвига: героическая 349-дневная оборона Севастополя, которую современники сравнивали с Бородинской битвой, вот уже 170 лет служит моральной опорой и источником мужества для моряков Черноморского флота, жителей города и всей России. Война изменила жизнь всех слоев населения полуострова, в том числе монашества, причем не только флотских иеромонахов, которые, будучи приписаны к кораблям Черноморского флота, были морально готовы к подобного рода испытаниям, но и мирных пустынножителей, проживавших в обителях так называемого Русского, или Крымского, Афона.

Крымские обители накануне войны. Начало устройства «Русского Афона» в Крыму

Накануне Крымской войны большая часть обителей полуострова только начинала устраиваться. Дело в том, что из-за сложных перипетий истории

Крыма к моменту его включения в состав России в 1783 г. там действовал лишь один православный монастырь – Балаклавский Георгиевский. Все остальные древние христианские обители и многие храмы были разрушены или пребывали в запустении, а подавляющее большинство жителей составляли мусульмане. В середине XIX в. архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) разработал церковно-государственный проект «Русский Афон в Крыму», который весной 1850 г. был утвержден императором Николаем I. Проект предусматривал восстановление в Крымских горах древних христианских обителей с введением в них пустынножительства по уставу, разработанному по Афонскому образцу, и создание на их основе мощного духовного центра, способного составить конкуренцию греческому Афону [подробнее см.: 26]. Это должно было способствовать укреплению в Крыму позиций православия, а также скорейшей интеграции края в состав страны. По замыслу архиепископа Иннокентия, Русский Афон в Крыму должен был представлять собой одно иноческое братство, проживавшее в Бах-

Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический. Литография XIX в.

чисарайском Успенском скиту (которому отводилась роль средоточия, или основы, отечественного центра пустынножительства) и ряде приписанных к нему киновий («прочих священных урочищ с их церквями и часовнями») [10, с. 93–95]. Полный перечень подлежащих восстановлению святых мест включал 12 наименований, при этом первоочередному возобновлению подлежали пять из них: Успенская скала вблизи Бахчисарая, церковь Св. Анастасии в долине реки Качи, источник Космы и Дамиана в верховьях реки Альмы, церкви на развалинах Херсонеса и в Инкерманской скале [10, с. 83–86].

Бахчисарайская Успенская скала была избрана архиепископом Иннокентием для учреждения «центрального скита монастырского» не только из-за особой значимости этой святыни для православных жителей Крыма, но и в связи с неплохой ее сохранностью: обитель, основанная там, по преданию, греками на месте явления иконы Божией Матери, к концу XV в. стала центром православия на полуострове, так как в ней

Ф.И.Гросс. Успенский скит под Бахчисараем. 1850-е гг.

была размещена резиденция митрополита Готского и Кафского – главы Готской православной епархии (или митрополии Готии и Каффы), находившейся под юрисдикцией Константинопольского Патриархата. С переселением в 1778 г. греческой православной общины из Крыма в Азовскую губернию обитель пришла в запустение, однако в Успенской скале сохранились пещерная церковь, куда продолжилось паломничество православных крымчан, и три келии. Эти сооружения и стали основой для учреждения Бахчисарайского Успенского скита, который был торжественно открыт 15 августа 1850 г. Братию скита составили семь иноков, включая настоятеля, которым был назначен архимандрит Поликарп (Радкевич) – уроженец Подольской губернии, выпускник Киевской духовной академии, в течение семи лет (1843–1850) служивший настоятелем российской посольской церкви в Афинах и хорошо знавший традиции греческого Афона. 5 июля 1853 г. архимандрит Поликарп был хиротонисан в епископа Одесского, викария Херсонской и Таврической епархии, и переехал жить в Херсон. Настоятелем Бахчисарайского Успенского скита был назначен архимандрит Вениамин (Морачевич), а после его скоропостижной кончины (24 августа 1854 г.) – игумен Ни-

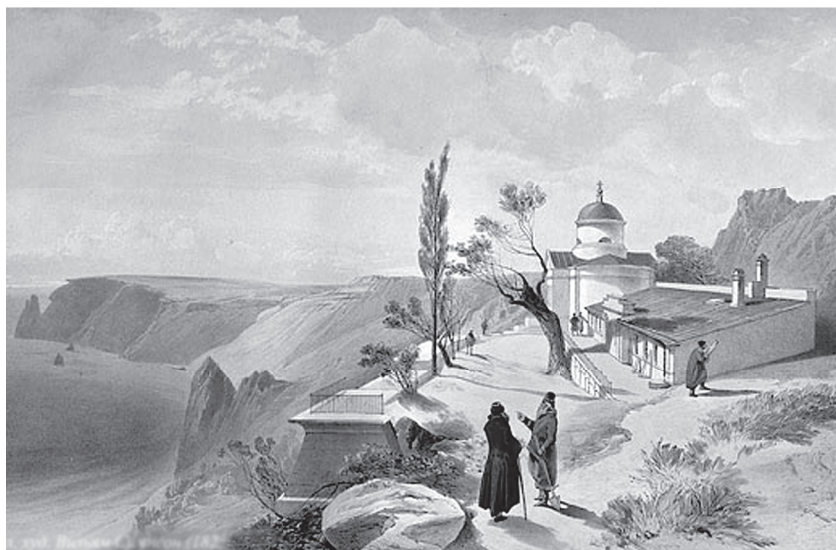

Епископ Поликарп (Радкевич). Раскрашенное фото. Вторая половина XIX в.

колай (Ковалевский), прибывший в скит еще 12 мая 1854 г. в качестве помощника настоятеля.

В 1851–1853 гг. были открыты три киновии: Анастасиевская, Инкерманская Св.Климента и Херсонесская Св.Владимира. В Херсонесе к тому времени были устроены небольшая деревянная церковь во имя Св.князя Владимира (освящена в марте 1853 г. архимандритом Поликарпом) и две келии. В ближайшие годы там планировалось «восстановить на древнем фундаменте и в первобытном, сколько возможно, виде» церковь на предполагаемом месте крещения князя Владимира, устроить келии на 12 человек братии и небольшую гостиницу для посетителей. В Инкерманской киновии к моменту ее открытия возобновили пещерную церковь Св.Климента и отремонтировали несколько келий. В дальнейшем там предполагалось обновить пещерную церковь Св.Мартина, построить над источником небольшую часовню, устроить келии для восьми иноков, разбить сад [подробнее см.: 26]. В начале 1850-х гг. были предприняты также первые шаги по устройству еще двух киновий – Кизилташской Св.Стефана Сурожского и Космо-Дамиановской.

Дальнейшее устройство «Русского Афона» в Крыму временно приостановила начавшаяся война. Военные действия отразились прежде всего на тех обителях, которые находились близ Севастополя. 2–6 сентября 1854 г. союзные войска высадились на побережье Каламитского залива, между Саками и Евпаторией. 13 сентября 1854 г. началась героическая оборона Севастополя. На следующий день, 14 сентября, была захвачена Балаклава, одновременно с ней был занят неприятельскими войсками и Балаклавский Георгиевский монастырь.

В. Симпсон. Свято-Георгиевский монастырь. Акварель. 1855 г.

Эта обитель, основанная, по преданию, еще в 891 г. греческими купцами, едва не потерпевшими кораблекрушение в районе мыса Фиолент, с 1806 г. считалась «флотской», то есть поставляла иеромонахов для Черноморского флота, а также для Крымских и Кавказских береговых укреплений. В том же 1806 г. Балаклавский Георгиевский монастырь был возведен в 3-й, а в 1850 г. в 1-й класс. В первой половине XIX в. были обновлены практически все постройки обители. На месте обветшавшей церкви великомученика Георгия (XV–XVI вв.) по проекту архитектора И. Домошникова в 1810–1816 гг. был сооружен новый одноименный храм. В 1830–1840-х гг. стараниями настоятеля митрополита Агафангела (Типальдо) установлены великолепные каменные контрфорсы, поддер-

живающие весь скат, на котором расположен монастырь, на месте старой трапезной построена новая, появились два каменных двухэтажных корпуса с балконами для братии, два каменных одноэтажных корпуса для помещения богомольцев, двухэтажная гостиница для паломников, обустроен источник великомученика Георгия, издавна почитавшийся как чудотворный. В 1850 г. по проекту архитектора В.А.Рулева была возведена каменная церковь в честь Воздвижения Креста Господня [27, с.12–15; 18, с.25–26].

Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в военных действиях

из них, Серафим, погиб в первые же дни войны, еще до подписания Высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою», когда Турция, с 4 октября 1853 г. считавшая себя в состоянии войны с Россией, предприняла несколько военных нападений на российской границе. В ночь с 15 на 16 октября 1853 г. 5-тысячный турецкий отряд внезапно напал на слабо охранявшееся укрепление Св.Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. Вместе с гарнизоном погиб и иеромонах Серафим [8, д.410, л.235–236].

Иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря приняли участие в Крымской войне еще до начала военных действий в Крыму. Один из них, Серафим, погиб в первые же дни войны, еще до подписания Высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою», когда Турция, с 4 октября 1853 г. считавшая себя в состоянии войны с Россией, предприняла несколько военных нападений на российской границе. В ночь с 15 на 16 октября 1853 г. 5-тысячный турецкий отряд внезапно напал на слабо охранявшееся укрепление Св.Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. Вместе с гарнизоном погиб и иеромонах Серафим [8, д.410, л.235–236].

18 ноября 1853 г. несколько иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря приняли участие в знаменитом Синопском сражении, в ходе которого эскадра под командованием вице-адмирала П.С.Нахимова разгромила турецкую эскадру адмирала Осман-паши. Шесть иеромонахов, находившихся на непосредственно участвовавших в сражении линейных кораблях: Иоанникий (Ровинский) («Императрица Мария»), Кирилл (Векшин) («Париж»), Вениамин (Ершов) («Три святителя»), Иов (Сиволодский) («Великий Князь Константин»), Никандр («Чесма») и Виссарион (Прядкин) («Ростислав»), «за примерное благочестие и присутствие духа, с которыми во время боя ободряли раненых», 16 января 1854 г. были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте, а также единовременной выплатой в размере годового оклада [4, д.8, л.1–1 об.]. Прочие иеромонахи, находившиеся на двух фрегатах («Кагул» и «Кулевчи»), оставленных на внешнем рейде Синопской бухты для наблюдения за турецким флотом, и на трех пароходофрегатах («Одесса», «Крым» и «Херсонес»), подошедших к концу сражения, получили только денежную награду.

Не менее 16 иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря приняли участие в обороне Севастополя. После того, как 11 сентября 1854 г. по решению Военного совета для прикрытия города от десанта противника в фарватере Севастопольского рейда (у входа в Северную бухту) были затоплены пять старых линейных кораблей («Три святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия») и два фрегата («Флора» и «Сизополь»), а остальные суда были отведены во внутреннюю бухту, корабельные экипажи были распределены по бастионам Севастопольской оборонительной линии. В обязанности иеромонахов кораблей (как стоявших на рейде, так и затопленных) входило посещение бастионов, где находились их экипажи, освящение батарей, совершение богослужений и исполнение церковных треб. Многие иеромонахи помимо добросовестного исполнения своих обязанностей делали гораздо больше, чем им предписывалось: перевязывали раненых под неприятельским обстрелом, участвовали в вылазках, во время которых неоднократно воодушевляли солдат и матросов, вставая впереди с крестом в руках.

Благочинным духовенства Черноморского флота был игумен Балаклавского Георгиевского монастыря Георгий. Он последовательно служил на кораблях «12 апостолов» и «Великий Князь Константин», входивших в состав эскадры вице-адмирала П. С. Нахимова. Любопытна характеристика, данная игумену Георгию настоятелем севастопольской Петропавловской церкви протоиереем Лебединцевым в письме архиепископу Иннокентию (Борисову) от 30 ноября 1854 г.: «Был у меня благочинный флотских монахов, игумен Георгий. Я видел его в первый раз. Это почтеннейший старец, который одним видом своим внушает уважение» [21, с. 44]. Летом 1854 г., представляя игумена Георгия к награде, П. С. Нахимов отметил, что он с 15 мая 1853 г. «с примерным усердием» исправляет должность священника на его эскадре, при этом «своей попечительностью, безукоризненным поведением и нравственными советами приобрел общее на флоте уважение и способствовал к возбуждению воинственного духа чинов» [8, д. 410, л. 176–177]. 3 июля 1854 г. игумен Георгий был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Синода, а ровно через год «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий пожалован орденом Св. Анны 2-й степени [7, д. 238, л. 25 об.; 3, д. 15, л. 4].

Несомненным героем Севастопольской обороны стал иеромонах Балаклавского Георгиевского монастыря Иоанникий (Добротворский), состоявший при 44-м флотском батальоне. До этого, находясь на фрегате

«Кулевчи», 18 ноября 1853 г. он принял участие в Синопском сражении. В Севастополе Иоанникий постоянно находился в траншеях, ежедневно обходил батареи. С разрешения контр-адмирала В.И. Истомина иеромонах неоднократно вызывал охотников на вылазку и вместе с ними был в неприятельском расположении. Особенно отличился отец Иоанникий в ночном деле со 2 на 3 марта 1855 г., когда, как говорилось в представлении генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова (главнокомандующего Южной армией и военными сухопутными и морскими силами в Крыму), во время неприятельского обстрела он находился среди солдат «с крестом в руке, ободрял их своим примером, побуждая вслед за офицерами устремляться на неприятеля», утешал и укреплял раненых [7, д. 238, л. 6–6об.]. В ту же ночь, обходя поле боя, чтобы причастить раненых, священник увидел среди трупов живого неприятельского офицера, которого взял в плен и сдал военному начальству [16, с. 56]. 18 августа 1855 г. отец Иоанникий был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте [7, д. 238, л. 31]. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя» он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени [31].

Иеромонах Балаклавского монастыря Никандр, герой Синопского сражения, с сентября 1854 г. по 21 августа 1855 г. находился в составе Севастопольского гарнизона. Экипаж линейного корабля «Чесма», на котором служил иеромонах, расположился на 1-м и 2-м бастионах под Малаховым курганом. Там проходил свое служение и отец Никандр, по свидетельству очевидцев, «постоянно подавая пример самоотвержения» [1, д. 94, л. 98, 107–108]. Во время пребывания в Севастополе великих князей Николая и Михаила Николаевичей иеромонах Никандр по их желанию отправлял богослужение в церкви, специально устроенной для Их Высочеств на Северной стороне города, а также выполнял обязанности их духовника. 6 июня 1855 г. отец Никандр принял участие в отражении ожесточенного штурма Малахова кургана. 3 июля 1855 г. «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени [7, д. 238, л. 27; 3, д. 15, л. 4].

Из иеромонахов Балаклавского монастыря – участников обороны Севастополя – следует упомянуть также Арсения (Тыднева) и Вениамина, называемого в Севастополе Святогорским, так как он прибыл туда из Святогорского монастыря. Оба они были очень усердны в исполнении своих обязанностей. Арсений, находясь на Корниловском бастионе,

Иеромонах Никандр. Литография XIX в.

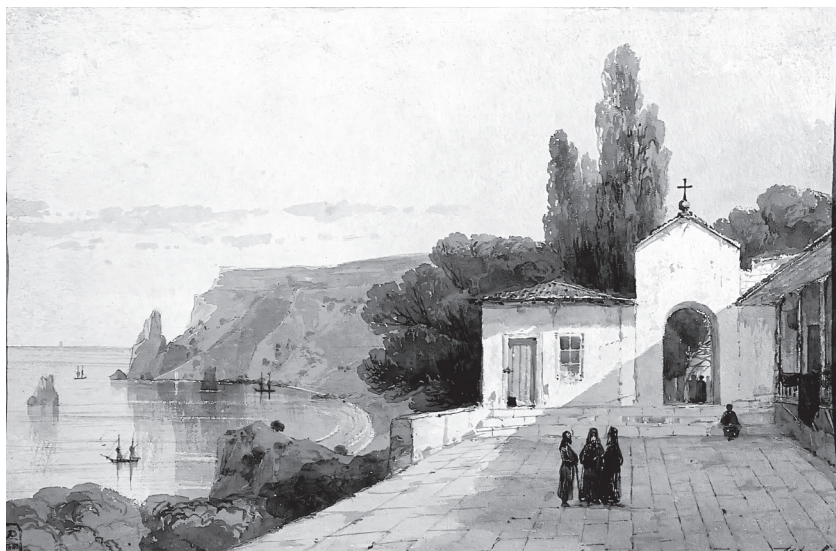
2 февраля 1855 г. получил ранение в голову, приведшее к потере зрения левого глаза [1, д. 94, л. 7; 19, с. 21]. Вениамин, по словам участника событий журналиста и переводчика Н. В. Берга, «ходил по бастионам с каким-то увлечением. Во всю осаду исповедовал и приобщил с лишком 11 тысяч человек» [11, с. 87]. 18 августа 1855 г. за отличия, оказанные во время военных действий, оба иеромонаха были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте [7, д. 238, л. 31 об.].

В осажденном Севастополе находился также митрополит Агафангел (Типальдо). В декабре 1853 г. по собственному желанию (по причине «82-х летней старости и видимого оскудения сил») он был освобожден от управления Георгиевским монастырем. В начале 1854 г., сдав дела новому настоятелю архимандриту Геронтию (Артюховскому), Агафангел переехал в Севастополь. 16 июля 1855 г. по ходатайству генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова ему была пожалована панагия с алмазами за то, что, «находясь в Севастополе в продолжение осады его неприятелем, непрестанно напутствовал воинов молитвою и благословением пастырским на священный подвиг защиты Отечества» [8, д. 411, л. 148–149]. В 1856 г. митрополит Агафангел был награжден серебряной медалью, в память защиты Севастополя [8, д. 594, л. 9].

**Оккупация Балаклавского
Георгиевского монастыря
англо-французскими войсками**

Между тем Балаклавский Георгиевский монастырь в течение полутора лет, с 14 сентября 1854 г. по 21 марта 1856 г., был оккупирован англо-

французскими войсками. Все это время в нем оставались настоятель архимандрит Геронтий (Артюховский), наместник игумен Арсений (Мокренский) и несколько монашествующих: иеромонахи Венедикт (Мухин), Михаил (Слоницкий), Пахомий (Афанасьев), Полихроний (Алексенко) и монахи Иосиф и Дамаскин [19, с.20–21].

Айвазовский И.К. Вид Георгиевского монастыря. 1858 г.

Войдя в монастырь, части англо-французских войск заняли под жилье и госпиталь все гостиницы и один из братских корпусов. В обители они также устроили телеграфную станцию для связи с Варной, Синопом, Евпаторией и главным штабом союзного командования. Непрошенные гости не выпускали иноков за пределы обители, но при этом не причинили вреда ни им самим, ни монастырю. Более того, по приказу главнокомандующего французской армией маршала А.Сент-Арно 15 солдат были назначены для охраны обители. Стража поддерживала строгий порядок на территории монастыря и присматривала за морским побережьем. Турок в монастырь не пускали. Исключение сделали лишь

однажды для главнокомандующего турецкой армией Омер-паши, изъявившего желание осмотреть иконы в иконостасе Крестовоздвиженской церкви. При этом французы впустили его в храм только после того, как он и находившиеся при нем офицеры (после долгих пререканий) сняли со своих голов турецкие чалмы.

Богослужение в храмах монастыря отправлялось ежедневно. Регулярно читалась и молитва «о победе на супостаты», во время которой некоторые иностранцы, понимая смысл, выходили из храма. Французы и англичане нередко посещали службу, некоторые становились на колени и горячо молились, особенно перед сражением и после него. Посещали монастырские храмы и военачальники союзных армий: маршалы А. Сент-Арно, Ж.-Ж. Пелисье, генералы лорд Ф.-Д. Раглан, Ф. Канробер и др. При совершении богослужения строго соблюдалось благочиние. Нарушители спокойствия подвергались наказанию – содержанию на гауптвахте на хлебе и воде. Дореволюционный исследователь Ф. В. Ливанов справедливо назвал Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны «сосредоточием молитв всех наций» [22, с. 20]. Представители противоборствующих сторон обращались с молитвой к Иисусу Христу, прося его каждый о *своей победе*...

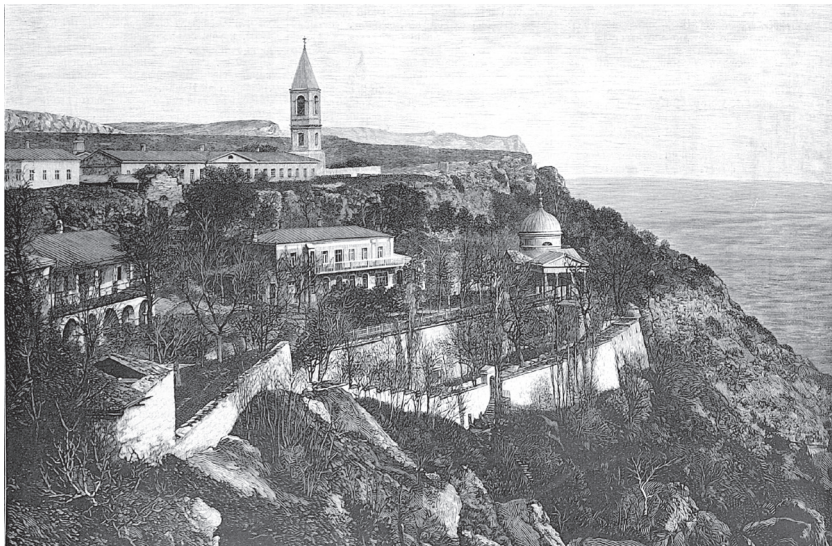
Заняв Георгиевский монастырь, французы и англичане заявили, что покупают весь монастырский скот, птицу и запас муки. Братии не хотелось продавать свое добро, однако их согласия никто не спрашивал. В дальнейшем монахам пришлось покупать продукты у оккупантов.

По свидетельству отца Афанасия, который при приближении неприятельского флота вопреки воле архимандрита Геронтия покинул монастырь, а после войны вернулся в обитель и слышал о происходившем там от братии, монахи ненавидели стоявших в обители англичан, а французов, несмотря ни на что, любили. Этому способствовали веселый нрав французских солдат и в целом весьма доброжелательное отношение к инокам. Время от времени французы приглашали монахов к себе на обед. «За обедом пели песни, шутили и бранили англичан, в чем наши им усердно помогали» [29, с. 204]. Хорошие отношения не испортились даже после того, как под видом «очень искусно приготовленного жаркого» монахов угостили... жареной кошкой. В Георгиевском монастыре было разрешено употребление мяса, так как в обители жили флотские иеромонахи, а на море не было возможности соблюдать пост. Неприятный инцидент был обращен в шутку [29, с. 204]. «Но французская веселость, – отмечает отец Афанасий, – мгновенно пропадала при малейшей неудаче. Братия, не зная ничего о своих, выводили без-

ошибочные заключения из настроения духа своих приятелей-врагов, и при виде угрюмых их лиц шептали благодарственные молитвы и крестились» [29, с.204].

Первоначально всякое сообщение русских с монастырем было прервано. 5 октября 1854 г., в день первой бомбардировки Севастополя, настоятель Бахчисарайского Успенского скита игумен Николай, узнав накануне от прибывших в Бахчисарай балаклавских жителей, что монахи Георгиевского монастыря «приходили в Балаклаву просить хлеба» и что им якобы «велели выбраться всем в Севастополь», отправился в осажденный город, «чтобы действительно узнать и в случае чего взять в скит о. архимандрита» [2, д. 36, л.319–320]. Начавшаяся бомбардировка Севастополя не остановила храброго отца Николая, который переправился на южную сторону и подошел к Петропавловской церкви, где в это время проходило богослужение, став, по словам настоятеля храма протоиерея Арсения Лебединцева, «свидетелем беспримерного ужаса» [2, д.36, л.319–320; 2, д.44, л.266]. 6 октября 1854 г. отец Николай описал происходившее в письме архиепископу Иннокентию: «...Народ бежал, кто в церковь, кто куда попало, ядра, бомбы и гранаты падали неподалеку этой церкви и от разрыву умерщвляли обывателей» [2, д.36, л.320]. Через десять дней, 16 октября 1854 г., игумен Николай сообщил архиерею еще об одной неудачной попытке связаться с насельниками Балаклавского Георгиевского монастыря: «13 октября было сражение под Балаклавой... 15-го поутру я чрез ущелья и горы... пробрался до самой позиции, питался надеждою видеться с о. Геронтием, но, к несчастью, еще невозможно» [2, д.44, л.83].

30 декабря 1854 г. архиепископ Иннокентий сообщил в Святейший Синод: «Георгиевский Балаклавский монастырь, в коем помещаются иеромонахи для флота и Кавказа, еще с 14 сентября занят неприятелем и доселе находится в его руках. Все меры, употребленные мною чрез Севастопольское духовное и гражданское начальство для узнания, что происходит в этом монастыре с настоятелем его, архимандритом Геронтием, и небольшим числом там оставшейся братии, доселе не оказали никакого действия. Слышно только, что якобы в сем монастыре помещается штаб французской армии, а также и лазарет для важнейших лиц, что во время бури 2 ноября одна из церквей монастырских пала, но какая: новая или старая – неизвестно, и что, наконец, притеснений жителям монастыря со стороны неприятеля не причиняется, кроме сильного недостатка в продовольствии и тому подобное» [5, д. 37, л. 1–1 об.].

Балаклавский Свято-Георгиевский монастырь.
Гравюра В.Зейделя с фотографии А.Лухтерганда. Вторая половина XIX в.

По просьбе архиепископа Иннокентия в декабре 1854 г. – январе 1855 г. русское командование установило связь с настоятелем монастыря, который вел переписку с протоиереем Арсением Лебединцевым и неоднократно получал из Севастополя посылки со всем необходимым (восковыми свечами для богослужения, чаем и др.). Из писем архимандрита Геронтия стало известно, что все иноки пребывали в добром здравии, «кроме эконома монастыря иеромонаха Августина, который умер 22 сентября», что обитель 2 ноября сильно пострадала от «чрезвычайной бури» («чуть ли не до основания» была повреждена Георгиевская церковь, «почти до основания» был разрушен «Лазаревский дом» (находящаяся на территории монастыря дача адмирала М.П.Лазарева), оказались «раскрытыми» Воздвиженская церковь, все гостиницы, два новых братских корпуса, а третий корпус – «почти разрушен», повреждены сараи, деревья, сломана часть чугунной ограды) [2, д. 36, л. 507–508 об.].

Письма и посылки протоиерей Лебединцев передавал в Георгиевский монастырь через генерала Д.Е.Остен-Сакена. По свидетельству отца Арсения, Д.Е.Остен-Сакен «писал генералу Канроберу и благодарил его за уважение к святой обители и внимание к живущим в ней» [20, с. 8]. 24 января 1855 г. отец Геронтий написал Лебединцеву: «Спаси Вас Гос-

поди: посланное Вами мы получили исправно. И теперь мы все необходимое имеем» [2, д. 36, л. 492].

В письме архиепископу Иннокентию от 24 августа 1855 г. архимандрит Геронтий также подтвердил, что «все, слава Богу, живы и здоровы, и все идет пока по-прежнему». Настоятель жаловался на отрезанность оккупированного монастыря от внешнего мира: «Мы ничего не видим и не слышим» [2, д. 44, л. 449]. «Одно обстоятельство меня затрудняет, – подчеркивал он, – в феврале месяце нас известили, что государь император наш Николай скончался, но мы, не имея ничего формального об этом из Севастополя, доселе продолжаем молиться по-прежнему» [2, д. 44, л. 449 об.]. Впрочем, через протоиерея Лебединцева определенные сведения, в том числе и о находившихся в Севастополе иеромонахах Георгиевского монастыря, в обитель поступали. Продолжался и обмен посылками. В марте 1855 г. Геронтий передал в Севастополь для иеромонаха Вениамина (Ершова) золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, полученный последним за Синопское сражение. 24 марта 1855 г., за три дня до праздника Святой Пасхи, Лебединцев послал в монастырь для братии «артос, пасху и 2 десятка красных яиц» [20, с. 25].

Постоянно интересовался судьбой насельников Георгиевского монастыря и настоятель Успенского скита игумен Николай. 25 октября 1855 г. он писал архиепископу Иннокентию: «Два доктора, взятые неприятелем при взятии редута Камчатского, возвращены обратно, они мне передали, что о. архимандрит Геронтий жив и здоров и все монашествующие и живут там, не ощущая горя, но при всем этом сердечно бы желали не быть пленными, поэтому скучают сильно» [2, д. 44, л. 585].

26 августа 1856 г. настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря архимандрит Геронтий был награжден орденом Св. Анны 2-й степени [31]. 25 января 1857 г. братии Балаклавского монастыря «за отлично-ревностную службу» было объявлено благословение Святейшего Синода [19, с. 22].

Херсонесская и Инкерманская киновии в годы Крымской войны

В ходе военных действий пострадали киновии в Херсонесе и Инкермане, также располагавшиеся близ Севастополя. Херсонесская обитель

была занята неприятельскими войсками и полностью разрушена, а Инкерманская была подвергнута ожесточенному обстрелу.

Церковное имущество киновии Св. Владимира (антиминс, священные сосуды, плащаница и другие вещи) было заблаговременно переда-

Инкерманская киновия Св.Климента. Почтовая карточка. Вторая половина XIX в.

но для хранения в ризницу севастопольской Петропавловской церкви, а оттуда вывезено в Симферополь [6, д. 16, л. 74; 2, д. 44, л. 25–25 об.]. Братия в конце сентября – октябре 1854 г. перешла в Бахчисарайский Успенский скит, куда через некоторое время прибыли и насельники Инкерманской киновии, которые до 7 ноября продолжали богослужение под гром неприятельского обстрела [6, д. 16, л. 74; 2, д. 36, л. 111–111 об.; 2, д. 44, л. 64]. 12 октября 1854 г. иеромонах Инкерманской киновии Иннокентий доложил Херсонскому архиепископу, что уже в течение месяца (с 11 сентября 1854 г.) неприятельские войска, занявшие позицию, расположенную в горах через балку напротив киновии, почти ежедневно обстреливали «проходящих по дороге правоверных людей», при этом «часто падали пули в стены киновии», а 10 октября во время богослужения в Инкерманскую скалу попали два неприятельских ядра, застрявшие в камнях, одно из них «пробило насквозь с немалым повреждением» церковную стену. Иеромонах Иннокентий сообщил также о затруднениях с добычей съестных припасов, вызванных тем, что жители Инкермана покинули город, однако добавил, что оставлять свою обитель иноки не хотят [2, д. 44, л. 64–65 об.]. Уже через несколько дней настоятель Бахчисарайского Успенского скита игумен Николай, несмотря на явную опасность, посетил Инкерманскую киновию, осмотрел повреждения и обещал инокам доставить «все необходимое для

пропитания» [2, д. 44, л. 84]. Однако вернувшись в скит и обратившись к игумену Херсонесской обители Василию (Юдину) за помощью и поддержкой, он натолкнулся на поразившее его непонимание. 16 октября 1854 г. игумен Николай писал архиепископу Иннокентию: «Приехавши в скит 16-го в два часа, пересказал о. игумену Василию о Инкермане и о живущих там, советовал послать туда провизии, ибо тут у него лошадь, ... два послушника, но он отвечал, что жизнью как своею, так и другого рисковать не намерен; вот военный трус; но если он не поедет туда и не пошлет, то я должен буду сам туда ехать 18-го с провизией, ибо монахи сильно скорбят и бросят скит, если не пособить им» [2, д. 44, л. 84 об.]. Видимо, невольное сравнение поведения игуменов Херсонесской и Инкерманской киновий, собственная смелость, а также накопившееся раздражение заставили игумена Николая 20 октября 1854 г. вновь написать архиепископу Иннокентию нелицеприятные слова об иеромонахе Василии (Юдине): «Труса подобного о. Василию, я еще не встречал, заказал о себе молиться в Инкермане, но туда ехать не хочет, сидит у нас покойно, с о. Прокофием рассуждают о военных действиях» [2, д. 36, л. 256 об. – 257]. В ноябре 1854 г. в связи с предписанием Херсонского архиерея священнослужителям епархиального ведомства и иеромонахам «Крымских скитов» оказывать духовную помощь раненым воинам в лазаретах и «на самом поле брани» иеромонах Василий отправился в Симферополь для работы в госпиталях [6, д. 16, л. 30–30 об.; 2, д. 44, л. 137].

29 апреля 1855 г. архиепископ Иннокентий с сожалением писал епископу Макарию (Булгакову): «Двух скитов наших – Херсонисского и Инкерманского как не бывало. Первый, строенный едва не одними слезами, пошел на топливо французов, а второй чуть не развалился весь от английских бомб и ядер. Севастополь сделался истинною купиною – горит непрестанно и не сгорает» [23, с. 48–49]. По выражению протоиерея Арсения Лебединцева, осматривавшего окрестности Севастополя после окончания военных действий, в Херсонесе «от церкви и двух зданий монастырских остались одни следы», территория древнего городища и ведущая к нему дорога были перерыты траншеями [6, д. 16, л. 113]. Что касается Инкерманской киновии, то пещерная церковь Св. Климента пострадала незначительно, для ее возобновления был «необходим только иконостас, ибо от прежнего, написанного на холсте, осталась одна рама» [6, д. 16, л. 113 об.].

Бахчисарайский Успенский скит во время войны

Бахчисарайский Успенский скит по причине своей удаленности от театра военных действий не был razорен, однако бушевавшая

на Крымском полуострове война внесла в жизнь его иноков серьезные коррективы. В современной историографии встречается ошибочная информация, что на территории скита во время Крымской войны 1853–1856 гг. действовал госпиталь русской армии, в котором, по голословному утверждению А.В.Попова, «пребывало до одной тысячи раненых» [28, с. 112; см. также: 32, с. 131; 14, с. 25; 13, с. 237]. В подтверждение своих слов исследователь не приводит никаких документов, а ссылается на книгу Н.Ф.Дубровина, где речь идет, однако, совсем о другом: «Князь Меншиков принужден был сделать распоряжение, чтобы до 1000 человек легко раненых были отправлены в Карасубазар и Бахчисарай, с тем чтобы они помещались там в казармах и продовольствовались наравне со здоровыми» [15, с. 344]. По поводу Бахчисарая, в котором действительно были устроены лазареты (но именно в городе – в основном, в ханском дворце, а не в скиту), ученый пишет: «Несмотря на недостаток в помещении, главная масса больных все-таки направлялась в Симферополь, так как размещение их в Бахчисарае представляло еще более затруднений. Город этот был отстроен настолько дурно, что лишь один древний ханский дворец, по своей обширности, мог служить для помещения больных, но и тот не имел печей. При таких условиях положение больных и раненых было весьма жалкое» [15, с. 340]. О наличии госпиталя в Бахчисарайском Успенском скиту Н.Ф.Дубровин не упоминает, что неудивительно, ибо в обители в то время просто не было условий, необходимых для размещения больных и раненых; все основные здания, включая гостиницу для паломников, были построены уже после окончания Крымской войны.

Предположения современных исследователей (А.В.Попова, В.Г.Тура, Т.А.Богдановой и др.) о существовании в скиту госпиталя, подаваемые ими как якобы исторический факт, опираются, по всей вероятности, в основном на наличие на территории обители кладбища, несколько захоронений которого относятся к событиям Крымской войны. Однако все эти люди (во всяком случае, те, имена которых сохранились на надгробиях) отнюдь не умерли от ран в стенах обители, а погибли на поле брани: генерал-адъютант барон П. А. Вревский и генерал-майор П. В. Веймарн были убиты в сражении на Черной речке 4 августа 1855 г. Об устройстве во время войны в Успенском скиту именно кладбища, но никак не гос-

питая, сообщил и сам архиепископ Иннокентий в рапорте Святейшему Синоду от 11 марта 1857 г., предложив построить около него малую церковь [17, с.98]. Если бы госпиталь действительно имел место, владыка непременно отметил бы это в своем рапорте. Существование указанного кладбища (несмотря на полное отсутствие каких-либо документов о госпитале) послужило основанием и для установки в недавнее время на территории обители памятного знака, первая часть надписи на котором, к сожалению, не соответствует исторической действительности: «На территории Свято-Успенского монастыря в 1854–1856 гг. располагался госпиталь русской армии. Здесь, на монастырском кладбище, покоятся воины, павшие в героических сражениях Крымской войны».

Современный памятный знак на территории Бахчисарайского Свято-Успенского монастыря. Фото

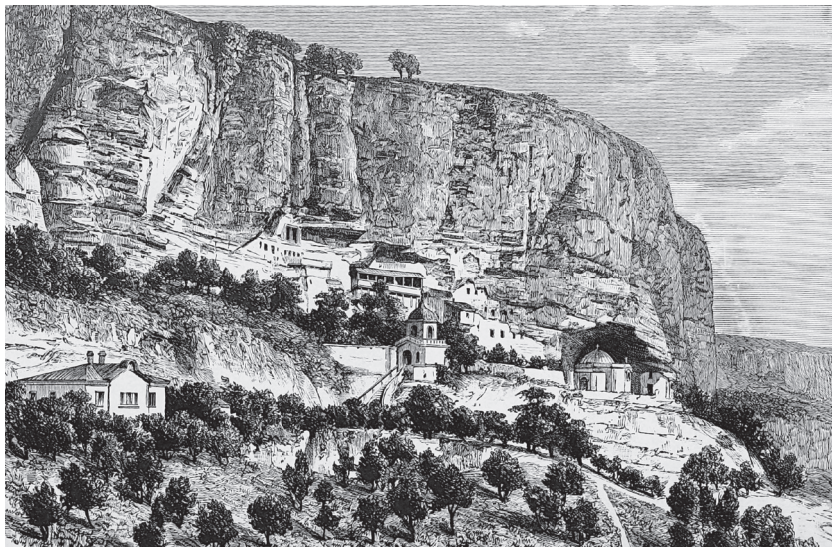
В некоторое заблуждение могли ввести исследователей и письма настоятеля Бахчисарайского Успенского скита игумена Николая архиепископу Иннокентию, где упоминается «госпиталь» или «госпитали», в которых иноки обители занимались духовным окормлением раненых и больных воинов. Однако внимательное изучение этих писем и сопоставление их с другими документами ясно показывает, что речь идет о госпитале, располагавшемся в ханском дворце, а также о других воен-

ных госпиталях, находившихся в г. Бахчисарае. Дело в том, что в ноябре 1854 г. архиепископ Иннокентий, узнав о нехватке военного духовенства для оказания духовной помощи раненым, предписал священнослужителям епархиального ведомства посещать воинов в лазаретах и при перевозе их туда с мест сражений. Более того, «из-за небольшого числа в Крыму белого духовенства» архиепископ вменил в обязанность «настоятелю Крымских скитов, оставив кого-либо для охранения своего места, всех иеромонашествующих выслать немедленно на те пункты, где находятся раненые воины, – как в лазареты, так и на самое поле брани» [6, д. 16, л. 30–30 об.]. Так иеромонахи Успенского скита в ноябре 1854 г. были прикомандированы к военным госпиталям, расположенным в Бахчисарае и его окрестностях, для исполнения духовных треб. Тогда же Иннокентий, следуя отношению обер-прокурора Синода Н.А.Протасова, по желанию великой княгини Елены Павловны назначил игумена Николая и иеромонаха Успенского скита Ефрема духовниками Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых в Бахчисарае (всего для этой цели им были назначены 12 духовных лиц в 7 городах: Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосии, Перекопе и Херсоне) [6, д. 34, л. 20–21]. Именно о госпиталях Бахчисарае и идет речь в письмах игумена Николая архиепископу Иннокентию. Ни в одном из этих писем не говорится прямо о том, что госпиталь расположен в каком-то помещении Успенского скита, зато есть масса указаний на город и ханский дворец.

Так, 10 января 1855 г. игумен Николай сообщает архиепископу Иннокентию, что ему «приходится дежурить в грязном Бахчисарайском на Азисе госпитале, где и пятая сестра милосердия уже слегла в постель» [2, д. 44, л. 209 об.]. (В Бахчисарае работали как раз пять сестер Крестовоздвиженской общины). Отец Николай пишет также, что заболел «главный доктор», а «из восьми младших уже только пять ухаживают [за ранеными]» [2, д. 44, л. 209 об.]. Через несколько дней, 15 января 1855 г., игумен Успенского скита вновь жалуется Иннокентию на «страшные неисправности» в «Бахчисарайских госпиталях» (грязь, холод, переполненность палат и «заразительный воздух» в них), а также на неспособность городских властей их исправить [2, д. 36, л. 353–354 об.]. «В палатах, набитых больными как сельди в бочонку, – пишет он, – могут три только доктора дать помощь, прочие заболели от заразительного воздуха», «если придется два часа пробыть в палатах, где грязь на земляных полах на четыре вершка..., то по выходе на чистый воздух не скоро рассмотришь предметы»; «сестры милосердия, выздоровевши, придут

на два дня в госпитали, а потом опять ложатся» [2, д. 36, л. 353 об. – 354]. Отец Николай обратил также внимание на то, что умерших больных и лошадей хоронили около госпиталей. «Если продолжится так до весны, – пишет он, – то неминуема зараза от прогнивших лошадей и мертвых, коих невозможно глубоко хоронить» [2, д. 36, л. 354 об.]. Из писем игумена Николая также известно, что в январе 1855 г. был устроен госпиталь на 250 человек в татарском селе Дуванка, находившемся в 20 верстах от Успенского скита. В этом госпитале условия также оставляли желать лучшего: «чтобы в доме том сделать пол деревянный, нужны доски, коих достать в Крыму не могли, поэтому с 15 января и без пола деревянного поместят больных» [2, д. 44, л. 209 об.]. В этот госпиталь также планировалось направить из скита «иеромонаха с послушником», которым, по словам отца Николая, придется «по две недели дежурить там на пище Антония великого», то есть питаться впроголодь [2, д. 44, л. 209 об.].

Весной 1855 г. был открыт большой и достаточно благоустроенный госпиталь в Бахчисарайском ханском дворце, где с этого времени в основном и работали иеромонахи Успенского скита. В марте 1855 г. игумен Николай сообщал архиепископу Иннокентию: «Дворец отведен уже под госпиталь и устраивается уже, к 1 апреля все будет кончено, жаль только, что церковь для раненых и больных, предположенная в молельне Софии Потоцкой, будет устроена на дворе в палатке» [2, д. 36, л. 466 об.]; «Отец Ефрем, скромный и послушный, ...с охотой трудится по госпиталю, который переведен уже во дворец, где занимается и утешать больных раненых не составляет трудов, и далеко удалены от той опасности, коей на Азисе подвергались» [2, д. 44, л. 223]. Именно в ханском дворце, как наиболее обширном здании Бахчисарая, находилось одновременно по несколько сотен раненых и больных воинов. Так, 30 марта 1855 г. отец Николай писал Иннокентию: «По милости генерала Сакена госпиталь в отличном виде во дворце, до 600 душ на кроватях в чистом белье и под одеялами, а для прочих хотя не успели наделать кроватей, но зато, хоть на полу, но на тюфяках, тоже в чистом белье, воздух везде чистый, больные и раненые покоятся» [2, д. 44, л. 233–233 об.]. 11 июня 1855 г. настоятель скита сообщал архиерею: «Раненых на этой неделе поступило в госпиталь до 700 душ. ...Посоветовавшись с комендантом и главным доктором, я в воскресенье, отслуживши литургию в греческой церкви и освятивши во дворце воду, окроплю все палаты, наполненные ранеными и больными, есть довольно без ног или без рук» [2, д. 39, л. 237].

Бахчисарайский Успенский скит. Литография, вторая половина XIX в.

Из писем игумена Николая четко видно, что насельники скита работали в госпитале, как правило, парами, «поседмично» (то есть поочередно, по два человека, по неделе), при этом ходили в Бахчисарай пешком, что позволило им приобрести в городе много знакомых, в чем настоятель скита увидел определенное искушение. 17 августа 1855 г. он писал архиепископу Иннокентию: «По госпиталю сию седмицу трудится о. Нестор с послушником Флором; при этом осмеливаюсь сказать, что нет добра без зла и зла без добра. Дело благое потрудиться и послужить раненым, но и тут вкрадывается зло. Иеромонахи, ходя каждодневно в госпиталь, нажили знакомых, эти знакомые из круга среднего и истинные христиане, кои старались приласкать батюшек и поэтому приглашать в дома. О.Ефрем, не знаю почему, был чаще приглашаем знакомыми, прочие возревновали, пошла разладица между ними» [2, д. 44, л. 452–452об.]. Через несколько дней в очередном письме архиепископу игумен Николай вновь вернулся к этой явно волновавшей его теме: «Посещая больных и раненых ежедневно и без всякого возмездия за труды, они делают много и весьма пользы; но, посещая знакомых, часто и при возгоряченном умствовании проговариваются относительно достоинства своего сотоварища, от чего выходит между ними несогласие, кое разбирать и мирить их мне наскучило». Отметив со свойственным ему

сарказмом, что «если б было возможно удержать священно-иеромонахов, чтобы они поменьше обивали пороги Бахчисарайским жителям, то их бы можно назвать тружениками доброго и весьма полезного дела», настоятель все же признал, что «труд их достоин похвалы, и что они себя пред глазами посторонних лиц не уронили» [2, д. 44, л. 475–475 об.].

Наконец, 9 декабря 1855 г. игумен Николай сообщил архиепископу Иннокентию, что, по распоряжению коменданта Бахчисарая, с 5 декабря в «военном госпитале, устроенном в ханском дворце», из-за малого числа находившихся там в данный момент больных иеромонахи скита «до особой надобности» освобождены от работы, «дабы при настоящей несносной погоде не подвергнуть их болезням», а «преподанием помощи больным» занимается протоиерей Антоний Аргириди, который еще в прошлом году был назначен для работы в госпиталь и пользуется от него жалованием и содержанием [2, д. 44, л. 668]. Уже через месяц, 17 января 1856 г., игумен Николай написал архиепископу: «Бахчисарайский госпиталь завален больными, почему иеромонахи Успенского скита по-прежнему приняли на себя труд посещать больных, к чему приглашены военным начальством» [2, д. 44, л. 693].

Информация о том, что скитские иеромонахи работали в госпиталях, расположенных в ханском дворце и в зданиях Бахчисарайских казарм, содержится и в письмах Иннокентию епископа Поликарпа (Радкевича). Так, например, 9 ноября 1854 г. Поликарп писал Херсонскому архиепископу: «О. Прокопий в Такчес-Казарме, что к Севастополю, обращенную в госпиталь для раненых, подвизается хорошо и ежедневно. Я ездил туда сам, и меня многие из тамошней прислуги и сам лекарь благодарили за него. Смотрел я и приготовляемый госпиталь во дворце; но там еще нет печек железных или чугунных. Отдадим из скита свои две печки. Сюда будут ходить отцы Макарий и Ефрем попеременно, чтобы не оставлять и в ските служения, ибо приходят... сюда многие богомольцы по воскресным особенно и праздничным дням» [2, д. 44, л. 129]. Через три дня, 12 ноября, Поликарп вновь писал Иннокентию: «Раненых наших поступает постоянно немало. В одной половине Бахчисарайской казармы находится более 200 человек тяжелораненых. Там стоны и воздыхание! А многие и в беспамятстве. О. Прокопий ежедневно общается до 10 человек, да и отпевает умерших по пяти и более. ...Некоторые желают напиться чего-либо теплого, почему я о. Прокопию дал мелких денег на покупку таким сбитня и белого хлеба для голодных. Из скита выдали мы во дворец три чугунные печки для устройства их

в каминах, чтобы обогреть ими сколько-нибудь комнатки во дворце» [2, д. 44, л. 147–147 об.].

По вопросу о самой возможности и фактическом расположении госпиталей в подведомственных Иннокентию монастырских зданиях следует также заметить, что, согласно документам архива Святейшего Синода, из всех обителей Херсонской и Таврической епархии под госпиталь архиепископ распорядился отвести лишь один монастырь – Корсунский Богородицкий «как ближайшее место к Крымскому полуострову» (монастырь располагался в Днепровском уезде Таврической губернии) [6, д. 16, л. 31–31 об.]. Что касается непосредственно крымских обителей, то Балаклавский Георгиевский монастырь был оккупирован англо-французскими войсками, а остальные (как занятые врагом, так и остававшиеся свободными), как показано выше, находились тогда еще в начальной стадии возобновления и потому в любом случае не имели возможности разместить раненых.

Бахчисарайский Успенский скит. Рисунок с натуры художника Н.Хохрякова. 1860-е гг.

При этом посильную помощь раненым воинам иноки Успенского скита оказали еще в самом начале военных действий в Крыму, до устройства в Бахчисарае какого-либо госпиталя. Как сообщил Иннокентию игумен Николай, 9 сентября 1854 г., на следующий день после неудачного для русской армии сражения при реке Альме, он, узнав, что «бедные раненые наши по степи и балкам лежат без всякой помощи», а город-

ские подводы, занятые «под войска», еще не вернулись, предоставил принадлежавших скиту лошадей и повозку для привоза раненых в Бахчисарай. В течение дня на скитской подводе в город были доставлены около 60 человек («до 60 душ»). Там их накормили, оказали некоторую медицинскую помощь («помощи им дать нельзя по неимению медикаментов, ... впрочем, здешний врач вынул пуль до десяти») и в тот же вечер на отыскавшихся больших подводах отправили в Симферополь [2, д. 36, л. 290–291]. Следует отметить, что, несмотря на наличие в письме игумена Николая точной информации, приведенной нами выше, Т. А. Богданова, также изучавшая переписку Иннокентия, почему-то дает волю фантазии, утверждая, что после Альминского сражения якобы «в скит доставили "до 60 душ раненых", странноприимный дом отдали под госпиталь» (!) [13, с. 237]. «Осенью 1854 г.», – пишет она, – «в скиту было» якобы «до 500 раненых» [13, с. 237]. При этом исследовательницу не смущает не только отсутствие в письмах игумена Николая приводимых ею данных, но и наличие в этих письмах сведений о нехватке в Успенском скиту как помещений, так и достаточного количества съестных припасов и денежных средств. Так, например, через месяц после сражения при Альме, 9 октября 1854 г., настоятель Успенского скита писал архиерею: «Колокольня идет постройкою успешно, уже скоро потребуется железо на крышу, а у меня денег почти ни копейки, не знаю, что делать, а Ваше Высокопреосвященство забыли нас, бедных. Помогите, не дайте пропасть с голоду, ко мне перебираются из Херсонисса до 5 душ, ведь их надо кормить, да наших до 18 душ, требующих пищи и одеяния, приходу нет от церкви почти ничего, бедные жители разорены войною... Я хочу отца игумена (иеромонаха Василия (Юдина). – *Л.М.*) с братией поселить в Анастасиевском скиту, где могут и служить, если только разрешите, высокопреосвященнейший владыко; в противном случае, если поедем запас хлеба, мною сделанный почти на полгода, то тогда хоть плачь, скоро негде будет и купить, 5 копеек серебром фунт печеного ржаного хлеба, коего скоро не будет на рынке» [2, д. 36, л. 250–250 об.]. Разумеется, в таких условиях даже речи не могло идти о том, чтобы разместить в скиту несколько десятков, а тем более несколько сотен раненых и больных воинов.

25 октября 1854 г., то есть на следующий день после Инкерманского сражения, бесстрашный игумен Николай с прибывшим в скит послушником Василием Лисенковым отправились в Инкерманскую киновию, где остались на ночь. «26-го с утра, – докладывал игумен Николай архиепископу Иннокентию, – до трех часов Василий с тремя послушниками

из-за Черной речки и неприятельской цепи носили в скит (киновию. – *Л.М.*) тяжелораненых, а я с о. Иннокентием поили [их] чаем и перевязывали раны» [2, д. 44, л. 95–95 об.]. Всего раненых удалось собрать «до 30 душ»; в тот же день все они были переданы из обители на пароход. Любопытны подробности и оценки происходившего, приводимые в письме игумена Николая: «Присланный из парохода офицер с солдатами и переговорным флагом не решился идти за цепь, но даже и приближаться к оной. Василию честь, он при этом действовал с товарищами истинно христиански и рисковал жизнью. Неприятели толпами из гор смотрели на храбрых монахов и на труса с переговорным флагом, стоящего около самых дверей» обители [2, д. 44, л. 95 об.].

Будучи прикомандированным к военным госпиталям, иноки «Русско-го Афона» в Крыму добросовестно выполняли свои обязанности, чему личным свидетелем был сам преосвященный при двукратном посещении Крымского полуострова [о деятельности архиепископа Иннокентия в годы Крымской войны подробнее см.: 24; 25]. Так, 2 июля 1855 г. Иннокентий писал исполняющему обязанности обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевскому: «В посещенных мною госпиталях, как в Севастополе, так в Бахчисарае и Симферополе, по духовной части, благодарение Богу, недостатков не замечено. В сем отношении должно отдать особую справедливость иеромонахам Крымских скитов, кои все показали неутомимое усердие в духовном призрении раненых воинов, вследствие чего все переболели тяжкими болезнями, от коих один скончался, а некоторые доселе не могут оправиться» [6, д. 16, л. 82–82 об.]. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях» трое из иноков Бахчисарайского Успенского скита были награждены: настоятель обители архимандрит Николай – орденом Св. Анны 3-й степени, иеромонахи Прокопий и Иннокентий – наперсными крестами, выдаваемыми от Святейшего Синода [8, д. 412, л. 111–111 об.].

Игумен Николай и иеромонах скита Ефрем, назначенные духовниками Крестовоздвиженской общины, оказывали духовную поддержку сестрам попечения о раненых. Так, 25 декабря 1854 г. отец Николай писал Иннокентию: «24-го вечером прибыли в Бахчисарай 5 сестер милосердия, 3 уже заболели, 25-го в три часа я был у них, они сильно обескуражены, к лишениям они еще не привыкли. Сильная стужа снежная застала на дороге от Симферополя, они двое суток простояли

на Альминской станции, где попростудились. Снег у нас выпал 24-го в аршин, а 25-го сильная была метель от северо-восточного ветра» [2, д. 44, л. 196 об.]. Через десять дней, 5 января 1855 г., настоятель Успенского скита сообщил архиерею, что тяжелое положение приехавших сестер еще более усугубилось, но они добросовестно выполняют свои обязанности: «Из пяти душ сестер милосердия, прибывших в Бахчисарай, одна только старшая, г. Лоле, кое-как двигается, бывает в госпитале, поит чаем тяжелобольных и хлопочет о белье, заметно с добрым сердцем и с чисто христианским направлением; а четыре ее сотрудницы сильно больны, и одна опасно» [2, д. 44, л. 208; 12, с. 351]. В дальнейшем в переписке с Иннокентием игумен Николай еще неоднократно отмечал самоотверженное служение сестер Крестовоздвиженской общины: «Сестры милосердия сильно трудятся над перевязкою ран – дай Бог им здоровья для перенесения трудов тягчайших» (письмо от 30 марта 1855 г.) [2, д. 44, л. 233 об.]; «Медики весьма усердно занимаются своим делом, и сестры милосердия до упаду трудятся» (письмо от 21 августа 1855 г.) [2, д. 44, л. 476]. Работавших в Бахчисарае сестер навещала главная начальница Крестовоздвиженской общины А.П. Стахович, которая проявила интерес к Успенскому скиту. 24 апреля 1855 г. отец Николай писал Иннокентию: «Сегодня посещала госпиталь главная начальница сестер милосердия генеральша¹ Стахович, прибывшая из Севастополя, пообещалась приехать к вечерне в скит» [2, д. 44, л. 275 об.].

**Георгиевский кавалер
иеромонах Иоанникий
(Савинов)**

Среди духовных лиц Бахчисарайского Успенского скита, откомандированных Иннокентием в ноябре 1854 г. для заботы о раненых воинах

не только в лазаретах, но и «на самом поле брани», находился иеромонах Иоанникий (Савинов), отличившийся вскоре при обороне Севастополя и ставший одним из двух священников – Георгиевских кавалеров периода Крымской войны.

Этого героя долгое время ошибочно считали военным священником: флотским иеромонахом, приписанным к Балаклавскому Георгиевскому монастырю (опять же без каких бы то ни было соответствующих документов, просто по роду его деятельности во время Крымской войны) [см., например: 19, с. 21–22; 33, с. 68–69]. Однако найденные нами архивные

¹ Главная начальница Крестовоздвиженской общины Александра Петровна Стахович названа отцом Николаем генеральшей ошибочно. На самом деле она была в это время вдовой майора.

документы неопровержимо свидетельствуют о том, что он был иеромонахом Бахчисарайского Успенского скита. Так, например, 2 июля 1855 г. Иннокентий в письме А. И. Карасевскому, не указывая имени Иоанникия (Савинова), описывает его знаменитый подвиг, совершенный им в ночь на 11 марта 1855 г. (об этом ниже), называя его «одним из иеромонахов Бахчисарайского скита» [6, д. 16, л. 82]. Благодичный над духовенством Черноморского флота игумен Георгий в рапорте от 9 июня 1855 г. старшему благодичному над духовенством Военно-сухопутных и морских сил в Крыму протоиерею П. М. Мацкевичу, рассказывая о ранении Иоанникия в ногу 26 мая 1855 г. и последовавшей вслед за тем смерти священнослужителя, прямо говорит о его принадлежности к Успенскому скиту: «...иеромонах Иоанникий Савинов, он же иначе именуемый для различения от других Иоанникием третьим² младшим и Бахчисарайским Успенским, действительно служил при 45-м флотском экипаже...» [3, д. 4, л. 16]. Тот же игумен Георгий в донесении Иннокентию от 2 июня 1855 г. называет иеромонаха Иоанникия, получившего 26 мая ранение в ногу, «так называемым третьим младшим, что из Бахчисарайского Успенского скита» [6, д. 16, л. 73].

Отец Иоанникий попал на службу в 45-й флотский батальон и неоднократно отличился во время обороны Севастополя. Самым блестящим его подвигом стало внезапное появление в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. среди войск отряда генерал-лейтенанта С. А. Хрулева, предпринявшего вылазку с третьего отделения оборонительной Севастопольской линии для разрушения неприятельских траншей, построенных рядом с Камчатским люнетом с целью его взятия. «Когда отряд войск наших, – говорилось в приказе о награждении, – состоявший из батальонов Камчатского егерского, Днепровского и Волынского пехотных полков, выбив неприятеля из ложементов впереди Камчатского люнета, бросился на ближайшие неприятельские подступы, но готов уже был уступить сильному натиску неприятеля, получавшего беспрестанные подкрепления, в то время, в самом пылу сражения, иеромонах Иоанникий Савинов в епитрахили с вознесенным крестом появился в рядах сражавшихся и торжественным и звонким пением тропаря "Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы Благоверному императору нашему на сопротивныя даруй" одушевил войска, которые броси-

² В обороне Севастополя принимали участие три иеромонаха по имени Иоанникий. Поэтому для различия им были «присвоены» номера. Первые два – Иоанникий первый (Добротворский) и Иоанникий второй (Ровинский) – были иеромонахами Балаклавского Георгиевского монастыря и упоминались выше.

Подвиг иеромонаха Иоанникия (Савинова). Гравюра XIX в.

лись на врага и овладели первой, потом второй и третьей линиями его траншей» [30]. Один из неприятельских солдат бросился на безоружного иеромонаха, пытаясь заколоть его ударом штыка, однако пастырь был спасен ординарцем генерал-лейтенанта С. А. Хрулева, юнкером Камчатского егерского полка Негребецким. Пострадали лишь епитрахиль и левый рукав рясы. Видя успех борьбы, отец Иоанникий сосредоточил внимание на раненых воинах: одним подавал помощь на месте, других отправлял на перевязочный пункт. Во время напущения умиравших неприятельская пуля ударила в крест, который отец Иоанникий держал в руках, отбив его нижнюю часть. Получив контузию, иеромонах на некоторое время потерял сознание. Когда враг был отеснен, а подступы к траншеям разрушены, священник помог вернуть батальоны обратно. Разгоряченные боем солдаты левого фланга, командир которого (подполковник Радомский) был выведен ранением из строя, отказывались поверить сигналу отбоя, неоднократно использовавшемуся прежде врагом для дезинформации, и только слова отца Иоанникия, переданные

по личной просьбе Хрулева, убедили их в необходимости отступления [9, д. 9047, л. 4 об. – 5; 6, д. 16, л. 82]. За этот подвиг 15 мая 1855 г. иеромонах Иоанникий (Савинов) был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса [30]. 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Волинский редуты и Камчатский люнет отец Иоанникий был ранен пулей в ногу [6, д. 16, л. 73]. Ногу ампутировали, но 9 июня 1855 г. иеромонах скончался [3, д. 4, л. 16]. Нам удалось установить, что похоронен герой-священник на территории Бахчисарайского Успенского скита: 11 июня 1855 г. игумен Николай написал Иннокентию: «Храбрый иеромонах Иоанникий 26 мая ранен пулею в ногу навывлет, кою раздробило ему кость, после операции чрез несколько дней скончался. По распоряжению адмирала Нахимова, тело покойного привезено в скит 10 июня и предано земле по обряду христианскому» [2, д. 39, л. 237 об.].

Посещения Бахчисарайского Успенского скита русскими военными. Александр II в Бахчисарае

Во время войны в Бахчисарайском Успенском скиту побывали многие военные: как солдаты и ополченцы, так офицеры и представители генералитета. Так, например, 13 и 24 апреля (соответственно) 1855 г. игумен Николай писал архиепископу Иннокентию: «В эти дни довольно было посетителей из военных чинов, кои и молебны служат, свечи покупают и с большим усердием молятся Царице Небесной» [2, д. 44, л. 254 об.]; «солдатики толпами приходят в скит и с усердием молятся Матери Божией; бывают штаб- и обер-офицеры» [2, д. 44, л. 275]. 9 августа 1855 г. настоятель скита сообщал архиерею: «О. Макарий занимается священнодействием в скиту ежедневно, потому что солдатики нестроевых рот, находящиеся постоянно при Бахчисарае и не говевшие в св. четыредесятницу, по распоряжению военного начальства, теперь говеют. Ополчение Курское, отрядами переходящее Бахчисарай и дневку имеющее тут, каждодневно приходят эти ратники в скит, исповедываются и св. тайн приобщаются» [2, д. 44, л. 436]. После того, как русские войска оставили южную сторону Севастополя и в военных действиях наступило затишье, посетителей в скиту стало еще больше. 25 октября 1855 г. игумен Николай писал Иннокентию: «Посетителей ежедневно военных столько, что их нельзя и пересчитать, мне кажется, что они и дела не делают, а только разъезжают» [2, д. 44, л. 585]. Среди генералов и других высокопоставленных лиц, посетивших Успенский скит, были генерал-адъютант граф Д. Е. Остен-Сакен, генерал-лейтенант А. К. Ушаков, генерал-майор Д. П. Федоров (пожертвовал на украшение храмо-

вой иконы 25 рублей серебром) [2, д. 44, л. 283 об.], генерал-лейтенант П. С. Ланской, начальник Тульского ополчения генерал-лейтенант князь А. М. Голицын, действительный статский советник А. П. Озеров. Особую заинтересованность, по словам отца Николая, проявили Д. Е. Остен-Сакен и А. П. Озеров, которые не только часто приезжали в скит, но и пытались оказывать содействие игумену в решении ряда вопросов. Побывал в скиту и главнокомандующий князь М. Д. Горчаков. При этом его первая попытка приехать в обитель оказалась неудачной и даже немного курьезной. Вот как писал об этом 25 октября 1855 г. игумен Николай архиепископу Иннокентию: «Главномкомандующий, ехавши в скит верхом, ...рассматривал план и как-то с лошади упал, поэтому воротился, теперь не так здоров, но ушибу не было, и это будто бы за то, говорят, что он прежде побывал в [татарском] Чуфут-кале, откуда направил было путь в монастырь» [2, д. 44, л. 585–585 об.]. Через несколько дней М. Д. Горчаков доехал до скита, а 5 ноября 1855 г. он присутствовал там на церемонии освящения престола в храме [2, д. 44, л. 620 об.]. 1 ноября 1855 г. в Успенском скиту побывал герцог Георг-Август Мекленбург-Стрелицкий, супруг великой княгини Екатерины Михайловны. Согласно желанию столь почетного гостя, его имя было указано на доске «между высокими посетителями» [2, д. 44, л. 600–600 об.].

В конце октября 1855 г. в Успенском скиту с надеждой ждали приезда императора Александра II, планировавшего прибыть в Бахчисарай к главнокомандующему М. Д. Горчакову. 25 октября отец Николай писал Иннокентию: «В Бахчисарае ожидают государя императора, ...без сомнения, что государю угодно будет посетить и скит, поэтому я хлопочу поочистить везде как следует. Икона на скале кончена, я снял решотвань, подрезал колонны выше балкона, затемнявшие вид иконы, и теперь хорошо» [2, д. 44, л. 584 об. – 585].

Александр II провел в Бахчисарае три дня (с 28-го по 31-е октября 1855 г.), однако в обитель не заехал. 29 октября настоятель сообщал архиерею: «Генерал-адъютанты и флигель-адъютанты государя императора и великих князей (Николая и Михаила Николаевичей. – *Л.М.*) были в скиту, они сказали, что государь император 31-го выедет в Николаев и вряд ли будет в скиту, потому что он спешит в путь. Будет ли великий посетитель в скиту или не будет, но мы ожидаем и по возможности везде поприбрали и подчистили. Жаль будет, если государь не соблагоизволит посетить святую обитель» [2, д. 44, л. 594–594 об.]. 30 октября Александр II и великие князья Николай и Михаил Николаевичи присутствовали на литургии в Бахчисарайском соборе Свт. Николая.

Священнодействовал протоиерей Арсений Лебединцев, который после оставления русскими войсками южной стороны Севастополя временно проживал в Бахчисарайском Успенском скиту и отправлял богослужения в городском соборе. В проведении богослужения отцу Арсению помогали диакон собора Петр Грабенко, дьячок Топузов, а также послушники скита Федор Крохманенко и Евфимий Феклистов, исполнявшие обязанности пономарей. Император остался доволен служением и щедро наградил всех перечисленных духовных лиц: Арсений Лебединцев получил в подарок золотой перстень с бриллиантами, диакон – золотые часы, дьячок – 10 рублей серебром, «пономарившие» послушники скита – по 5 рублей серебром [2, д. 44, л. 600; 21, с. 166–167]. По окончании литургии Александр II поинтересовался у отца Арсения, где он получил наперсный крест на Георгиевской ленте и «во все ли время осады находился в Севастополе» [21, с. 166]. Император сказал ему также, что «постарается посетить монастырь» [2, д. 44, л. 600]. «Мы ожидали, – писал игумен Николай архиепископу Иннокентию, – но не удостоились видеть государя в скиту, 31-го октября в 3 часа пополудни государь изволил выехать из Бахчисарая на Симферополь» [2, д. 44, л. 600].

В декабре 1855 г. Арсений Лебединцев неожиданно получил от архиепископа Иннокентия секретное поручение негласно «вникнуть в состояние Успенского скита (что и как в нем – лица, вещи и пр.)», из чего протоиерей сделал вывод, что преосвященный обителю недоволен [21, с. 177]. Трудно сказать, чем было вызвано подобное поручение: возможно, у Иннокентия действительно был некий повод тревожиться за состояние скита, а, возможно, он просто хотел узнать мнение отца Арсения, которому привык доверять, а секретность была вызвана желанием не привлекать внимания к этой проверке, дабы не бросать ни на кого тень. Так или иначе, но 14 декабря 1855 г. Лебединцев поспешил развеять сомнения архиерея, послав ему положительный отзыв об обители и ее насельниках: «На мой суд, в Успенском ските все – от мала до велика, от лиц до вещей – порядок, служба, самый быт братии внешний и внутренний в настоящее время в прекрасном виде, и должно радовать, а не печалить вас. Богослужение совершается чинно и благогласно. Всяк на своем месте по способностям. Между братией мир и согласие. Ни от кого неудовольствия или ропота на что-либо. Со стороны не слышал нареkania; напротив, похвала обители – в устах многих. А теперь не без значительных судей в Бахчисарае. Трапеза без прихоти, сытна и обильна; в экономии есть все необходимое на потребу. Во внешнем от двора до келий, везде чистота, порядок и благоприличие. 5-го ноя-

бря, по случаю освящения престола, перенесенного на средину алтаря, на приготовленной для важных посетителей закуске нельзя было не заметить, как и здесь все было благообразно и по чину, без излишества и роскоши, но много, вкусно, прилично, чисто, как требовал случай и присутствие таких гостей, как, например, граф Сакен. Военные теперь часто посещают скит, и потому на внешнее приличие не малое требование, которое, впрочем, находят здесь выполняемым. Обхождение настоятеля с братией более братское, чем начальническое, но без фамильярности. Молодые послушники под его надзором, кроме пения, упражняются в письме, катехизисе, русской грамматике и арифметике, а также в разных послушаниях на кухне и на дворе, чтобы сделать из них людей, на все в обители благопотребных. Вы лично знаете этого строителя, коему сие имя вполне приличествует» [21, с. 177–178].

Продолжение строительных работ в обителях Крымского Афона

Во время Крымской войны, несмотря на многочисленные трудности (недостаток денежных и перевозочных средств, нехватка рабочих рук, высокие цены на все), иноки Успенского скита старались обустроить свою обитель. 9 августа 1854 г. началось сооружение колокольни [2, д. 36, л. 307], которое продолжалось и после начала военных действий на полуострове (по словам игумена Николая, «прогнавши неприятеля из Крыма, весьма было бы приятно смотреть на сооруженное здание под выстрелами неприятельскими») [2, д. 36, л. 279 об.]. В сентябре 1855 г. был «совершенно отделан как следует» настоятельский дом [2, д. 44, л. 495 об.]. Весной 1854 г. – осенью 1855 г. на скале была обновлена икона Божией Матери и около нее написаны изображения семи священномучеников Херсонесских [13, с. 236].

Обустривались и другие обители «Крымского Афона». К началу ноября 1855 г. был завершен ремонт церкви Св. Анастасии, началось ее «внутреннее устройство» [2, д. 44, л. 601]. Шли работы и у источника Космы и Дамиана: стараниями послушника Ивана Петрова, приставленного к этому святому месту, была проложена дорога по ущелью к источнику для прохода и проезда туда на одной лошади с повозкой [2, д. 44, л. 584].

Таким образом, судьба православных обителей и монашества Крыма в 1854–1856 гг. добавляет важные детали как к процессу становления Русского, или Крымского, Афона, так и к военно-бытовой и духовно-религиозной составляющей Крымской войны. Военные действия на полуострове осложнили и даже временно приостановили устройство

в Крыму отечественного центра пустынножителства, но не заставили отказаться от воплощения этой идеи. Иноки старались по возможности остаться в своих обителях и сохранить их. Монашество Крыма вносило свой посильный вклад в борьбу с врагом: иеромонахи Бахчисарайского Успенского скита занимались духовным окормлением раненых и больных воинов в госпиталях Бахчисарая, иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря, находившиеся на кораблях Черноморского флота, вместе со своими экипажами участвовали в героической обороне Севастополя, а те из них, что оказались в плену в оккупированной обители, молились о победе русского оружия. События, происходившие на территории Балаклавского Георгиевского монастыря, занятого англо-французскими войсками, в определенной степени характеризуют не только русское православное духовенство, но также представителей противоположной стороны. В отличие от Отечественной войны 1812 года французские солдаты в массовом порядке уже не грабили и не оскверняли христианские святыни, а относились к ним с уважением, часто посещали службы. Это позволяет сделать вывод, что к середине XIX в. во Франции наметился определенный католический ренессанс, а религиозная составляющая занимала значительное место в армиях всех участников этого грандиозного военного противостояния, начавшегося в том числе и по церковно-политическим причинам.

Библиографический список

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф.Р-567. Оп.6.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.313. Оп.1.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.9196. Оп.11/270. Св.3.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.135.
5. РГИА. Ф.796. Оп.136.
6. РГИА. Ф.797. Оп.24. Отд.2. Ст.2.
7. РГИА. Ф.797. Оп.25. Отд.2. Ст.2.
8. РГИА. Ф.797. Оп.97.
9. РГИА. Ф.806. Оп.5.
10. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря / Публ. А.Гроздова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1888. Т.5. С.81–105.
11. Берг Н.В. Записки об осаде Севастополя. Т.1. М.: тип. Каткова и К°, 1858. 264 с.

12. Богданова Т.А. Из крымской переписки Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Отв. ред. М.И.Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С.305–360.
13. Богданова Т.А. Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму (по письмам 1849–1857 гг.) // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Отв. ред. М.И.Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С.216–247.
14. Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Симферополь: Таврия, 1989. 102 с.
15. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т.2. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1900. 516 с.
16. История флотского духовенства / Сост.: А.Б.Григорьев. М.: Андреевский флаг, 1993. 79 с.
17. Калиновский В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь: Антиква, 2012. 340 с.
18. Крестьянников В.В. Роль митрополита Агафангела (Тибальдо) в возрождении Балаклавского Георгиевского монастыря // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь: Арефьев, 2006. С.23–28.
19. Крестьянников В.В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь: Арефьев, 2006. С.18–23.
20. Лебединцев А.Г., прот. Из дневника священника в осажденном Севастополе. М.: Синод. тип., 1908. 33 с.
21. [Лебединцев А.Г., прот.] Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церковей и духовенства во время одиннадцатимесячной осады Севастополя. Киев: тип. «Корчак-Новицкого», 1896. 185 с.
22. [Ливанов Ф.В.] «Георгиевский монастырь» в Крыму (что близ Севастополя и Балаклавы). Историческое описание составлено и издано для путешественников Ф.В.Ливановым. М.: тип. «Современные известия», 1874. 25 с.
23. Маркевич А. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. Т.31. С.30–57.
24. Мельникова Л.В. Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Вестник церковной истории. 2007. №4 (8). С.73–88.

25. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с.
26. Мельникова Л.В. «Русский Афон» в Крыму архиепископа Иннокентия (Борисова): проблемы изучения // Российская история. 2022. №6. С. 128–149.
27. [Никон, архим.] Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. Описан настоятелем монастыря архимандритом Никоном. Чернигов: тип. Ильин. монастыря, 1862. 23 с.
28. Попов А.В. Успенский Бахчисарайский монастырь. История, архитектура, святыни. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 183 с.
29. Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 годов. Сообщ. Т.Толычева // Русский вестник. 1880. Т. 149. №9. С. 181–205.
30. Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. №53.
31. Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. №99.
32. Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. 2-е изд. Киев: Стилос, 2006. 247 с.
33. Шавшин В.Г. Балаклава. Исторические очерки. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 264 с.

В русской революции поражает прежде всего ее нелепость...

Максимилиан Волошин

Заблуждение не перестает
быть заблуждением
от того, что большинство
разделяет его.

Лев Толстой

**Варган Эйриян,
Алексей Юрченко**

**«НЕ МОГУ ПОНЯТЬ,
КАК ГЕНЕРАЛЫ МОГЛИ
ТАК ЗАБЛУЖДАТЬСЯ»:**

**ЭВОЛЮЦИЯ
ВОЕННОГО ВОПРОСА
В 1917 г.**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47).084.1

В статье рассматривается эволюция русской армии в марте – августе 1917 г. Проводится анализ отношений между офицерами и солдатами в России после принятия Приказа №1 и формирования выборных армейских комитетов. Характеризуется восприятие современниками военного вопроса и офицерства как социальной категории. Делается вывод о том, что в основе антагонизации командного состава и солдатства лежала проблематика идентичности. Невозможность сплочения офицерства рассматривается в качестве одного из основных факторов отсутствия у командного состава единой повестки, что, в свою очередь, повлекло дальнейшую радикализацию офицерства и привело к выступлению Л.Г.Корнилова. Подчеркивается, что на фоне политизации военного вопроса стремление офицерства деполитизировать повестку, придерживаясь линии на непредрешистество, не способствовало усилению его позиций.

The article examines the evolution of the Russian army in March – August 1917. The relations between the Russian officers and soldiers after the adoption of the Petrograd Soviet Order №1 and formation of the elected Army Committees are being analyzed. The perception of the military issue and officers as a social category by contemporaries is being characterized. It is made a conclusion that it was the identity dimension which the antagonism between commanders and soldiers was pivoted in. The inability to unite officers is treated as one of the main factors in the lack of a unified agenda for the command staff and its further radicalization, which resulted in the Kornilov affair. It is emphasized that against the background of the politicization of the military issue the desire of officers to depoliticize the agenda, adhering to course of non-predetermining, did not contribute to strengthening its positions.

Ключевые слова: Временное правительство; офицерство; Л.Г.Корнилов; А.Ф.Керенский; Союз офицеров армии и флота.

Key words: Provisional Government; Officers; L.G.Kornilov; A.F.Kerenskiy; the Union of Army and Navy Officers.

E-mail: vartan_admg@mail.ru, alex.alex.u@mail.ru

Военный вопрос, столь остро проявившийся в 1917 г., обладает множеством измерений, и ни одно из них не может претендовать на звание незаслуженно забытого: на протяжении уже века научно-исследовательское сообщество обсуждает, какова была роль офицерства и солдат в событиях 1917 г., можно ли было спасти распадающийся фронт, в чем заключалась специфика солдатской психологии и др. Не страдает история революционного года и узостью источниковой базы: помимо огромного количества документов, современники оставили нам множество источников личного происхождения, помогающих прояснить отношение самых разных лагерей к событиям, изменившим облик страны. Тем не менее, несмотря на большое количество что нишевых, что обобщающих исследований, все еще сохраняется потребность в генерализации полученного знания.

В рамках нашей работы не ставится задача ответить на все вопросы, связанные с военным измерением в 1917 г. Вместо этого предпринимается попытка понять, как в глазах современников выглядела система взаимоотношений между офицерством и солдатством и почему одним из итогов ее эволюции стало выступление Л.Г.Корнилова. С целью обобщить, по какой причине один из традиционных институтов, считавшийся оплотом империи, в роковой период не смог донести до общества свою позицию и выступить гарантом сохранения страны даже в постфевральских условиях, авторы обращаются к архивным источникам и эго-документам представителей как революционной демократии, так и высшего командного состава.

На пути к кризису

Приказ №1, изданный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) в начале марта 1917 г., быстро вышел за пределы столичного гарнизона, вступив в силу и на фронте. Акт не только закрепил процесс демократизации в армии, но и сформировал положение, при котором солдат де-факто переходил из рук офицерского командного состава под контроль соответствующих выборных органов – армейских комитетов, чьи полномочия распространялись на политическую и хозяйственную сферы [18, с.334; 24, с.166]. Общественностью антиофицерский характер перемен и ликвидация единоначалия были встречены с негодованием. «Со всех сторон стали доходить слухи, что офицеров изгоняют, арестовывают. ...Из различных мест сообщалось о насилии над офицерами», – вспоминал В.В.Шульгин о весне 1917 г. [29, с.145–146].

Сделанное козлом отпущения офицерство отнеслось к солдатским выборным органам негативно: придерживаясь курса на возвращение преж-

них армейских устоев, командный состав настаивал если не на полной ликвидации, то на существенном ограничении компетенций постоянно вмешивающихся в их распоряжения комитетов [11, с.207–208; 17, с.99–101; 18, с.394]. В дальнейшем участники Белого движения будут видеть прямую связь между развалом армии, итогом которого, по их мнению, стало подписание Брестского мира, и принятием Приказа №1 [17, с.103].

Впрочем, высказанная впоследствии белыми эмигрантами позиция не нашла поддержки у представителей революционной демократии: ее ведущие деятели приняли вызов, выдвинув иную точку зрения, согласно которой процесс разложения военных структур и, в частности, ухудшение отношений между офицером и солдатом начались задолго до революции [15, с.136–153; 28, с.153]. Стремясь обосновать этот тезис, лидер правых эсеров В.М.Чернов и один из главных героев 1917 г. А.Ф.Керенский сконцентрировались на следующих факторах.

Прежде всего, левым спектром было указано на отсутствие в России психологии «великой войны»: деревня, обладавшая основным мобилизационным потенциалом, столкнулась с бесконечными призывами, в т. ч. и резервистов, что в условиях непонимания целей конфликта вызывало лишь негодование и злобу, множившиеся на аполитичность крестьянства, которая способствовала формированию представлений о войне как о чем-то чуждом и ненужном [28, с.151–152].

А.Ф.Керенский – один из ключевых политиков 1917 г., последовательно занимавший должности министра юстиции, а также военного и морского министра. С июля 1917 г. являлся министром-председателем Временного правительства

Армия же, согласно А.Ф.Керенскому, была превращена самодержавием в «полицейскую организацию» [15, с. 138], в рамках которой постоянно существовал дуализм слежки офицера за солдатом и солдата – за офицером. Последнему эта функция претила, а рядовые видели в командном составе агентов «охранки», в силу чего говорить о поддержании благожелательной атмосферы в одном из важнейших институтов государства не приходилось. Более того, в левой среде популярно было восприятие позднеимперской армии в качестве «осколка старого русского крепостничества»: выражалось это, как полагали представители демократического лагеря, в уничижительном отношении аристократического офицерства к солдату [1, д. 7, л. 1–2; 15, с. 138–140].

«Снарядный голод» и некачественное обеспечение армии обмундированием способствовали развитию дезертирства и создавали невыносимые условия для существования русского солдата на фронте. В конечном итоге его вера в победу угасала, а недовольство в отношении командного состава, отдающего неудачные приказы, увеличивалось [7, с. 159–161; 28, с. 155–161].

Критиковали авторы концепции и самодержавный курс, направленный, по их мнению, на истребление либерального инакомыслия среди кадрового элемента в армии: в кадетских корпусах, сообщали они, путем «вдалбливания примитивных, но беспрекословных» политических идей шла работа по созданию особой военной касты, отчужденной от настроений мыслящей России [15, с. 141]. Водоразделом, с которого в оплоте монархии начал проследиваться процесс отрезвления, стал 1905 г., когда страна столкнулась с наиболее болезненными поражениями русско-японской войны и уже открытыми революционными процессами: офицерство стало осознавать последствия сохранения архаичных армейских традиций и назначения некомпетентных командующих. Первая мировая война, в свою очередь, эти тенденции лишь подстегнула: «Не только Гучков превратился в революционера в 1915 году. В то время подобные настроения разделяло большинство русских офицеров, даже еще не ставших революционерами» [15, с. 147; 28, с. 296].

Современники поразившего Россию в начале XX в. кризиса утверждали, что разложение армии явилось следствием устаревшей военной системы, несостоятельность которой показали неудачи империи на полях сражений Первой мировой войны [7, с. 142]. Революция же всего-навсего вскрыла давние раны: «Развал армии произошел не от образования комитетов, а комитеты были выражением глубокого психологического развала армии», – расставлял акценты А.Ф.Керенский [13, с. 415]. В его представлении Приказ № 1, несмотря на его разрушительную силу, был

волеизъявлением самого народа, выплеснувшего всю свою обиду за паллиативные меры по повышению уровня его жизни, которыми долгое время, как казалось многим, ограничивалось правительство. Не стоит удивляться, что при таком подходе вина была переложена исключительно на имперскую власть, не сумевшую найти консенсус с населением, в то время как многострадальный народ воспринимался как актер, поддавшийся стихийному желанию избавиться от сковывавших его ограничений.

**Военный вопрос в 1917 г.:
офицерство vs солдатство?**

В 1917 г. тем самым яблоком раздора, из-за которого фрагментации и поляризации подвергся не только фронт, но и вся страна, стал военный

вопрос. 15 марта Петросовет опубликовал обращение «К народам всего мира», в котором закреплялась артикулированная революционной демократией позиция непринятия империалистического характера войны [21, с.323–324]. Петросоветом было взято на себя обязательство оказывать давление на правительство, чтобы оно отказалось от завоевательных задач, ранее преследуемых царизмом [4, д. 1, л. 8]. Желаемого социалисты, как тогда виделось, достигли: вскоре власть декларировала, что «Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов» [22, с. 1]. Отказ от захватнической войны, впрочем, не подразумевал стремления немедленно заключить сепаратный мир с Германией [4, д. 1, л. 8–9, 12–13]: Россия более не руководствовалась лозунгом войны до победного конца, она лишь желала «почетного мира», который был невозможен, пока у власти находился Вильгельм II [2, д. 61, л. 1–2]. Но что скрывалось за этой формулировкой и что могло привести к ее претворению в жизнь – ставка на оборону или же переход в наступление? Апрельские заседания съезда фронтовых делегатов показали, что ждать от армии четкого ответа пока рано: военный человек «по многим вопросам еще не высказался окончательно» [4, д. 1, л. 11].

В самом начале революции между офицером и солдатом разверзлась пропасть. Популярно мнение, что ее спровоцировало то «мимолетное опоздание», с которым офицерство приняло участие в начавшемся революционном движении: командиры, вместо того чтобы его подхватить, возглавить выход солдат на улицу и тем самым сохранить армейские порядки, растерялись и самоустранились [24, с. 70–76; 25, с. 82, 105]. Это привело

к тому, что волна «серых шинелей» вылилась на улицы Петрограда без офицеров и, что важнее, против них. Часть последних была убита или арестована, часть же, напротив, вскоре приняла революцию и присоединилась к «хору общенародных славословий» [28, с.300]. Конечно, были в офицерской среде и те, кто вовремяотреагировал на разразившуюся бурю. Примером таких людей можно считать членов учрежденного «Союза офицеров-республиканцев народной армии» под председательством В.Н.Филипповского. Целью организации было укрепление социально-политических завоеваний революции, а ее представители вошли в контакт с органами революционной власти – Исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Военной комиссией при Временном комитете Государственной Думы [1, д. 2, л.3–4]. Но подобные исключения служили лишь подтверждением общего правила.

Большая часть полков не доверяла своим командирам, видя в каждом из них провокатора и реакционера: бездна между двумя столпами армии ширилась, и доказательством этому, как отмечали В.М.Чернов и Н.Н.Суханов, служил пятый параграф Приказа №1 [25, с.117; 28, с.301]. «Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям», – обоюдная подозрительность и взаимное недоверие стали данностью, зафиксированной в источнике [27, с.89–90].

Фрагмент мартовского номера «Народной армии», печатное издание «Союза офицеров-республиканцев народной армии»

На этом фоне не кажется странным, что представителями революционной демократии был поднят вопрос искренности признания офицерским корпусом свершившейся революции. Левый спектр стремился характеризовать отношение офицерства к действительности 1917 г. посредством восстановления психологического портрета командного состава. Большая его часть, в представлении которой страна работала на армию, а не наоборот, категорически не осознавала масштаба и последствий февраля: военное руководство приняло свержение монархии, но было абсолютно не готово к последовавшему радикальному переустройству армии [7, с.89–90; 28, с.294–295]. По этой причине, подозревали левые, генералитет и часть офицерства, разочаровавшись в революции, остались в душе реакционерами, скрывавшими свою ненависть к «взбунтовавшейся черни» [7, с.273; 28, с.293].

Следует учитывать и то, что лозунг «За землю и волю!» никак не мотивировал большинство офицеров, чью землю в будущем могли экспроприировать. Вкупе с другими рестрикциями это вылилось в то, что офицерский корпус оказался оторван не только от солдата, но и от самой войны – не посещал учения, не участвовал в митингах и собраниях полковых комитетов. Как отмечал В.Б.Станкевич, «офицеры гуляют по пляжу, по целым неделям, не показываясь в роты» [24, с.197], поэтому неудивительно то, что солдат их «за сволочь считал» [7, с.269]. Чуждые пониманию офицеров идеи, привнесенные нахлынувшей в армию политикой, вводили их в ступор. Неспособность командиров объяснить своим подчиненным суть новых революционных теорий и многообразие всевозможных общественно-политических течений лишь убеждала последних в некомпетентности их начальства [24, с.195–196].

Показательно, что и представителями революционной демократии признавалось, что в основе любого объединения, будь то страна или армия, должна лежать соответствующая государственная доктрина. Необходим был всеобъемлющий призыв, который придет на смену своему предшественнику. Наследником квинтэссенции монархизма «За Царя и Отечество!» должна была стать другая идея, однако ее формула никак не могла быть найдена либо же не была универсальной, вследствие чего концептуальный вакуум сохранялся. Заставшие 1917 г. не могли не отдавать себе отчет, какое значение в условиях открытого государственного кризиса имела военная идеология. Когда старые скрепы рухнули вместе с самодержавием [15, с.183; 28, с.295–300], для реформирования и революционизирования армии, по их мнению, требовалось четкое осознание каждым своего гражданского долга и соблюдение дисциплины без необходимости прибегать к физическому принуждению. Бороться же следовало не с офицерством как таковым, ведь

его не следовало рассматривать в качестве паразитирующей страты, а с причинами и источниками разложения, ведущими страну к распаду.

Если зревшие недоверие и злоба рядовых к своим командирам вырвались наружу волной слепой ненависти, полагали представители революционной демократии, то недовольство из-за продолжавшейся войны перешло в фазу общенародного отказа от боевых действий [23, с. 979–984; 24, с. 161–164]. Подписание «позорного» сепаратного мира на тот момент отвергали как члены Временного правительства, так и деятели Советов, в т. ч. большевики и циммервальдцы¹, проповедовавшие мир без аннексий и контрибуций между воюющими сторонами [9, с. 107; 13, с. 413; 14, с. 249]. Необходимость восстановления боеспособности армии вытекала не только из самого факта ее разложения, но и из обстановки на фронте, военные действия на котором не прекращались [15, с. 163–165]. Деятели 1917 г. разрабатывали всевозможные модели военных реформ, надеясь тем самым поставить под контроль самочинно образовавшиеся военные комитеты или хотя бы регламентировать их деятельность. Большинство склонно было считать, что комитеты предотвратили внутреннее сторание фронта, но по мере возрождения армии вопросов к ним становилось все больше, некоторыми они уже начинали восприниматься в качестве рудимента [24, с. 145–147; 28, с. 297–298]. Так или иначе, именно за комитетами была закреплена задача по созданию новой революционной армии путем кристаллизации ее структурных элементов. Следует отметить, что хаотичный характер формирования комитетов также свидетельствовал об их неоднородности. «Комитетизации» очень быстро оказался подвержен весь фронт: Советы заполнили всю тактическую иерархию от полка до армии, но без унификации и кодификации норм их функционирования оставалось лишь констатировать торжество местных порядков.

Очевидцы переломных событий 1917 г. сходились во мнении, что скорейшее упразднение солдатских выборных органов в условиях постоянных военных действий невозможно. Стихийно возникший феномен комитетов и комиссаров постепенно должен был претерпевать систематизацию и становиться не бременем, а опорой армии [2, д. 219, л. 1–4; 8, с. 78–89]. На вопрос, чем же являлись комитет и комиссар для офицера старой закалки, в своем дневнике ответил Л. Н. Новосильцев, председатель «Союза офицеров армии и флота». «Начальник очутился под опекой Комитетов

¹ Циммервальдцами называли подписантов резолюции, разработанной представителями ряда социалистических партий Европы и принятой в 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд, а также сторонников обозначенных в документе позиций. Авторы источника призывали воюющие державы немедленно прекратить военные действия.

и Комиссаров. Опекаемый, контролируемый, без власти и ответственный и перед начальством и подчиненными», – с горечью характеризовал он обстановку в армии. Новообразованный институт комиссаров виделся ему «жандармерией социалистического правительства» [3, д. 8, л. 5, л. 8].

Ситуацию усугублял и социальный фактор, ведь зачастую представителями новой власти в армии становились не только солдаты, но и бывшие каторжане – убийцы и террористы [Там же, л. 6], для которых не так давно генерал представлял лишь потенциальный объект для покушения [24, с. 91]. Такая обоюдная неадаптированность сторон к совместной работе усиливала недоверие солдатской массы к своим командирам. Так, в период летней кампании 1917 г. отсутствие у начальства авторитета в глазах рядовых привело к трагическим последствиям [10, с. 61–65]: «В ставку поступали самые ужасные сведения – там убили командира полка, там стреляли в офицеров, выбрасывали раненых из вагонов, занимая составы и приказывая машинисту ехать туда, куда желала обезумевшая толпа» [3, д. 8, л. 3].

В офицерской среде особенно актуальной стала проблема идентификации и консолидации. Командный состав разделился: часть кадровиков не смогла смириться с процессом демократизации армии, некоторые, как А. И. Верховский или представители «Союза офицеров-республиканцев Народной армии», положительно отнеслись к деятельности комитетов, а остальные просто двигались по течению. Офицерство, де-факто никогда не являвшееся монолитной социальной категорией, не смогло объединиться даже в такой ответственный момент: период, ставший переломным как для государства, так и для страты, требовал от последней гомогенизации, срочного сплочения ради отстаивания как своих корпоративных, так и национальных интересов.

Попытки объединить военных вокруг консенсуса по какому-либо вопросу постоянно сопровождалась все новыми трудностями. Как уже было замечено, не все командование воспринимало новоявленные комитеты исключительно негативно. Так, А. С. Лукомский в личной беседе с Л. Н. Новосильцевым защищал институт комитетов, «находя от них пользу в хозяйственном отношении» [Там же, л. 8]. В этом случае важно не столько то, искренними ли были слова начальника штаба Верховного главнокомандующего (зачастую реальная позиция штабистов была куда жестче, о чем свидетельствует выражение М. В. Алексеева «совет "собачьих" депутатов») [5, с. 33], сколько реакция на них его собеседника: «Не могу понять, как генералы могли так заблуждаться. Я лично и большинство членов нашего комитета («Союз офицеров армии и флота». – *авторы*), кроме вреда, от них ничего не видели» [3, д. 8, л. 9].

Полярность мнений при решении что принципиальных, что вторичных, вопросов демонстрировала разлад среди командного состава, накладывающийся на атмосферу глобального социально-политического беспорядка, царившего во всей армейской системе. Представители революционной демократии предпочитали акцентировать внимание на солдатской психологии «отстранения и непринятия» контрреволюционного офицерства, однако очевидно и то, что не последнюю роль в формировании этого феномена сыграла позиция самого военного командования.

В подобных условиях в едином организме, которым являлась армия, необходимо было соотносить реальность с жесткой разграничительной линией, проводимой армейским руководством, отделявшим себя от солдат по профессионально-субординационному критерию. Симптоматичным видится пример прошедшего в мае 1917 г. Всероссийского съезда «Союза офицеров армии и флота», который, как следует уже из его наименования, противопоставлял себя общевоенным организациям. На собрании обсуждался вопрос предоставления солдатским делегатам права участия в съезде с совещательными полномочиями. В атмосфере всеобщего ажиотажа было заслушано мнение лишь одной из сторон – противников такого решения, в то время как мнение оппонентов было затушевано председательствующим Д.А. Лебедевым. «Почему, когда приходится говорить или совещаться офицерам, всегда возникает вопрос: а как же солдаты? ...офицеры – офицерами, а солдаты – солдатами: смешивать одно с другим нельзя. Вопрос о солдатах лишь одна из тех палок, которые вставляются начинающему съезду в колеса». «Если введем чуждый офицерам элемент, то внесем развал в начинающийся союз». «Кухарки объединяются, а нам, офицерам, объединиться нельзя, ведь это позор! – офицеры проливают три года кровь, а говорить свободно не могут!» [1, д. 4, л. 1].

Альтернативная позиция, сводившаяся к тому, что офицерское объединение не только не способствует предотвращению вражды между командованием и солдатами, но и всячески вредит ему, предполагала, что восстановление дисциплины должно проходить под лозунгом консолидации: «Офицеры, противопоставляя свою власть солдатским интересам, вносят разлад» [Там же, л. 2]. По итогу, когда голосование все же состоялось, голоса распределились таким образом, что сторонники предоставления солдатам совещательных полномочий все же оказались в незначительном большинстве (48 голосов «за» и 42 – «против») [Там же, л. 1]. Даже конечный результат этого голосования, явившегося лишь одним из многих эпизодов истории 1917 г., показывает, что офицерство не было единой общностью, противостоящей нападкам революции: офицерское сообщество было раз-

рожденным и делилось по множеству критериев как социально-экономического, так и идеологического характера. Присутствовавшие на рассмотренном нами съезде солдатские делегаты оставили нам свою «классификацию» командного состава России того периода [Там же, л.3]. В первую категорию попали офицеры, целью которых было создание «корпоративного» союза, ведь лишь в его рамках, по их мнению, можно было найти выход из создавшегося положения; во вторую – офицеры-граждане, убежденные, что сугубо офицерское объединение пользы Родине не принесет. Представители этой группы, как полагали солдаты, чувствовали специфику момента и отдавали себе отчет в невозможности поднятия дисциплины в войсках и устранения разрухи в армии без отказа от чрезмерной дифференциации солдатства и офицерства, а также от демонстративного разграничения интересов «верхов» и «низов» в военных структурах. В последнюю группу были записаны офицеры, не сложившие собственного представления о происходящем и отказывающиеся от перехода на ту или иную сторону. Как видно, категоризация офицерства проводилась исключительно на основе идентитарного измерения: в сложившихся условиях солдат не интересовало практически ничего, кроме готовности командного состава отождествлять свои надежды со стремлениями рядовых.

Армия вне политики?

Специфической выглядела и занятая частью офицерства позиция непредрешенчества, ставшая в дальнейшем одной из отличительных черт политической повестки Белого движения. В глазах командного состава политизации могли подвергаться вопросы земельный, рабочий и государственный, включавший в себя такие компоненты, как определение будущей формы правления и нюансы проведения Учредительного собрания, но не военный: «...у нас в армии полный развал, надо прежде всего спасти Россию, а затем уже говорить о республике» [Там же, л. 1]. Впрочем, в условиях 1917 г. армия уже была насквозь пропитана политикой, вследствие чего любые вопросы, обсуждавшиеся в военной среде, так или иначе подходили под определение политических, даже если офицерство не желало этого признавать. Данный феномен нашел свое отражение в мемуарах А.И.Деникина, отмечавшего, что Л.Г.Корнилов не имел определенной политической программы [11, с.423]. В то же время не учитывалось, что его требование ввести смертную казнь на фронте и стремление провести унификацию и кодификацию правовой базы функционирования комитетов и комиссаров и так являлись подобной программой *per se*. Отторжение

офицерством сферы, ассоциировавшейся у военного командования исключительно с гражданским измерением, привело к потере им возможности внятно артикулировать собственную повестку в те месяцы 1917 г., когда еще существовала теоретическая возможность ее рассмотрения.

Непонятым в сложившейся обстановке оставался и вопрос, сохранится ли вообще в обозримой перспективе понятие высшего командного состава. На фоне того, как часть общественности полагала, что Ставка Верховного главнокомандующего является «рассадником реакции», объединившим представителей праворадикальных течений, допускалась реализация модели, при которой объединение солдат и демократической части офицерства должно было осуществляться посредством активизации деятельности Советов: результатом этого стала бы ликвидация двоевластия в армии путем не восстановления дисциплинарного авторитета начальства, а увольнения большей части возрастного армейского руководства. Тем не менее, рассуждая о т. н. «гучковской чистке»² в армии и потенциале ее интенсификации, а также сравнивая масштаб кадровых перестановок в России и Франции, В.М.Чернов полагал, что отечественные реалии – это лишь «детская игра» [28, с.298]. По мнению политика, первое коалиционное правительство фактически отстранилось от проведения репрессивного курса, отдав предпочтение более компромиссной линии и тем самым оставив офицера между молотом и наковальней, т. е. солдатом и генералом. Судя по всему, В.М.Чернов исходил из той предпосылки, что всколыхнувшая армию революция должна была спровоцировать реорганизацию армии посредством кристаллизации низовых элементов, а не проведения очередных рокировок сверху.

Имелась и обратная точка зрения, согласно которой возможность сближения комитетов и командования на основе общности их целей, а именно защиты Родины от внешней угрозы, все же существовала. Полная ликвидация генералитета в военное время привела бы к краху армии, а потому сохранение двоевластия, полагали некоторые, есть мера вынужденная, ее временный характер якобы обусловлен постепенностью процесса отмирания солдатских выборных органов. Так, по мнению комиссара Северного фронта В.Б.Станкевича, кадровые перестановки несли больше вреда, чем пользы, так как проблема была не в том, чтобы избавиться от плохих командиров, а в том, чтобы найти хороших. Чистка высшего командного

² «Гучковская чистка» – проведенная в 1917 г. по инициативе Военного министра Временного правительства А.И.Гучкова чистка командного состава Русской армии. В отставку были отправлены десятки представителей генералитета, что наложило существенный отпечаток на боеспособность вооруженных сил России.

состава, рассуждал он, лишь порождала атмосферу растерянности, что в свою очередь опустошало и демотивировало командование, «превращало его в бесцветную, растерянную массу» [24, с. 170–172].

Программа А.И.Гучкова по реорганизации и демократизации армии, заслужившая диаметрально противоположные оценки современников, порой воспринималась и как попытка восстановления авторитета военного начальства и возвращения доверия солдат путем «возможных и невозможных уступок», выраженных в фиксации уже действующих порядков. Тем не менее утолить аппетиты солдатской массы было невозможно: старые требования, подчеркивал А.Ф.Керенский, сменялись все новыми [13, с.417]. В результате деятельность военного министра не приблизила его к «низам», но лишила доверия генералов, лишь усугубив ситуацию и доведя самого архитектора реформ до отставки. Преемник А.И.Гучкова на посту военного министра будет акцентировать внимание на том, что сложившаяся ситуация была настолько критична, что генералитет изъявил желание назначить на эту позицию А.Ф.Керенского, человека штатского и не имевшего представления об управлении подобными структурами [13, с.418–419; 15, с.173].

Если в отношении армии очевидцы событий 1917 г. в чем-то и были уверены, так это в том, что она находится в глубоком кризисе: революционное движение, грозившее ликвидировать все, что ассоциировалось с царским строем, готово было поразить и высшее командование. Долго формировавшаяся в армии бинарность солдатства и офицерства привела к неготовности двух категорий слышать друг друга. Итогом этой социальной болезни стало кратное ослабление боеспособности вооруженных сил, в которых солдат искренне не понимал, за что он уже какой год проливает свою кровь на полях сражений, в то время как жизнь буржуазии вследствие войны, как ему казалось, практически не изменилась. Политика первого военного министра Временного правительства не смогла удовлетворить ни левых, ни правых, лишь усилив антагонизм между вынужденно противоборствующими сторонами. А.И.Гучков отказался подписать де-факто уже вступившую в силу «Декларацию прав солдата», и детище комиссии генерала А.А.Поливанова перешло по наследству новому главе ведомства, «буферу» между командованием и солдатом – А.Ф.Керенскому.

Возглавив министерство, он уже с мая 1917 г. начал осуществлять активную деятельность по восстановлению порядка в армии: вызывавшая в генеральской среде негодование «Декларация прав солдата» была скорректирована таким образом, чтобы все же несколько повысить влияние командиров, которым, в свою очередь, А.Ф.Керенский новым приказом запретил подавать прошения об отставке. Кроме того, к июню

была проведена работа по формированию подотчетного правительству института фронтовых комиссаров [15, с. 174–175].

Апрельская нота П.Н.Милюкова и последовавшие за ней волнения спровоцировали в обществе психологический перелом и привели к осознанию деятелями демократического лагеря того, что борьба за мир нереализуема вне войны. События апреля 1917 г., как могло показаться, наглядно продемонстрировали европейским государствам бессилие революционного правительства и неспособность России продолжать военные действия. Призывы демократии ко всеобщему миру без аннексий и контрибуций отклика на международной арене не нашли, а потому идеология войны, т.е. по сути политика укрепления фронта, отодвинула на второй принципы «Воззвания к народам всего мира» от 14 марта 1917 г. Новая Россия оказалась вынуждена доказывать остальным державам, что с ней нужно считаться и списывать ее со счетов еще рано: «...громом побед заставить иностранное мнение прислушаться к России, к голосу ее демократии» [9, с.93–112]. Именно по этой причине, несмотря на все противоречия, избежать активных действий на фронте было, судя по всему, невозможно [24, с. 107–124]. При этом военный конфликт выступал в качестве катализатора, ускорявшего процессы идентификации в стране и армии в частности: в представлении многих солдат, как отмечал А.И.Верховский, Родина была ограничена территорией их родных губерний, находящихся далеко от войны, в двери которых она никогда не постучит [7, с.268–270, 274], вследствие чего укреплялся парадокс необходимости ведения военных действий при отторжении их со стороны рядового состава.

Рассмотренные нами тренды начали видоизменяться после провала выступлений 3–5 июля 1917 г.: современники констатировали «переход от слов к действиям» – к твердой власти, умеющей приказывать [9, с. 184; 12, с.81–94]. Об ужесточении курса в отношении армии и централизации власти свидетельствовали назначение Б.В.Савинкова на пост управляющего Военным министерством и карьерный взлет генерала Л.Г.Корнилова [6, с.43–45; 12, с.86]. Временное правительство было объявлено «правительством спасения» революции, положив тем

А.И.Гучков – один из лидеров партии «Союз 17 октября», в марте – мае 1917 г. занимавший должность военного и морского министра Временного правительства

самым конец двоевластию. Отказ от половинчатых мер и паллиативов был подтвержден введением на фронте военно-революционных судов [24, с. 189–191]. Перестала носить локальный характер и борьба с большевизмом, в особенности с окопным: связанные с партией печатные издания были закрыты, а лица, воспринимавшиеся в качестве ее провокаторов, подверглись аресту [24, с. 182–202; 26, с. 5].

Начали проявляться и последствия кадровых рокировок в командном составе: офицерский авторитет все же стал восстанавливаться, отмечали современники [20, с. 158–159; 26, с. 146–147]. Особо отличился командующий Московским военным округом А.И.Верховский, который, действуя совместно с Московским советом солдатских депутатов, смог нормализовать ситуацию среди «солдат–папиросников» [7, с.303]. Постепенно складывался феномен «здоровых полков»: ни одно формирование не было защищено от большевизации, однако она, выражаясь языком В.С.Войтинского, была подобна болезни, проявлявшейся в неисполнении приказов и самосудах над офицерами и носившей краткосрочный характер, а потому быстро проходила и «в течение некоторого времени полк выздоравливал и считался надежным» [9, с.191–192]. На фоне этих позитивных сигналов складывалось ощущение, что процесс оздоровления армейских структур вошел в колено, а военные кампании 1917 г. еще могут увенчаться успехом.

В то же время на летние неудачи на фронте отреагировали не только правительство и солдаты, но и само военное командование. С одной стороны, Тарнопольский прорыв и большевистское выступление позволили обвинить В.И.Ленина и его сторонников в попытке прорыва «внутреннего фронта» [12, с.90], с другой – следствием поражения стало складывание у армейских верхов чувства «оскорбленного патриотизма» [24, с. 171]. Генералитет, позабыв дореволюционные неудачи российской армии в Первой мировой войне, переложил ответственность за летнюю катастрофу на саму революцию за ее разрушительное влияние на солдата. С точки зрения А.И.Деникина, переход офицерства в скрытую оппозицию Временному правительству был предопределен именно провалом летнего наступления [11, с.435]. На совещании 16 июля командующим была изложена т. н. программа реванша, состоявшая из положений, направленных на упразднение комитетов, восстановление дореволюционных порядков и полномочий командиров. Именно эти пункты в дальнейшем станут концептуальным базисом корниловского движения [12, с. 86].

Правительство же смотрело на сложившуюся ситуацию сквозь совсем иную призму: А.Ф.Керенский видел, что основная часть работы по восстановлению фронта (борьба с дезертирами, «прогерманцами» и т. д.)

выполнялась комиссарами и армейскими комитетами, а не командованием, авторитет которого был слишком шатким. Одной из причин разногласий между А. Ф. Керенским и высшим командным составом являлась диаметрально противоположные позиции по вопросу войсковых выборных органов. Для министра Временного правительства была очевидна vitalность комитетов, чья роль в восстановлении дисциплины в армии ему сложно было переоценить, в то время как генералы, полагал политик, своей чрезмерной муштрой продолжали настраивать против себя солдатскую массу. Прошедшее в августе 1917 г. Государственное (Московское) совещание, на котором как Л. Г. Корнилов, так и А. М. Каледин будут критиковать положения «Декларации прав солдата» и выступать с требованием их пересмотра, приведет председателя Временного правительства к мысли, что консенсуса с генералитетом, не желающим вести по этому поводу переговоров, ожидать не стоит [10, с. 61–65, 73–76; 11, с. 219].

Оздоровление армии – долгий процесс, в котором любой резкий и необдуманный шаг может спровоцировать стремительное разложение. Впоследствии именно этим А. Ф. Керенский будет оправдывать невозможность решить все проблемы военных институтов одним решением, а не бесконечными полумерами, которые казались командованию нескончаемыми. В июле–августе 1917 г. могло сложиться впечатление, что ситуация постепенно нормализуется: позитивные тренды все же существовали или, по крайней мере, их можно было трактовать в подобном ключе. Однако попытка генерала Л. Г. Корнилова разогнать Петросовет и искоренить ненавистную «комитетчину» стерла все «плоды шестимесячной работы армейских организаций и командного состава» [9, с. 233] – будут в дальнейшем сокрушаться те, кто отдавал себе отчет в хрупкости постепенно создаваемой системы и необходимости нюансированного подхода к реорганизации армии.

Поставив на кон все, Л. Г. Корнилов не дал возможности завершить начатый процесс, хотя и, по мнению современников, провал выступления был предрешен с самого начала [17, с. 115, 121]. Организация движения корниловских войск на Петроград оставляла желать лучшего. Командиры подразделений зачастую не имели представления о действительных целях похода, а потому не могли оперативно отреагировать на распространившиеся среди частей слухи о заговоре [19, с. 105–152]. Как указывает В. С. Войтинский, казаки, узнав, что их ведут против «народа», определились быстро – последовали аресты командиров [9, с. 233]. Все прочие эпизоды выступления (визиты В. Н. Львова, интриги В. С. Завойко и Б. В. Савинкова, телеграммная война Ставки и Временного правительства) отошли на второй план и карди-

Портрет Л.Г.Корнилова, написанный
Ю.К.Арцыбушевым в 1917 г.

нальным образом повлиять на расклад сил не могли. Оказавшись в информационном вакууме, не имея возможности связаться ни со штабом в Могилеве, ни с другими подразделениями, казаки и кавказцы «Дикой дивизии» быстро попали под воздействие прибывших советских делегатов.

Следствием быстро угасшего конфликта стал новый психологический сдвиг в армии: сделалось очевидным, что контрреволюционный элемент на начальном этапе ликвидирован не был; более того, он смог сплотиться и «перейти в наступление» [2, д. 153, л. 1; 16, с. 3–6]. На все офицерство и генералитет был повешен ярлык корниловцев. «Теперь на фронте не проходило ни дня без кровавых эксцессов то в одном,

то в другом полку. В чудовищной мере усилилось дезертирство – солдаты толпами покидали позиции...» [9, с. 244]. Каждый солдат норовил увидеть за офицерскими погонами скрытого поборника диктатуры и противника революции. После выступления резко актуализировался вопрос массовых арестов «смутьянов и зачинщиков» [2, д. 153, л. 1]: задержания и заключения под стражу офицеров буквально заполонили армейские структуры [20, с. 160–161], что рассматривалось как прямое исполнение гражданского долга перед революцией. Удар справа перевернул июльскую обстановку с ног на голову, возродив процессы большевизации Советов и армии, которая вспомнила тех, кто с самого начала настраивал ее против командиров и предостерегал против исходившей от них опасности [17, с. 131; 26, с. 147]. Рецидив постфевральской военной болезни был хорошо виден современникам на примере частей III конного корпуса генерала П.Н.Краснова, ранее считавшихся наиболее образцовыми и лояльными: после августовских событий даже в них прослеживался конфликт между казачеством и офицерством. Первых держали в неведении относительно целей похода, вторых впоследствии подвергли аресту свои же подчиненные. Лето 1917 г. заканчивалось так же, как когда-то начиналась весна: произошел откат к обстановке первых месяцев революции, солдаты не хотели слушаться своих офицеров.

Став в 1917 г. политическим институтом, армия не могла позволить военным остаться вне политики, как бы они того ни желали. Де-факто в стране наблюдались сразу два тренда – политизация армии и милита-

ризация политики, хотя и равноценными они не являлись, не претендуя при этом на то, чтобы определять всю повестку в России. Не будучи единой социальной категорией, офицерство, встретившее февральские события совсем по-разному, в 1917 г. так и не смогло консолидироваться, не претерпело институционализации на всероссийском уровне и по итогу не смогло выступить с четкой повесткой тогда, когда в ней еще был какой-то смысл. Процессы идентификации офицерства и солдатства долгое время протекали обособленно, а потому в революционной буре антагонизм двух категорий удивительным не казался, хотя и существенно ослаблял боеспособность государства, вынуждая правительство балансировать между обоими интересантами ради спасения фронта и страны. Вероятно, кризис армии стал отражением государственного кризиса, демонстрируя несостоятельность старой парадигмы идентификации и требуя от всех срочного сплочения для достижения консенсуса, без которого Россия уверенно двигалась в сторону реализации одной из радикальных моделей.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.4018. (Союз офицеров-республиканцев Народной армии.) Оп.1. Д.2, 4, 7.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.6281. (Коллекция документов периода Первой мировой войны и Временного правительства.) Оп.1. Д.61, 153, 219.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р6422. (Новосильцев Лев [Леонид] Николаевич, Присяжный поверенный, Член I и IV Государственных Дум, член Конституционно-демократической партии, Председатель Союза офицеров армии и флота (1917 г.)) Оп.1. Д.8.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-6993. (Съезд фронтовых делегатов. Петроград.) Оп.1. Д.1, 2.
5. Алексеев М.В. Некоторые заметки и письма после моего отчисления от командования // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага: Орбис, 1929. С.11–57.
6. Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече, 2014. 381 с.
7. Верховский А.И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. 448 с.
8. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: Сб. документов / отв. ред. Л.М.Гаврилов. М.: Наука, 1982. 610 с.
9. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999. 320 с.
10. Государственное совещание. (1917 г. Москва.) М.; Л.: Госиздат, 1930. 372 с.
11. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Минск: Харвест, 2017. Т.1. 768 с.

12. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 238 с.
13. Керенский А.Ф. История России. Иркутск: Коммерческий центр «Журналист», 1996. 504 с.
14. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка РТР», 1996. 512 с.
15. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 384 с.
16. Корниловские дни. Бюллетени Временного Военного Комитета при ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с 28 августа по 4 сентября 1917 г. / сост. В.А.Колеров. Петроград: Союз социалистов Народной армии, 1917. 189 с.
17. Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. В 22 т. М.: «Терра»: Политиздат, 1991. Т.1. С.97–191.
18. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. 752 с.
19. Мартынов Е.И. Корнилов. (Попытка военного переворота.) Л.: Изд-во Военной типографии управлениями делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 196 с.
20. Оберучев К.М. В дни революции: Воспоминания участника великой русской революции 1917 года; Офицеры в русской революции; Советы и советская власть в России. М.: Кучково поле, 2017. 320 с.
21. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 года: В 5 т. / под общ. ред. П.В.Волобуева. Л.: «Наука», 1991. Т.1. 665 с.
22. Русский инвалид. 29 марта 1917 г. №74. 4 с.
23. Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года. По документам Российского государственного военно-исторического архива. В 2-х томах / отв. ред. И.О.Гаркуша. М.: Фонд «Связь эпох»; Кучково поле, 2019. Т.1. 1144 с.
24. Станкевич В.Б. Воспоминания: 1914–1919. Берлин: Ладыжников, 1920. 356 с.
25. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1991. Т.1. 383 с.
26. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1992. Т.3. 415 с.
27. Февральская революция, 1917: Сборник документов и материалов / отв. ред. А.Д.Степанский, В.И.Миллер. М.: РГГУ, 1996. 353 с.
28. Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М.: Центрполиграф, 2007. 430 с.
29. Шульгин В.В. Дни; 1920 год. М.: ПРОЗАиК, 2017. 413 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2024 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 1638 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 9400 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 1357 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 56 тыс. рублей.

В 2024 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра истории международных
отношений Института всеобщей истории РАН

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва

Буранок Олег Михайлович

д.филол.н., д.пед.н., профессор,
заведующий кафедрой литературы, журналистики
и методики обучения Самарского государственного
социально-педагогического университета

Буранок Александр Олегович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
средневековья и нового времени РГГУ

Мельникова Любовь Владимировна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт российской истории
Российской академии наук

Эйриян Вартан Арсенович

преподаватель кафедры
международных отношений и внешней политики России.
МГИМО (У) МИД России

Юрченко Алексей Александрович

студент магистратуры исторического факультета РГГУ

Our authors

Bogdanov Andrey Petrovich

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
at the Institute of Russian History of the Russian Academy
of Sciences, Moscow

Buranok Oleg Mikhailovich

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Head of the Department of Literature,
Journalism and Teaching Methods of the Samara State Social
and Pedagogical University

Buranok Aleksander Olegovich

Ph.D. in history, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Medieval and Modern Russian History,
Russian State University for the Humanities

Eyrian Vartan Arsenovich

Lecturer at the Department of International Relations
and Foreign Policy of Russia. MGIMO University
of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Melnikova Lyubov Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences

Yurchenko Alexey Alexandrovich

Master's degree student at the Faculty of History
of the Russian State University

Zaichenko Olga Viktorovna

Ph.D. in history, Senior Researcher at the Center for the History
of International Relations at the Institute of General History
of the Russian Academy of Sciences

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Внимание!
С 2024 года журнал будет
выходить 4 раза в год.**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2024.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.01.2025. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,125 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 212560**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2024 г.

Теория и практика политических игр

Орешин С.А. Российская Федерация и Чеченская Республика в 1994 году: накануне конфликта. №2. С. 6

Геоглобалистика

Дегоев В.В., Эйриян В.А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. №2. С. 32

Журавлев В.В. Революции и реформы в истории России. №1. С. 6

Заиченко О.В. «Как вы могли поверить, что мне нет дела до Польши!..» №4. С. 56

Грани катастрофы

Асташов А.Б. №3. С. 6

Ресурсы нации

Белов А.В. Второй «столичный город»: формирование административной инфраструктуры Москвы в ходе «Реформы города» Екатерины II. №1. С. 84

Горлов В.Н. Идеологический аспект строительства домов-коммун в 1920-е годы в СССР. №2. С. 136

Козлов С.А. «На пользу всего нашего обширного Отечества...»: Иван Николаевич Клинген (1851–1922). №2. С. 116

Ярлыки и мифы

Богданов А.П. Венчание русских государей и традиция империи ромеев. №1. С. 40

Богданов А.П. Александр Невский и Запад: литературный образ и реальность. №2. С. 56

Булдакова Д.И. Декабристы в российском общественном сознании 2000-х гг. №2. С. 106

Лазарева Л.Н., Маслов Д.В. «Центральный Комитет партии об этом много думает»: формирование основ культурной политики позднего сталинизма. №2. С. 90

Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике. №3. С. 76

Эйриян В.А., Юрченко А.А. «Не могу понять, как генералы могли так заблуждаться»: эволюция военного вопроса в 1917 г. №4. С. 150

Национальная доктрина

Богданов А. П. Хронограф Великой России. №4. С. 6

Россия в мире

Буранок О. М., Буранок А. О. Первый переводчик Сервантеса на русский язык – Никанор Иванович Ознобишин и его родословная. №3. С. 80

Ковалев М. В., Груздинская В. С., Шереш А. Венгерский историк Йозеф Перени и советская историческая наука. №1. С. 160

Хайлова Н. Б. «Проблемски пробуждения Китая» на рубеже XIX–XX вв. №3. С. 100

Страницы истории

Буранок О. М., Буранок А. О. Первый переводчик Сервантеса на русский язык – Никанор Иванович Ознобишин и его родословная (окончание). №4. С. 84

Архипова С. В. У истоков Кабинета Востока Исторической библиотеки: к 85-летию со дня открытия. №1. С. 98

Каменцев А. А. Возрождение казачества и красно-белая память. №3. С. 86

Киржа К. В. О некоторых аспектах взаимоотношений России и Сербии в годы Первого сербского восстания. №1. С. 92

Корнадут К. Д. Развитие правозащитной медиапублицистики времен перестройки (на примере журнала «Гласность»). №2. С. 168

Мельникова Л. В. Православные обители и монашество Крыма во время Крымской войны 1853–1856 гг. №4. С. 112

Плех О. А. Юбилей восстания декабристов на страницах научных журналов середины 1920-х гг. №1. С. 70

Сазонова Д. Ю. Роль С. С. Уварова в создании и работе Археографической комиссии. №2. С. 150

Татаринев И. Е. Секретная агентура ВЧК-ГПУ-НКВД на Донбассе в 1920-х-1930-х гг. №1. С. 90

Редакционная почта

Коваль А. И. Джазовая публицистика в сети Интернет. №2. С. 176

LIST OF ARTICLES, PUBLISHED IN THE MAGAZINE IN 2024

Theory and Practice of the Political Games

Oreshin S.A. The Russian Federation and the Chechen Republic in 1994: On the Eve of the Conflict. №2. P. 6

Geopolitics and International Policy Issues

Degoev V.V., Eiriyan V.A. "We Will Justify the Trust of the Government": Participation of the Russian Orthodox Church in Soviet Ideological Campaigns in 1945–1953. №2. P. 32

Zhuravlev V.V. Revolutions and Reforms in the History of Russia. №1. P. 6

Zaichenko O.V. "How Could You Believe That I Don't Care About Poland!.. " №4. P. 56

Facets of Catastrophe

Astashov A.B. Military Crimes as a Factor in the Criminalization of Russia in World War I. №3. P. 6

Resources of Nation

Belov A.V. The Second "Capital City": Formation of the Administrative Infrastructure of Moscow During the "City Reform" of Catherine II. №1. P. 84

Gorlov V.N. Ideological Aspect of the Construction of Communal Houses in the 1920s in the USSR. №2. P. 136

Kozlov S.A. "For the Benefit of Our Entire Vast Fatherland... ": Ivan Nikolaevich Klingen (1851–1922). №2. P. 116

Labels and Myths

Bogdanov A.P. The Coronation of Russian Sovereigns and the Tradition of the Roman Empire. №1. P. 40

Bogdanov A.P. Alexander Nevsky and the West: Literary Image and Reality. №2. P. 56

Buldakova D.I. The Decembrists in the Russian Public Consciousness of the 2000s. №2. P. 106

Lazareva L.N., Maslov D.V. "The Central Committee of the Party Thinks a Lot About This": Formation of the Foundations of the Cultural Policy of Late Stalinism. №2. P. 90

Eiriyan V.A. "The Cold War Was on the Wane": Coverage of the Suez Crisis in the Orthodox Periodicals. №3. P. 76

Eiriyan V.A., Yurchenko A.A. "I Can't Understand how the Generals Could be so Mistaken": the Evolution of the Military Issue in 1917. №4. P. 150

National Doctrine

Bogdanov A.P. Chronograph of Great Russia. №4. P. 6

Russia in the World

Buranok O.M., Buranok A.O. The First Translator of Cervantes Into Russian Nikanor Ivanovich Oznobishin and his Genealogy. №3. P. 80

Kovalev M.V., Gruzinskaya V.S., Seres A. Hungarian Historian József Perényi and Soviet Historical Science. №1. P. 160

Khaylova N.B. "Glimpses of China's Awakening" at the Turn of the XIX–XX Centuries (Based on the Pages of the Magazine "Vestnik Evropy"). №3. P. 100

Pages of History

Buranok O.M., Buranok A.O. The First Translator of Cervantes into Russian – Nikanor Ivanovich Oznobishin and His Genealogy (End). №4. P. 84

Arkhipova S.V. At the Origins of the Oriental Cabinet of the Historical Library: on the 85th Anniversary of the Opening. №1. P. 98

Kamentsev A.A. The Revival of the Cossacks and the Red-White Memory. №3. P. 86

Kirzha K.V. On Some Aspects of Relations Between Russia and Serbia During the First Serbian Uprising. №1. P. 92

Kornadut K.D. Development of Human Rights Media Journalism During Perestroika (Using the Journale "Glasnost" as an Example). №2. P. 168

Melnikova L.V. Orthodox Monasteries and Monasticism in Crimea During the Crimean War of 1853–1856. №4. P. 112

Plekh O.A. Anniversary of the Decembrist Uprising on the Pages of Scientific Journals of the Mid-1920s. №1. P. 70

Sazonova D. Yu. The Role of S.S. Uvarov in the Creation and Work of the Archaeographic Commission. №2. P. 150

Tatarinov I.E. Secret Agents of the Cheka-GPU-NKVD in the Donbass in the 1920s–1930s. №1. P. 90

Readers' Letters

Koval A.I. Jazz Journalism on the Internet. №2. P. 176

4. 2024 october-december

National Doctrine

Andrey Bogdanov

Chronograph of Great Russia _____ 6

Geopolitics and International Policy Issues

Olga Zaichenko

"How Could You Believe That I Don't Care About Poland!.." The Polish Uprising of 1830–31, its Place in the European "War of the Main Antagonistic Principles" and the Reaction of the Liberal Part of German Society _____ 56

Pages of History

*Oleg Buranok,
Alexander Buranok*

The First Translator of Cervantes
Into Russian Nikanor Ivanovich
Oznobishin and His Family Tree.
Part 2. The Family Tree _____ 84

Lyubov Melnikova

Orthodox Monasteries and Monasticism
of Crimea During the Crimean War
of 1853–1856 _____ 112

Labels and Myths

*Vartan Eyrian,
Alexey Yurchenko*

"I Cannot Understand How the Generals
Could be so Mistaken": the Evolution
of the Military Question in 1917 _____ 150

РОССИЯ XXI